

ВЕСТНИК

2(67) 2019

АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ
ВОЕННО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с мая 2002 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-12244 от 02.04.2002 г.

Выходит 4 раза в год

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

М.А. Гареев, доктор военных наук, доктор исторических наук, профессор, главный редактор;
С.П. Белоконов, доктор технических наук, профессор, заместитель главного редактора;
В.В. Воробьев, доктор экономических наук, профессор;
В.М. Глуценко, доктор экономических наук, доктор военных наук, профессор;
П.А. Дрогвоз, доктор экономических наук, профессор;
П.А. Дульнев, доктор военных наук, профессор;
И.М. Капитанец, специалист по Военно-Морскому Флоту;
А.Н. Карпов, доктор политических наук, профессор;
А.В. Копылов, доктор политических наук, профессор;
С.А. Модестов, доктор политических наук, доктор философских наук, профессор;
А.А. Павловский, доктор военных наук, профессор;
А.И. Пожаров, доктор экономических наук, профессор;
А.А. Прохожев, доктор экономических наук, профессор;
В.А. Рябошапка, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель главного редактора;
Г.Ю. Филимонов, доктор политических наук;
Д.Н. Филипповых, доктор исторических наук, профессор;
С.В. Чварков, доктор военных наук, профессор;
Н.Н. Швец, доктор экономических наук, доцент.

СОСТАВ НАУЧНО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Н.И. Турко, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (председатель);
В.П. Баранов, доктор исторических наук, профессор;
И.В. Бочарников, доктор политических наук;
С.Ф. Викулов, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
А.О. Камбаров, доктор экономических наук;
В.И. Ковалев, кандидат технических наук;
В.Д. Косынкин, доктор технических наук, профессор;
В.Ю. Корчак, доктор экономических наук, профессор;
М.Ю. Куприков, доктор технических наук, профессор;
В.И. Куроедов, доктор политических наук, профессор;
В.Ф. Лата, доктор военных наук, профессор;
Е.К. Миннибаев, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
С.Л. Печуров, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
В.В. Пименов, доктор экономических наук, профессор;
А.А. Рахманов, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
Н.П. Ромашкина, кандидат политических наук, профессор;
В.В. Сухорученко, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
А.Я. Черныш, доктор военных наук, профессор;
И.А. Шеремет, доктор технических наук, профессор;
С.В. Ягольников, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
Б.А. Якимович, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За содержание рекламы отвечает рекламодатель. В соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации» редакция имеет право не вступать в переписку с авторами. При перепечатке материалов ссылка на «Вестник Академии военных наук» обязательна.

Журнал предназначен для лиц старше 18 лет.

Подписано в печать 27.08.2019 г. Формат 60x90 1/8.
 Печать офсетная. Печ. л. 23. Тираж 1000 экз. Заказ № 446. Цена договорная.
 Адрес редакции: 117330, г. Москва, Университетский пр., д. 14,
 тел. (499) 194-24-48, (499) 147-51-19, факс: (499) 143-67-38

© Вестник Академии военных наук

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННО-НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК

- В.В. ГЕРАСИМОВ.** Развитие военной стратегии в современных условиях. Задачи военной науки 6
- М.А. ГАРЕЕВ.** Итоги деятельности Академии военных наук за 2018 год и задачи академии на 2019 год 12
- А.М. ЦЫГАНКОВ.** Военно-политические аспекты строительства и развития Вооруженных Сил Российской Федерации на современном этапе 19
- А.А. КОКОШИН.** Перспективы развития военной техносферы и Будущее войн и небоевого применения военной силы 25
- В.И. ОСТАНКОВ.** Характер современных военных конфликтов и его влияние на военную стратегию . . 30
- А.А. КОРАБЕЛЬНИКОВ.** Взаимосвязь военной стратегии, оперативного искусства и тактики в современных условиях 35
- С.Р. ЦЫРЕНДОРЖИЕВ.** Основы концепции обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации 42
- Е.А. ДЕРБИН.** О совершенствовании стратегического руководства обороной России . . . 46
- С.С. ГОРЕСЛАВСКИЙ.** Торговля вооружениями как инструмент политического влияния на международной арене. 53
- В.П. КОЗИН.** Особенности негативного отношения США к договорам в области контроля над вооружениями перспективная реакция России с точки зрения укрепления ее национальной безопасности и стратегической стабильности 55
- В.П. БАРАНОВ.** Биотерроризм как одно из новых направлений в будущих войнах 60
- С.В. АКСЕНОВ.** Обеспечение устойчивости группировки стратегических ядерных сил в условиях информационного противоборства . . . 66
- В.Г. КАЗАКОВ.** Развитие оперативного искусства и тактики Военно-воздушных сил в современных условиях 69

Уважаемые читатели!

Подписка на электронную версию журнала –
на сайте www.avnrf.ru

СОДЕРЖАНИЕ

А.В. ВАСИЛЬЕВ. Законодательные и нормативные основы военно-конфессиональных отношений в Российской Федерации.	73
--	----

ГЕОПОЛИТИКА И ОБОРОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

А.С. МАРКОВ, И.А. ШЕРЕМЕТ. Безопасность программного обеспечения в контексте стратегической стабильности.	82
Е.А. ДЕГТЕРЕВА. Некоторые аспекты активизации военно-экономического сотрудничества на пространстве ОДКБ	91
А.С. АЛЕКСЕЕВ, В.И. ПОТАПОВ. Проблемные вопросы охраны объектов морской экономической деятельности Российской Федерации.	97

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

С.А. СЫЧЕВ. Принципы применения общевойсковых формирований Сухопутных войск, оснащенных робототехническими комплексами военного назначения	101
---	-----

ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

А.А. РАХМАНОВ, С.В. ЯГОЛЬНИКОВ. Проблемы развития военно-научного комплекса Вооруженных Сил Российской Федерации и пути их решения	108
В.Б. СТАШКОВ, Д.А. ДИМОНОВ, Е.В. ЮМАШЕВА. К вопросу о концепции формирования квалифицированного специалиста в военном образовательном учреждении	114
Е.Ю. СУХОВЕЦКАЯ, А.В. ВИНОГРАДОВ, А.Л. СНИГИРЕВ. Педагогическое обеспечение правового воспитания курсантов вузов войск национальной гвардии Российской Федерации	120

ВСЕСТОРОННЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВС РФ

В.Ф. ЛАТА, В.А. АННЕНКОВ, В.Ф. МОИСЕЕВ. Информационное противоборство: система терминов и определений	128
В.К. НОВИКОВ, С.В. ГОЛУБЧИКОВ. Формы радиоэлектронной борьбы в современных условиях.	139

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

М.А. ШЛЯХТУНОВ. Обстановка под блокадным Ленинградом к началу января 1943 года.	144
Ю.И. БУНДИН. История архитектуры православных храмов воинской славы.	148
Е.В. ИЛЬИНОВ, В.И. ДЕГТЯРЕВ. Применение авиации в боевых действиях в Афганистане	155
В. А. ИСУПОВ. К вопросу о масштабах воинских мобилизаций в Сибирском военном округе в годы Второй мировой войны	163
В.В. КУЛАКОВ, Ю.Н. ПОНОМАРЕВ, Е.И. КАШИРИНА. Награды Российской империи в Первой мировой войне (1914–1918 гг.)	174

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

В.В. БАСКАКОВ, В.А. РЯБОШАПКО. Заслуженные деятели науки несправедливо забыты	179
--	-----

CONTENTS

V.V. GERASIMOV. Development of military strategy in modern conditions. tasks of military science	6
M.A. GAREEV. Results of the academy of military sciences activities in 2018 and the tasks of the academy for 2019	12
A.M. TSYGANKOV. Military and political aspects of construction and the development of the armed forces of the russian federations at the modern stage	19
A.A. KOKOSHIN. Development prospects of military technosphere and the future of wars and skyline employmentof military force	25
V.I. OSTANKOV. The nature of modern military conflicts and its effect on military strategy	30
A.A. KORABELNIKOV. Interrelation between military strategy, operational art and tactics in modern conditions	35
S.R. TSYRENDORZHIEV. Concept basis of justification of the perspective look of power military organization components of the russian federation	42
E.A. DERBIN. The russian federation defense strategic command improvement	46
S.S. GORESLAVSKIY. Weapons sales as a tool of political impact on international scene	53
V.P. KOZIN. Peculiarities of the us the negative attitude to agreements in the field of arms control and perspective reaction of russia from the point of view of its national security and strategic stability strengthening	55
V.P. BARANOV. Bioterrorism is one of new directions/ areas in future wars	60
S.V. AKSENOV. Ensuring of the strategic nuclear forces grouping sustainability in the conditions of information warfare	66
V.G. KAZAKOV. The development of operational art and tactics of militaryair forces in modern conditions	69
A.V. VASILYEV. Legislative and regulatory framework of military-church relations in the Russian Federation	73
A.S. MARKOV, I.A. SHEREMET. Software safety in the context of strategic stability	82
E.A. DEGTEREVA. Some aspects of enhancement of military and economic cooperation in the csto	91
A.S. ALEKSEEV, V.I. POTAPOV. Problematic issues of protection of objects of marine economic activity of the Russian Federation.	97
S.A. SYCHYOV. Principles for the use of combined arms formations of the ground forces equipped with military robotic sets	101
A.A. RACHMANOV, S.V. YAGOLNIKOV. Problems of development for military-scientific complex of the armed forces of the russian federation and ways of their solution	108
V.B. STASHKOV, D.A. DIMONOV, E.V. YUMASHEVA. Up to issue upon I concept of skilled specialist making-up in military educational institution	114
E.YU. SUKHOVETSKAYA, A.V. VINOGRADOV, A.L. SNIGIREV. Pedagogical support of the legal education of cadet of high school of the national guard troops of the russian federation	120
V.F. LATA, V.A. ANNENKOV, V.F. MOISEEV. Informational countemeasures: agaiust the system of terms and definitions	128
V.K. NOVIKOV, S.V. GOLUBHIKOV. Electronic warfare forms in modern conditions	139
M.A. SHLYAHTUNOV. The situation in Leningrad by the beginning of 1943	144
YU.I. BUNDIN. The history of the architecture of orthodox churches of militari glory	148
E.V. ILINOV, V.I. DEGTYAREV. The use of aviation in combat operations in afghanistan	155
V.A. ISUPOV. To the question of the scale of military mobilization in thesiberian military district during thee world war II	163
V.V.KULAKOV, YU.N. PONOMAREV, E.I. KASHIRINA. Awards of the russian empire in the first world war (1914–1918)	174
V.V. BASKAKOV, V.A. RYABOSHAPKO. Honored scientists unfairly forgotten	179

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ – АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА И ПОДГОТОВКИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ

В Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации 2 марта 2019 года состоялось общее собрание (военно-научная конференция) Академии военных наук. Повестка дня «Итоги работы АВН в 2018 году. Развитие военной стратегии в современных условиях. Актуальные проблемы строительства и подготовки Вооруженных Сил Российской Федерации».

С отчетным докладом «Об итогах работы АВН за 2018 год и задачах на 2019 год» выступил президент Академии военных наук генерал армии М.А. Гареев.

В ходе конференции, наряду с подведением итогов работы АВН, были обсуждены актуальные вопросы, в том числе о характере будущих войн, роль и место военной стратегии в современном межгосударственном противоборстве, включая политические, экономические, информационные и иные его формы, теоретические аспекты подготовки государства к войне, методология и практика совершенствования руководства военной организации государства.

В работе собрания приняли участие члены Академии военных наук, представители Администрации Президента РФ, Правительства РФ, Совета Федерации и Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, аппарата Совета безопасности РФ, руководящий состав Министерства обороны, Генерального штаба и других силовых ведомств России, ведущие ученые Российской академии наук, военных академий, научно-исследовательских учреждений Минобороны России, организаций оборонно-промышленного комплекса, занимающиеся оборонными проблемами, заслуженные военачальники и ветераны Вооруженных Сил.

В ходе общего собрания, проводившегося традиционно в форме военно-научной конференции, были рассмотрены и обсуждены следующие основные вопросы:

- развитие военной стратегии в современных условиях. Задачи военной науки;
- морально-политические факторы военной стратегии;
- современные тенденции развития военных стратегий зарубежных государств;
- проблемные вопросы оперативного развертывания и организации управления группировками войск (сил) на ТВД;
- перспективы развития военной техносферы и вопросы будущих войн и не боевого применения военной силы;
- характер современных военных конфликтов и их влияние на военную стратегию;
- взаимосвязь военной стратегии, оперативного искусства и тактики в современных условиях;
- основы концепции обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации государства;
- совершенствование стратегического руководства обороной Российской Федерации;
- о современных задачах фундаментальной юридической науки по обеспечению обороны и безопасности государства;
- торговля оружием как инструмент политического влияния на международной арене;
- прогнозирование облика перспективной системы вооружения;
- военно-политические аспекты межгосударственного противоборства;
- особенности негативного отношения США к договорам в области контроля над вооружениями и перспективная реакция России с точки зрения укрепления ее национальной безопасности и стратегической стабильности;
- цифровая экономика. Роль Вооруженных Сил РФ в обеспечении лидерства России на глобальном рынке цифровой трансформации;
- проблемы создания «цифровых двойников» образцов ВВСТ, моделирования, проекти-

рования и экспертизы сложных оборонительных систем;

- биотерроризм. Проблемы обеспечения биологической безопасности России;

- обеспечение устойчивости группировки СЯС в условиях информационного противоборства;

- значение системы воздушно-космической обороны в условиях обострения военно-политической обстановки в мире;

- развитие оперативного искусства и тактики ВВС в современных условиях;

- Арктика – передний рубеж обороны.

В ходе обсуждения основных вопросов конференции с докладами и сообщениями выступили: президент Академии военных наук генерал армии М.А. Гареев, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации – первый заместитель министра обороны Российской Федерации генерал армии В.В. Герасимов; заместитель начальника ВУНЦ ВВС «ВВА им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» генерал-майор В.Г. Казаков; декан факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова академик РАН А.А. Кокошин; ведущий научный сотрудник ВАГШ ВС РФ генерал-лейтенант В.И. Останков; ведущий эксперт Центра военно-политических исследований МГИМО (У) МИД России член-корреспондент АВН В.П. Козин; руководитель научного отделения АВН генерал-полковник В.П. Баранов, а также руководители ряда других московских и региональных отделений АВН и иные участники собрания, которое прошло в деловой, творческой обстановке, с дискуссионным обсуждением проблемных вопросов и выработкой конкретных предложений по совершенствованию процессов строительства и подготовки Вооруженных Сил Российской Федерации.

Участники общего собрания заслушали также отчет ревизионной комиссии АВН о расходовании бюджета АВН в 2018 году.

В принятом постановлении собрания АВН о работе президиума и отделений АВН за 2018 год их деятельность признана удовлетворительной.

Состоялись выборы в действительные члены, член-корреспонденты и профессора АВН.

Участники общего собрания заслушали также отчет ревизионной комиссии АВН о расходовании бюджета АВН в 2018 году.

В принятом постановлении собрания АВН о работе президиума и отделений АВН за 2018 год их деятельность признана удовлетворительной.

Состоялись выборы в действительные члены, член-корреспонденты и профессора АВН.

ПРИВЕТСТВИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК

Академия военных наук, созданная Указом Президента Российской Федерации в феврале 1995 г., за период своей деятельности показала себя авторитетным общественным военно-научным объединением, вносящим весомый вклад в разработку важнейших оборонных проблем.

Сегодня Академия объединяет крупных военных ученых и специалистов самого широкого профиля, всех тех, кто посвятил свою жизнь развитию теории и практики военного дела. За эти годы возросло влияние Академии на решение вопросов военной безопасности России, системное исследование всего комплекса как военных наук, так и военной проблематики гуманитарных, естественных и технических отраслей знаний.

Главным направлением в работе Академии на современном этапе является научное обоснование наиболее рациональных путей экономичного и эффективного выполнения оборонных задач и совершенствования военной организации государства. Именно на решении этих проблем должны быть сосредоточены основные усилия высококвалифицированных специалистов – ученых Академии и всей военной науки.

Приветствую участников общего собрания Академии военных наук и желаю Вам новых творческих успехов.

Президент Российской Федерации

В.В. ПУТИН

РАЗВИТИЕ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ. ЗАДАЧИ ВОЕННОЙ НАУКИ

DEVELOPMENT OF MILITARY STRATEGY IN MODERN CONDITIONS. TASKS OF MILITARY SCIENCE

Раскрываются основные характерные черты современных военных конфликтов. Показана эволюция основных стратегических концепций. Дано содержание «стратегии активной обороны». Представлены принципы предотвращения, подготовки и ведения войны, представлена система прогнозных сценариев. Вскрыты особенности реализации форм применения группировок войск (сил) в рамках «стратегии ограниченных действий». Определены главные задачи военной науки и пути их решения.

The main characteristics of modern military conflicts are revealed. The evolution of the main strategic concepts is shown. The concept of the “active defense strategy” is introduced. The principles of prevention, preparation and warfare are presented. The system of forecast scenarios is suggested. The features of the implementation of application forms of forces groupings within “the strategy of limited actions” are revealed. The main tasks of military science and ways of their solutions are identified.

Ключевые слова: военная стратегия, «стратегия активной обороны», принципы предотвращения, подготовки и ведения войны, система прогнозных сценариев, «зеркальные» или «асимметричные» меры стратегического сдерживания, способы действий войск, информационная сфера противоборства, система военно-политической работы.

Keywords: military strategy, “active defense strategy”, principles of prevention, preparation and warfare, system of forecast scenarios, “tit-for-tat” or “asymmetric” measures of strategic deterrence, methods of field activity, information warfare, system military-political work system.

Традиционно ежегодная конференция Академии военных наук является площадкой для обмена мнениями военными специалистами по наиболее актуальным и проблемным вопросам военной науки.

Результаты конференции по своей сути определяют дальнейшие направления ее развития, вследствие чего всегда широко обсуждаются как в России, так и за рубежом.

В этом году мы рассматриваем вопросы развития военной стратегии в современных условиях.

Военная стратегия, как наука «...искусство вождения войск», зародилась в начале прошлого века и развивалась на основе исследования опыта войн.

В общем виде стратегия представляет «... систему знаний и действий по предотвращению, подготовке и ведению войны».

В настоящее время расширяются виды войн и существенно изменяется их содержание.

Увеличивается количество субъектов, участвующих в вооруженной борьбе. Наряду с вооруженными силами суверенных государств воюют различные бандформирования, частные военные компании и самопровозглашенные «квазигосударства».

Активно задействуются средства экономического, политического, дипломатического, информационного давления, а также демонстрация военной мощи в интересах усиления эффективности невоенных мер. Военная сила применяется когда не удалось достигнуть поставленных целей невоенными методами.

Между тем геополитические соперники России не скрывают, что собираются достигать политические цели не только в ходе локальных конфликтов с ограниченными целями. Они готовятся к ведению войн с «высокотехнологичным противником», с задействованием высокоточных средств поражения с воздуха, моря и из космоса, с активным ведением информационного противоборства.

В этих условиях Вооруженные Силы должны быть готовы к ведению войн и вооруженных конфликтов нового типа с использованием «классических» и «асимметричных» способов действий. Поэтому первостепенное значение для развития теории и практики военной стратегии приобретает поиск рациональных стратегий ведения войны с различным противником.

Нам необходимо уточнить сущность и содержание военной стратегии, принципы предотвращения, подготовки к войне и ее ведения.

Следует и дальше развивать формы и способы применения Вооруженных Сил, прежде всего в стратегическом сдерживании, а также совершенствовать организацию обороны государства.

В процессе своего развития военная стратегия прошла несколько этапов эволюции — от «стратегии сокрушения» и «стратегии измора» до стратегий «глобальной войны», «ядерного сдерживания» и «непрямых действий».

США и их союзники определили агрессивный вектор своей внешней политики. Ими прорабатываются военные действия наступательного характера, такие как: «глобальный удар», «многосферное сражение», используются технологии «цветных революций» и «мягкой силы».

Их целью является ликвидация государственности неугодных стран, подрыв суверенитета, смена законно избранных органов государственной власти. Так было в Ираке, Ливии и на Украине. В настоящее время аналогичные действия наблюдаются в Венесуэле.

Пентагон приступил к разработке принципиально новой стратегии ведения военных действий, которую уже окрестили «тройной конь».

Суть ее заключается в активном использовании «протестного потенциала пятой колонии» в интересах дестабилизации обстановки с одновременным нанесением ударов ВТО по наиболее важным объектам.

Хотел бы отметить, что Российская Федерация готова к противодействию любой из этих стратегий. За последние годы военными учеными совместно с Генеральным штабом разработаны концептуальные подходы по нейтрализации агрессивных действий вероятных противников.

Основой «нашего ответа» является «стратегия активной обороны», которая с учетом оборонительного характера российской Военной доктрины предусматривает проведение комплекса мер по упреждающей нейтрализации угроз безопасности государства.

Именно обоснование разрабатываемых мер должно составлять научную деятельность военных ученых. Это одно из приоритетных направлений обеспечения безопасности государства. Мы должны опережать противника в развитии военной стратегии, идти «на шаг впереди».

Развитие стратегии как науки должно охватывать два направления. Это развитие системы знаний о войне и совершенствование практи-

ческой деятельности по предотвращению войны, подготовке к ней и ее ведению.

Областью исследований военной стратегии является вооруженная борьба, ее стратегический уровень. С появлением новых сфер противоборства в современных конфликтах методы борьбы все чаще смещаются в сторону комплексного применения политических, экономических, информационных и других невоенных мер, реализуемых с опорой на военную силу.

Но все-таки главное содержание военной стратегии составляют вопросы подготовки к войне и ее ведения, в первую очередь Вооруженными Силами. Да, мы учитываем все остальные невоенные меры, которые влияют на ход и исход войны, обеспечивают и создают условия для эффективного применения военной силы. При этом надо понимать, что противоборство в других сферах представляет отдельные направления деятельности со своими «стратегиями», способами действий и соответствующими ресурсами. В интересах достижения общей цели мы должны осуществлять их координацию, а не напрямую руководить ими.

Стратегия должна заниматься прогнозированием характера будущих войн, разработкой новых «стратегий» их ведения, подготовкой в целом государства и Вооруженных Сил к войне.

В связи с этим необходимо обновить перечень задач исследований, дополняя их новыми направлениями научной деятельности.

Безусловно, работу по данным направлениям военной стратегии должна возглавить Военная академия Генерального штаба совместно с Академией военных наук.

Для более эффективной проработки вопросов требуется привлечение всех научных организаций Министерства обороны, научного потенциала заинтересованных федеральных органов исполнительной власти. Как показывает практика, проблемные вопросы необходимо обсуждать на научно-практических конференциях, рассматривать в ходе «круглых столов».

Только в этом случае они принесут новые результаты в области теории и практики военной стратегии.

С изменением характера войны и условий ее подготовки и ведения перестают применяться одни принципы стратегии, другие наполняются новым содержанием.

Принцип предотвращения войны заключается в предвидении развития военно-политической и стратегической обстановки в интересах своевременного выявления военных опасностей и угроз, своевременного реагирования на них.

Принципы заблаговременной подготовка государства к обороне обеспечивается постоянной высокой боевой и мобилизационной готовностью вооруженных сил, а также созданием и поддержанием стратегических резервов и запасов.

В современных условиях получил развитие принцип ведения войны на основе скоординированного применения военных и невоенных мер при решающей роли Вооруженных Сил.

По-прежнему актуален принцип достижения внезапности, решительности и непрерывности стратегических действий.

Действуя быстро, мы должны упреждать противника своими превентивными мерами, своевременно выявлять его уязвимые места и создавать угрозы нанесения ему неприемлемого ущерба. Это обеспечивает захват и удержание стратегической инициативы.

Работа по уточнению действующих и обоснование новых принципов должна продолжаться при консолидации усилий всего научного сообщества. Необходимо формировать принципы общего универсального характера и принципы действий применительно к конкретно складывающейся обстановке.

Такими видятся основные направления развития теоретических положений военной стратегии. Однако, как сказал великий русский полководец Александр Васильевич Суворов: «Теория без практики мертва...»

Именно поэтому практическую деятельность военной стратегии невозможно представить без ее научного обоснования.

Фундаментальной основой практической деятельности стратегии является создание системы исследования прогнозных сценариев развязывания и ведения военных конфликтов. Именно обоснованный прогноз сценариев возможных конфликтов служит исходными данными для разработки форм и способов применения Вооруженных Сил. В настоящее время теоретически проработана и практически подтверждена рациональная система форм применения Вооруженных Сил, в которой важной

составной частью являются действия по стратегическому сдерживанию.

Сегодня Вашингтон продолжает курс на расширение системы военного присутствия непосредственно у границ России, разрушение системы договорных отношений по вопросам ограничения и сокращения вооружений, что ведет к нарушению стратегической стабильности. Так, в 2002 году США в одностороннем порядке вышли из Договора об ограничении систем противоракетной обороны.

Следующим их шагом, после демонстративного приостановления участия в Договоре о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, может стать отказ от продления Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений СНВ-3.

В последнее время Пентагон неоднократно заявлял о намерении использовать в военных целях космос. Для этого формируется новый род войск — космические войска, что создает предпосылки к милитаризации космического пространства.

В конечном счете, все эти действия могут привести к резкому обострению военно-политической обстановки, появлению военных угроз, на которые нам придется отвечать «зеркальными» и асимметричными мерами.

Вследствие этого актуальной задачей развития военной стратегии является обоснование и совершенствование мер ядерного и неядерного сдерживания. Любой потенциальный агрессор должен понимать, что всякая форма давления на Россию и ее союзников бесперспективна.

Наш ответ не заставит себя ждать. Для этого принимаются на вооружение и разворачиваются современные образцы вооружения, в том числе принципиально новые виды оружия.

Началось серийное производство новых образцов вооружения в интересах оснащения ими Вооруженных Сил. «Авангард», «Сармат», новейшее оружие «Пересвет» и «Кинжал» показало свою высокую эффективность, успешно проходят испытания комплексов «Посейдон» и «Буревестник». Идет плановая работа по созданию гиперзвуковой ракеты морского базирования «Циркон».

Не подлежит сомнению факт, что в этой области мы уверенно лидируем по сравнению с технологически развитыми странами мира.

Так, недавно принято решение о проведении научных и конструкторских работ по разработке наземных комплексов гиперзвуковых ракет средней и меньшей дальности.

Создание новых образцов оружия не будет втягивать Россию в новую гонку вооружения. Достаточное для сдерживания количество новых комплексов будет создано в рамках запланированного военного бюджета.

Проводимая нашими западными партнерами политика вынуждает нас «на угрозу отвечать созданием угрозы», планировать в перспективе нанесение ударов по центрам принятия решения, а также пусковым установкам, позволяющим осуществить боевое применение крылатых ракет по объектам на территории России.

Военные ученые должны активизировать исследования по поиску и внедрению новых способов применения перспективного вооружения, а также обоснованию форм противодействия возможным военным действиям вероятного противника в космосе и из космоса.

Важную роль для развития стратегии имеет сирийский опыт. Его обобщение и внедрение позволили выделить новую практическую область.

Это выполнение задач по защите и продвижению национальных интересов за пределами территории России в рамках «стратегии ограниченных действий».

Основой реализации данной стратегии является создание самостоятельной группировки войск (сил) на основе формирований одного из видов Вооруженных Сил, обладающего высокой мобильностью и способного внести наибольший вклад в решение поставленных задач. В Сирии такая роль отведена формированиям Воздушно-космических сил.

Важнейшими условиями реализации данной стратегии является завоевание и удержание информационного превосходства, опережающая готовность систем управления и всестороннего обеспечения, а также скрытное развертывание необходимой группировки.

Получили обоснование новые способы действий войск в ходе операции. Роль военной стратегии заключалась в планировании и координации совместных военных и невоенных действий российской группировки войск (сил) и формирований вооруженных сил заинтересо-

ванных государств, военизированных структур стран-участниц конфликта.

Получило развитие постконфликтное урегулирование. В Сирии впервые была разработана и апробирована на практике новая форма применения формирований Вооруженных Сил – гуманитарная операция. В Алеппо и в Восточной Гуте в сжатые сроки пришлось планировать и проводить мероприятия по выводу мирного населения из зоны конфликта одновременно с выполнением боевых задач по разгрому террористов.

Достигнутые результаты в Сирии позволили выделить актуальные направления исследований вопросов применения Вооруженных Сил в ходе выполнения задач по защите и продвижению национальных интересов за пределами национальной территории.

Одно из направлений развития стратегии связано с созданием и развитием на базе современных информационных и телекоммуникационных технологий единой системы интегрированных сил и средств разведки, поражения и управления войсками и оружием.

Она предназначена для обнаружения, выдачи целеуказания и нанесения избирательных ударов по критически важным объектам в масштабе времени близком к реальному стратегическим и оперативно-тактическим неядерным оружием. В дальнейшем военной науке необходимо разрабатывать и обосновывать систему комплексного поражения противника.

Следующее направление связано с масштабным применением роботизированных комплексов военного назначения, в первую очередь беспилотных летательных аппаратов, для повышения эффективности решения широкого спектра задач.

Другим направлением стало создание системы противодействия применению беспилотных летательных аппаратов и высокоточного оружия.

Здесь решающую роль сыграли силы и средства радиоэлектронной борьбы, которые обеспечили возможность избирательного воздействия исходя из типа объекта, его структуры, критичности по времени.

Задача военной науки по данному вопросу состоит, прежде всего, в научной проработке вопросов создания стратегической системы

противодействия беспилотным летательным аппаратам в ВС РФ и обоснования перспективных стратегических систем радиоэлектронной борьбы и их интеграция в единую систему.

Подчеркну: цифровые технологии, роботизация, беспилотные системы, РЭБ – все это должно быть в повестке развития военной науки, в том числе военной стратегии.

Одной из характерных черт современных военных конфликтов является дестабилизация внутренней безопасности государства проведением противником диверсионно-террористических действий.

Именно поэтому проработка и совершенствование системы территориальной обороны, ее структуры, способов построения, обоснование комплекса мероприятий по ее постоянной готовности является важным направлением развития военной стратегии и задачей военной науки.

В настоящее время у нас многое делается по реализации мер военного и невоенного характера, осуществляемых министерствами и ведомствами в интересах обороны государства.

При этом необходимо продолжить проработку вопросов координации действий сил федеральных органов исполнительной власти, распределения их полномочий, управления решением задач территориальной обороны в период эскалации военной угрозы и при возникновении кризисных ситуаций.

Особенно актуальным является обоснование создания комплексной системы защиты критически важных объектов инфраструктуры государства от воздействия во всех сферах в период непосредственной угрозы агрессии, когда противник будет стремиться дестабилизировать обстановку, создать атмосферу хаоса и неуправляемости.

Данный вопрос является новым в теории и практике военной стратегии и подлежит всесторонней научной проработке. Результатом работы должны стать теоретические положения, а на практике – разработанная система совместного применения разноминистерственных сил и средств по обеспечению комплексной безопасности.

До недавнего времени военной наукой исследовались вопросы применения Вооруженных Сил в традиционных сферах ведения военных действий – на суше, в воздухе и на море.

Анализ характера современных войн показал существенный рост значимости такой сферы противоборства, как информационная. Новая реальность войн будущего будет заключаться в том числе в переносе военных действий именно и в эту сферу. При этом информационные технологии становятся, по сути, одним из самых перспективных видов оружия.

Информационная сфера, не имея ярко выраженных национальных границ, обеспечивает возможности дистанционного, скрытого воздействия не только на критически важные информационные инфраструктуры, но и на население страны, непосредственно влияя на состояние национальной безопасности государства.

Именно поэтому проработка вопросов подготовки и ведения действий информационного характера является важнейшей задачей военной науки.

Приоритетным направлением военной стратегии является исследование вопросов повышения боевой мощи ВС РФ. Она определяется численностью и качественным составом ВС РФ, их укомплектованностью и технической оснащенностью, морально-психологическим состоянием, уровнем подготовки, боеготовностью и боеспособностью войск и сил.

В настоящее время планомерно реализуется программа по комплектованию ВС РФ военнослужащими по контракту. К исходу 2025 года их количество достигнет 475 600 военнослужащих. При этом потребность в призыве граждан на военную службу будет снижена.

Сегодня офицерский корпус Вооруженных Сил укомплектован подготовленными профессиональными кадрами. Имеют боевой опыт все командующие войсками военных округов, общевойсковыми объединениями, объединений ВВС и ПВО, а также 96 процентов командиров общевойсковых частей и соединений.

Все виды и рода войск ВС РФ развиваются сбалансированно, своевременно оснащаются современными образцами вооружения. Заметно укрепилась ядерная триада, которая играет ключевую роль в сохранении стратегического паритета. Доля современного вооружения нашей ядерной составляющей достигла 82 процентов.

Заметно вырос уровень оперативной и боевой подготовки войск и органов военного управления. Качественно меняются их возможности.

Внезапные проверки боевой готовности подтвердили способность войск и сил оперативно перебрасывать соединения и воинские части на большие расстояния, усиливать группировки на стратегических направлениях.

Традиционно важным направлением является совершенствование системы идеологической и морально-психологической устойчивости населения и, в первую очередь, военнослужащих. Именно с этой целью в Вооруженных Силах воссоздана система военно-политической работы.

Важным направлением развития военной стратегии и задачей военной науки является поиск новых подходов к развитию связей между военной стратегией и экономикой. В интересах подготовки экономики страны к решению оборонных задач стратегия призвана ответить на следующие вопросы. К какой возможной войне и по каким направлениям готовить экономику? Как обеспечить ее живучесть, устойчивость? Как целесообразнее разместить объекты экономики с учетом их защиты?

Тезис классика отечественной военной стратегии комбрига Александра Свечина – «экономика сумеет подчинить себе характер военных действий», высказанный им почти 100 лет назад, стал объективной реальностью.

Отмечу, что в настоящее время немало сделано общими усилиями Министерства обороны и оборонно-промышленного комплекса. Прежде всего, выстроена эффективная система взаимодействия.

Научно-исследовательские организации на основе анализа опыта военных действий участвуют в формировании требований к вооружению и контролируют их реализацию на всех этапах разработки – от эскизного проекта до государственных испытаний.

Таким образом, военная наука на основе прогнозного видения будущих войн определяет, каким должны быть перспективные образцы вооружения и военной техники. При этом военные ученые в упреждающем порядке ведут исследования по обоснованию форм и способов их применения.

Сложность современного вооружения такова, что наладить его производство в короткие сроки с началом военных действий вряд ли удастся. Поэтому все необходимое должно выпускаться в требуемом количестве и поступать в войска еще в мирное время.

Мы должны всеми силами обеспечить техническое, технологическое, организационное превосходство над любым потенциальным противником.

Это требование должно стать ключевым при постановке задач и перед оборонно-промышленным комплексом на разработку новых образцов вооружения. Это позволит предприятиям вести долгосрочное планирование, а научные организации получают ориентиры для развития фундаментальных и прикладных исследований в военной науке.

Главное сегодня для военной науки – это опережающее, по отношению к практике, непрерывное, целенаправленное проведение исследований по определению возможного характера военных конфликтов, разработке системы форм и способов действий как военного, так и невоенного характера, определению направлений развития систем вооружения и военной техники.

Крайне важным является оперативное внедрение результатов фундаментальных и прикладных исследований в практику войск.

Решение данных задач возложено в первую очередь на военно-научный комплекс Вооруженных Сил. За последние годы военно-научный комплекс добился определенных успехов. Так, в рамках заданных Генеральным штабом научно-исследовательских работ была подготовлена система исходных данных для военного планирования на очередной среднесрочный период (на 2021–2025 годы). Она является основой для уточнения и разработки документов Плана обороны страны на новый период.

Наша военная наука всегда отличалась умением видеть и вскрывать проблемы на этапе их появления, способностью оперативно их прорабатывать и находить пути решения.

ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК ЗА 2018 ГОД И ЗАДАЧИ АКАДЕМИИ НА 2019 ГОД

RESULTS OF THE ACADEMY OF MILITARY SCIENCES ACTIVITIES IN 2018 AND THE TASKS OF THE ACADEMY FOR 2019

Раскрыта структура Академии военных наук. Дана оценка научной работы структурных элементов Академии военных наук за отчетный период. Проведен анализ военно-политической обстановки в мире и даны примеры как решались вопросы по стабилизации ее в соответствующих кризисных ситуациях в прошлом. Раскрыты направления развития военной науки по предупреждению и пресечению внутренних и внешних угроз России.

the structure of academy of Military Sciences is revealed. The scientific work assessment of the Academy of Military Sciences structural elements is given for the reporting period. The analysis of the military-political situation in the world is carried out and examples how to solve the problems of its stabilization in the relevant crisis situation in the past are given. The directions of the military science development in the prevention and suppression of internal and external threats to Russia are disclosed.

Ключевые слова: международное противоборство, «мягкая сила», «невоенные угрозы», «гибридные войны», специальные методы ведения войны, организационная структура войск, совершенствовании стратегического планирования оборонных мероприятий.

Keywords: international confrontation, “soft power”, “non-military threats”, “hybrid wars”, special methods of warfare, organizational structure of the troops, strategic defense planning improvement.

В истекшем году Академия военных наук продолжала выполнять задачи, поставленные Указом Президента РФ № 173 от 1995 г. об учреждении Академии военных наук. Главная суть наших задач состоит в том, чтобы изыскивать наиболее эффективные и экономичные пути обороны страны.

На сегодня организационно АВН состоит из 16 московских научных отделений и 21 региональных.

В настоящее время в АВН состоят 370 действительных членов, 597 членов-корреспондентов, 128 почетных членов и 2787 профессоров, из них 75% генералы, адмиралы и офицеры в отставке и запасе, 25% – военные ученые, находящиеся на кадровой военной службе.

Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации В.В. Путин, подводя итоги 2018 года, поблагодарил Министерство обороны, всех военнослужащих армии, флота за ту работу, которая была проделана в прошлом году. «Мы, – сказал он, – сделали очень серьезный, мощный шаг в обеспечении безопасности России». В этой работе активно участвовали и члены Академии военных наук.

В истекшем году по заданиям Совета безопасности, Совета Федерации, Государствен-

ной Думы, Правительства РФ, Министерства обороны и других силовых ведомств выполнен ряд научно-исследовательских работ, разработано и издано свыше 115 теоретических трудов и других научных работ. Как и в прошлые годы, члены академии принимали активное участие в парламентских слушаниях и научных конференциях у нас в стране и за рубежом по вопросам оборонной безопасности.

В 2018 году продолжалось сотрудничество с Цзилинским университетом Китая по вопросам Второй мировой войны и послевоенного мироустройства. Состоялись три встречи ученых в Цзилинском университете, на которых рассматривались вопросы истории Советско-японской войны, Антияпонской войны китайского народа, современные проблемы сохранения послевоенного мироустройства. Все это было направлено на сближение позиций и лучшему взаимопониманию с Китаем в решении совместных задач.

Это тем более важно, ибо в последнее время наблюдается развал международной системы сдерживания, причем одним из посылов здесь стал выход США из Договора по ПРО, который являлся краеугольным камнем в сфере нераспространения ядерного оружия и сдерживания гонки вооружений.

С учетом всего этого мы были вынуждены ответить созданием новых систем оружия по преодолению этих систем ПРО, добавив, что данные системы в стратегическом балансе лишь являются элементом сдерживания и уравнивания паритетов.

Сейчас со стороны США делается еще один шаг – выход из Договора по ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

А если эти ракеты появятся в Европе, что нам делать? То же самое по Договору по СНВ-3 – в 2021 году он заканчивает существование. Никаких переговоров пока не ведется по этому вопросу.

Не меньшую опасность, по мнению российского президента, таит и ситуация, связанная с международным терроризмом, в том числе в Сирии.

По результатам проведенных исследований в АВН, в Генеральный штаб ВС РФ и в Совет безопасности представлены обстоятельные доклады по оценке перспектив развития геополитической обстановки в мире, о системе знаний, о войне, о новом характере многовекторных угроз России и организации обороны страны с целью противодействия военным и невоенным угрозам, о путях совершенствования военно-научной работы в Вооруженных Силах.

Из региональных отделений особого внимания заслуживают исследования проблематики государственной и общественной безопасности учеными Башкирского, Санкт-Петербургского, Рязанского, Нижегородского, Белорусского, Амурского, Поволжского, Сибирского отделений. Активно работали и другие отделения в соответствии со своим предназначением.

Итоги работы АВН более подробно подведены в отделениях.

АВН взаимодействует с Клубом военачальников во главе с генералом армии А.С. Куликовым, ветеранскими организациями, которые возглавляют генералы армии М.А. Моисеев, В.Ф. Ермаков, ветеранской организацией СНГ, возглавляемой адмиралом флота А.И. Сорокиным, фондом «Наука XXI» Р. Тимошева, Ассоциацией «Мегапир» во главе с А.Н. Каньшиным, экспертным советом по проблемам ВКО во главе с Игорем Ашурбейли, Институтом военной истории во главе с полковником И.И. Басиком.

В связи с юбилейными датами побед в Великой Отечественной войне и другими историческими датами не только историческое отделение, но и другие отделения и члены академии активно участвовали в военно-исторической работе по противодействию фальсификации истории Великой Отечественной войны.

Наиболее активно и убедительно выступали ученые Академии военных наук в печати по этим вопросам Н.И. Турко, И.А. Шеремет, К.В. Сивков, А.Д. Цыганок, А.А. Бартош, В.П. Зимонин, Ф.Д. Кандыбович, А.П. Криворучко, Д. Ковалев, Е.А. Дербин, В.В. Верховод.

Поскольку по таким историческим событиям, как революция 1917 года, 100 лет со дня создания РККА, важнейшим сражениям Великой Отечественной войны, существуют разные толкования, мы старались занимать объективные позиции, учитывая как установившиеся суждения, так и новые суждения, основанные на новых исторических событиях.

И одна из этих задач АВН продолжать отстаивать правду о нашей победе в Великой Отечественной войне. Во всяком случае, нельзя дальше терпеть такое положение, когда по государственным каналам ТВ, СМИ, в кинофильмах продолжают порочить тех, кто одержал величайшую Победу, отдал жизнь за независимость своей Родины.

К сожалению, проводя юбилейные мероприятия по поводу важнейших операций Великой Отечественной войны, мы не всегда уделяем должное внимание извлечению уроков из опыта важнейших операций и боевых действий и крупных учений.

Известно, что представляла наша армия в начале войны и на каком уровне были практические навыки у большинства офицеров к концу войны. Этот приобретенный опыт в ходе боевых действий И.В. Сталин считал наиболее ценным приобретением в ходе войны.

Разрешите еще раз напомнить, что за все предвоенные годы не было проведено ни одного учения с командованием и штабами армиями и округами, не говоря уже об органах управления стратегического звена. Такая практика продолжалась и в послевоенные годы. Но в современных условиях, когда операции проводятся не только военными средствами, особенно важно проводить учения с привлечением не

только военных компонентов, но и всех органов государственного управления.

Планирование оперативной и боевой подготовки только на один год, как у нас практикуется, надо, видимо, пересмотреть. Это приводит к тому, что одни способы действий объединений (соединений) из года в год повторяются. К примеру, перегруппировка на большие расстояния из года в год не отрабатывается. Если в этом году отработали внезапный подъем по тревоге, на этом же учении невозможно отработать скрытое приведение в боевую готовность путем последовательного наращивания сил. Поэтому возникает необходимость планирования подготовки органов управления войск хотя бы на несколько лет.

Многое изменилось и в способах международного противоборства, то есть во всем, чему надо учить и готовить все органы управления Вооруженных Сил страны. Если до этого задачи решались, главным образом, вооруженным путем, хотя широко применялись дипломатическая, экономическая, информационная и другие невоенные формы международного противоборства, а сама война понималась, прежде всего, как продолжение политики средствами вооруженного насилия. В Законе РФ «Об обороне» (ст. 18) война и сегодня так трактуется. Но теперь, когда масштабы и технологические возможности невоенных средств значительно увеличились, возросли масштабы их применения, некоторыми философами и политологами все чаще ставится вопрос о том, что такое применение невоенных средств означает уже войну. Но тогда надо вводить другие законы о военном времени или изменять их толкование. В некоторых академиях стали делить все войны на традиционные, когда применяют вооруженное насилие, и нетрадиционные, когда применяются невоенные средства. Но на протяжении всей истории такой войны не было, когда бы совсем не применялись экономические, информационные и другие невоенные средства. В наши дни они применяются постоянно, и при таком понимании многие страны могут оказаться в состоянии войны друг с другом.

С учетом изменившихся условий определение сущности войны в какой-то степени необходимо, видимо, уточнить, но такие понятия и законы не может устанавливать каждая страна

только для себя. Нам же нужно вместе с МИД, РАН выработать обоснованные предложения по этому вопросу и выносить их на рассмотрение ООН.

Запад стремится, чтобы весь мир управлялся из одного центра. На этом фоне теряют свое значение даже ООН и другие международные организации.

Экспансия осуществляется не только военно-политическая, но и экономическая. Одновременно упор сделан на разработку альтернативных энергетических ресурсов, чтобы лишить Россию доходов от производства и продажи газа и нефти и поставить ее перед угрозой социально-экономического обвала. Происходит также перемещение центра деловой жизни и приложения капиталов в Азиатско-Тихоокеанский регион, как следствие этого — перемещение военной силы баз США и НАТО в центрально-азиатский регион, а в Европе (например, в Польше) целые дивизии перемещаются с запада на восток, затрагивая национальные интересы и безопасность России в постсоветском пространстве.

Угроза для России связана с информационными и другими подрывными действиями, созданием управляемого хаоса с целью провоцирования в противостоящих странах различного рода волнений, свержения неугодных властных структур изнутри и нарушения внутренней устойчивости государства, как это было сделано в Ираке, Ливии, а в последнее время — в Сирии и на Украине.

Как противостоять этим, так называемым, «невоенным угрозам» — «мягкой силе» и в целом гибридным войнам?

Как отметил министр обороны РФ генерал армии С.К. Шойгу: «Мы видим, например, что противостояние в Сирии — это совершенно новый тип вооруженной борьбы, принципиально отличающийся от классических войн, в которых были регулярные армии. В этих условиях от руководителей всех звеньев требуется не только обширные знания, но и способность видеть и внедрять все новое и передовое».

В наше время основным фактором, сдерживающим новую крупномасштабную войну, является ядерное оружие, но поскольку это чревато катастрофическими последствиями, главная ставка заправилами современного мира делается на достижение политических целей двумя

путями: во-первых, подрывными действиями, цветными революциями внутри противостоящих стран, крупномасштабными информационными акциями; во-вторых, когда требуется применение военной силы, достигать стратегических целей по частям — путем развязывания локальных войн и конфликтов.

Верховный Главнокомандующий В.В. Путин в послании Федеральному собранию убедительно и наглядно показал, каким путем надо идти, чтобы гарантировать оборонную безопасность России.

Действительно, в условиях, когда войны и конфликты могут возникать одновременно на различных стратегических направлениях, будет возникать необходимость перегруппировки сил и средств на удаленные друг от друга ТВД. Так, с началом Великой Отечественной войны перебрасывались крупные силы с востока на запад. Затем, в ходе войны 1944–1945 годы, крупные силы перебрасывались с запада на восток. Переброска войск, вооружения, техники производилась своим ходом и различными видами техники по железным дорогам, авиационным, морским транспортом.

В осуществлении этих грандиозных перегруппировок участвовали все виды транспорта с участием различных государственных ведомств. Довольно крупную перегруппировку и переброску сил удалось осуществить при вводе войск в Афганистан, Чехословакию, Сирию и в других экспедициях. При этих перегруппировках требовалось прикрывать войска от воздушного, наземного и морского противника. Нередко эти перегруппировки осуществлялись при отсутствии сплошных коммуникаций, войска доставлялись под воздействием противника. В ходе этих операций, в частности, в Сирии, приняла участие авиация, как транспортная, так и боевая, авиация тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов». Поучительным было в этом отношении крупное учение «Восток-2018», проведенное в прошлом году.

Во время Великой Отечественной войны наиболее полно это было осуществлено во время подготовки и проведения Маньчжурской стратегической операции на Востоке. Это была не просто стратегическая, а по существу геополитическая операция. Это выразилось и в своевременном заключении договора о нена-

падении с Японией, и его соблюдение до определенного, нужного времени.

В конце 1944 года важным стал отказ от оккупации Финляндии и вывод наших войск из войны в самое нужное время, когда важно было часть войск перебросить с запада на восток.

Но в этой же хорошо продуманной серии мер были приняты некоторые решения, которые усложняли наши последующие шаги.

Так, по заранее согласованной договоренности с Китаем, японских военнопленных (около 700 тыс. человек) планировалось освободить и отправить в Японию к весне 1946 года. Но глава правительства Китая Чай-кан-ши через наш МИД уже к осени 1946 года подписали соглашение об освобождении военнопленных к концу 1945 года. Такой малозначительный, казалось бы, шаг привел к немалым осложнениям. Это значило, что около 700 тыс. военнопленных должны оставаться в открытом поле при морозе минус 20–25 градусов.

Стало много заболевших, и пришлось большинство наших медицинских частей, находящихся в Маньчжурии, отправлять для оказания медицинской помощи в лагеря японских военнопленных.

Это говорит о том, что и в наше время все эти вопросы — политические, оперативные и другие — должны рассматриваться в тесной связи друг с другом.

Кроме того, повышается тактическая самостоятельность частей и соединений, их готовность к автономным действиям, как считает генерал А. Дворников, на глубину до 500 км. Это относится не только к выполнению боевых задач. Эти требования предъявляются к средствам связи, разведки и материально-техническому обеспечению. Особенно важно это для взаимодействия общевойсковых частей и подразделений ВВС, что было нашим самым слабым местом еще во время Великой Отечественной войны. Но это вновь повторилось в 2008 году во время Южно-Осетинского конфликта.

Вообще надо развивать все стороны боевых возможностей войск более сбалансированно. Ненормально, когда в мотострелковых или танковых дивизиях имеются огневые средства с дальностью огневого поражения до 120 км, а дальность дивизионных средств разведки остается в пределах 12–15 км.

При выполнении задач с заходом на территории других стран, на Среднем и Ближнем Востоке, особенно важно учитывать главную специфику, особенно эпидемиологическую обстановку.

Во второй половине XIX века русская армия предпринимала несколько походов из Красноводска на Ашхабад. И все они закончились провалом, главным образом, из-за инфекционных заболеваний личного состава и падежа лошадей.

Когда в 1881–1882 годы во главе Ахалтекинской операции стал генерал М. Скобелев, он не стал выдумывать никаких новых стратегических приемов и в основу всей операции положил строгое выполнение санитарно-эпидемиологических мер. Осуществлялись прививки, особое внимание уделялось устройству полевых отхожих мест, на привалах заставляли всех, в том числе и офицеров, обтираться песком и т.д. Все эти меры, главным образом, и обеспечили успех операции.

При вводе советских войск в Афганистан не все эти необходимые меры были в полной мере осуществлены. Поэтому был большой процент инфекционных заболеваний. Не все сразу было продумано с устройством полевых городков для войск, водоснабжения и других бытовых нужд. Не были определены и сроки пребывания войск в Афганистане. Поэтому долго не принимались кардинальные решения по обустройству полевых городков. А при проведении операции в таких регионах, как Египет, Сирия, перебазировании 5-й эскадры в Средиземном море возникла большая трудность в размещении войск ПВО, авиации, частей РЭБ и др.

В Сирии, например, сложилась такая обстановка, когда там одновременно участвуют в военных действиях различные государства, преследуя разные цели. Все это крайне обостряет политическую и военную обстановку. С учетом этого приходится решать и военные задачи.

Для того, чтобы быть на высоте своего предназначения, наш долг быть готовыми выполнять эти задачи по обеспечению оборонной безопасности Отечества в более широком плане.

Наряду с этим, с нашей стороны требуются срочные меры по созданию своего высокоточного стратегического оружия в обычном снаряжении, требуется дальнейшее качественное

совершенствование стратегических ядерных средств, способных преодолевать ПРО противника, противодействие дипломатическими и всеми другими средствами созданию или ограничению развертывания системы ПРО, способных снизить эффективность применения стратегических ядерных сил с нашей стороны.

Придавая первостепенное значение ядерному сдерживанию, нельзя абсолютизировать и роль ядерного оружия. Установка на то, что пока есть это оружие, безопасность России гарантирована, тоже уязвима. У Советского Союза было ядерное оружие, это оружие осталось, а Советского Союза нет.

Особое значение приобретает ускоренное создание системы воздушно-космической обороны. Ведущие государства мира главную ставку делают на завоевание господства в воздухе и космосе путем проведения в самом начале войны воздушно-космических операций с нанесением ударов по стратегическим и жизненно важным объектам по всей глубине страны.

Это требует решения задач воздушно-космической обороны не только сугубо оборонительными средствами, а объединенными усилиями всех видов Вооруженных Сил с решительным применением активных способов действий, ударных средств и централизации управления в масштабе Вооруженных Сил под руководством Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами и Генерального штаба.

Особое место в ходе военных действий будут занимать специальные методы ведения войны, начиная с психологических, информационных операций и всякого рода подрывные действия, как осуществляется в последнее время на Украине и в Молдавии.

Организационная структура войск должна быть приспособлена не только к ведению локальных войн, но, если это потребует, и к выполнению задач в крупномасштабных вооруженных столкновениях, например, на Востоке, где могут потребоваться не только мобильные бригады, но и более мощные дивизионные структуры, а также авиационные, артиллерийские, противоздушные, инженерные и другие резервные соединения и части для усиления группировок войск на решающих направлениях.

В последнем послании Президента Российской Федерации В.В. Путина убедительно по-

казаны результаты в развитии вооружений, и то над чем надо работать в дальнейшем.

В целом в настоящее время человечество совершает, вероятно, самый крутой поворот в своей истории. И в этот период стремительно развиваются неустойчивость, растут риски, и война оказывается совсем близко.

В настоящее время наука и технологии меняют формат войн и их сущность. Достаточно напомнить создание ядерного оружия и стратегических ядерных сил, которые определили историю и геополитику нашего времени. Наличие таких средств сдерживания позволило более 70 лет обходиться без мировых войн.

Говоря о возможном облике «большой войны» (в ее «оружейной» фазе), нельзя не обратить внимание на то, что «ядерный фактор» опять выходит в центр внимания наших геополитических соперников.

Этот вывод находит свое прямое подтверждение в новом «образе ядерной политики» США. В соответствии с изложенными в нем положениями Соединенные Штаты будут укреплять и модернизировать свой ядерный потенциал, совершенствовать системы боевого управления и обеспечивать более тесную интеграцию планирования военных операций с использованием ядерного и неядерного оружия.

Говоря о наличии нарастающей угрозы «большой войны», в том числе с использованием ядерного оружия, нельзя не обратить внимание на внезапное решение американского руководства (в 2014 г.) нарастить в Европе потенциал тактического ядерного оружия. Предполагается оснастить истребители F-16 и «Торнадо» ВВС пяти стран НАТО оборудованием, позволяющим применять ядерные бомбы B61 «Модель 12». Что весьма показательным, ими предполагается оснастить самолеты ВВС стран, которые являются сегодня неядерными: Бельгию, Нидерланды, Турцию, Германию и Италию.

Совершенно очевидно, что решение о радикальном усилении потенциала тактического ядерного оружия в Европе можно рассматривать как вероятный признак начавшейся подготовки США к войне с Россией. Больше в Европе тактическим ядерным оружием воевать не с кем.

Россия не имеет и в обозримом будущем не сможет иметь аналогичные по возможностям

(включая приближенность к объектам США) «тактические» группировки ударных средств. Таким образом, возникает все более и более увеличивающийся дисбаланс в боевых возможностях СЯС России и США, связанный с неучетом влияния разрабатываемых базовых военных технологий, составляющих перспективу развития ударного авиационного и морского компонента сил общего назначения США.

В качестве еще одного настораживающего момента можно указать на планируемое усиление ударного потенциала вооруженных сил так называемых (в последнее время) «прифронтовых» государств — членов НАТО, направленного на придание им «контрсиловых возможностей».

Так, например, ВВС Польши планируют приобрести новые «тактические» крылатые ракеты с увеличенной дальностью полета (до 1300 км) с повышенным «коэффициентом доставки» (вероятность преодоления ПРО/ПВО).

И это происходит под «стенания» об «угрозах», исходящих от ракетных комплексов «Искандер», которые имеют максимальную дальность стрельбы до 500 км.

В этой связи необходимо отметить, что в современных условиях сокращения в сфере СЯС и ТЯО — это обеспечение условий для «большой войны» и втягивания в нее России на невыгодных для нас условиях.

Пока у нас есть мощный ядерный потенциал, мы всегда будем для Америки врагом, если же его не будет — мы станем «Югославией».

В связи с обострением международной обстановки совершенно по-новому встают проблемы внутренней безопасности. Как показали трагические события в станице Кушевской, на Урале, Дагестане и других районах Северного Кавказа, местная власть и правоохранительные органы в ряде случаев находятся в большой зависимости от криминальных элементов. Речь уже идет о внутренней прочности и устойчивости государства.

Главная и самая срочная задача государства и общества в новых условиях — обеспечить единство и сплоченность народов России и пресечение экстремизма и сепаратизма.

Как мы уже говорили, экстремизм нужно пресекать не только на улицах, а прежде у его

источков и находить тех, кто платит и провоцирует его, в том числе и СМИ, где раздаются провокационные открытые призывы к ликвидации политико-дипломатической, экономической, информационной, технологической, психологической и других сферах по противодействию этим угрозам и задействию соответствующих средств для воздействия на противостоящую сторону.

Все эти акции и мероприятия, проводимые по линии МИД, внешнеэкономических связей, разведывательных и контрразведывательных органов Минобороны, МВД, ФСБ, Росгвардию, погранслужбы, должны осуществляться под руководством Совета безопасности и правительства, исходя из общего стратегического плана при ведущей роли Генерального штаба ВС РФ, используя при этом Национальный центр управления обороной страны.

В целом Академия военных наук выражает свое согласие с основными мерами по дальнейшему реформированию и строительству Вооруженных Сил, проводимых под руководством генерала армии С.К. Шойгу и генерала армии В.В. Герасимова, в том числе по пересмотру некоторых ранее принятых решений в системе управления видами Вооруженных Сил, военного образования, в научной и мобилизационной работе. Весьма актуальной является и постепенное возвращение к дивизионной системе и в ряде других вопросов. В частности, желательно, не только восстановить, но поднять роль, права и ответственность военных комиссариатов.

В соответствии с Законом «Об обороне» предусматривается внести изменения в феде-

ральные законы «О мобилизационной подготовке и мобилизации в РФ». Закон «Об обороне» дополняет ст. 21, согласно которой в целях планирования и осуществления мероприятий в области обороны разрабатывается План обороны страны, включающий в себя комплекс взаимоувязанных документов по планированию оборонных мероприятий. В ст. 22 закона «Об обороне» содержится определение понятия «территориальная оборона», где определяются не только мероприятия федерального, но и регионального уровня в период действия военного положения и чрезвычайного положения. Согласно проекту Закона, предусматривается отнести к полномочиям президента РФ утверждение Положения о Генеральном штабе Вооруженных Сил России. Это означает крупный шаг вперед в совершенствовании стратегического планирования оборонных мероприятий. В этом плане очень важно обеспечить согласованность стратегических действий ВС с задачами и действиями других силовых ведомств, мобилизационным планам и планам перевода народного хозяйства на военное положение.

Таковы наши основные выводы по итогам 2018 года и задачи на последующий период.

Президиумом АВН подготовлен проект плана работы на следующий год. На основе его необходимо разработать соответствующие планы в отделениях, секциях и личные планы каждого члена академии и организовать их выполнение в соответствии с изложенными выше научными проблемами и задачами, поставленными Указом Президента РФ № 173–1995 и приказом министра обороны.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРОИТЕЛЬСТВА И РАЗВИТИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

MILITARY AND POLITICAL ASPECTS OF CONSTRUCTION AND THE DEVELOPMENT OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATIONS AT THE MODERN STAGE

Раскрыты характерные черты противоборства нового типа на современном этапе. Показан опыт ведения информационного противоборства в условиях контртеррористической операции с международным терроризмом в Сирии. Раскрыта сущность основополагающих духовных ценностей, составляющих каркас воинского служения современной России. Сформулированы основные задачи вновь созданных военно-политических органов. Раскрыто основное содержание военно-политической работы в Вооруженных Силах в 2019–2020 годах.

The particularities of a new type of confrontation at the present stage are revealed. The experience of information confrontation conducting under the conditions of the counterterrorist operation against international terrorism in Syria is shown. The essence of the fundamental spiritual values that form the framework of military service of modern Russia is identified. The main tasks of the newly created military-political bodies are formulated. The main content of military-political work in the Armed Forces in 2019–2020 is disclosed.

Ключевые слова: военно-политическая работа, информационно-психологическая война, информационное противоборство, информационные ресурсы, военно-политические органы, воспитания российских военнослужащих в духе истинного патриотизма и верности воинскому долгу.

Keywords: military-political work, information-psychological war, information confrontation, informational assets, military political bodies, education of the Russian military in the spirit of true patriotism and loyalty to military duty.

Фундаментальные научные идеи о природе и значении морально-политических факторов, определяющих судьбу любого военно-силового противоборства, подтверждены всей мировой историей, и особенно убедительно – историческим опытом нашего государства. Ярчайшими тому примерами являются победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, результаты боевых действий в Афганистане, на Северном Кавказе, а сегодня – в ходе борьбы с силами международного терроризма на территории Сирийской Арабской Республики.

Можно с уверенностью сказать – примеры мужественных и самоотверженных действий наших военнослужащих носят массовый характер, что подтверждает наличие у них высоких морально-политических качеств, позволяющих результативно решать боевые задачи. Так, в мае 2017 году российские СМИ сообщили о подвиге 16 российских офицеров из Сил специальных операций в районе Алеппо. Группа российского спецназа, находясь недалеко от линии фронта, успешно выполняла поставленную задачу. Там группу атаковали около 300 террористов. В результате двухсуточного противостояния боевики,

понесли значительные потери, вынуждены были отступить. Российским военным потерь удалось избежать.

Мы также помним о подвигах российских военнослужащих – Героях Российской Федерации старшего лейтенанта Александра Прохоренко, капитана Марата Ахметшина, подполковника Олега Пешкова, полковника Ряфагятя Хабибуллина.

Вместе с тем мы отдаем себе отчет в том, что формировать, укреплять и совершенствовать высокие морально-политические качества личного состава Вооруженных Сил невозможно без учета огромного числа факторов: от характера противоборства субъектов мировой политики и уровня развития военного искусства до современных средств и способов воздействия на сознание и чувства человека.

Решение этой задачи дается с большой сложностью. Тому есть объяснение. События последних лет убедительно показали, что странами Запада России навязывается бескомпромиссное противоборство, которое приобретает глобальное (геоэкономическое, геополитическое, геокультурное и геостратегическое) измерение.

Характерные черты противоборства нового типа могут быть представлены в следующем виде:

- использование всех имеющихся ресурсов: политических, экономических, социальных, военных, информационных и т.п.;
- комплексность и большая продолжительность;
- преобладание конфликтов так называемой низкой интенсивности с вовлечением в них различных сетей участников;
- ведение активной террористической деятельности;
- участие надгосударственных и транснациональных субъектов при высоком уровне децентрализации их действий;
- усилия, направленные на разрушение цивилизационной, государственной, идеологической, культурной, религиозной и т.п. идентичности противостоящей стороны;
- всесторонний характер использования современных информационных технологий с целью тотального контроля сознания (от создания «фейк»-новостей до конструирования «ложных реальностей»);
- конструирование ложных социальных проблем и противоречий и др. с целью разрушения единства социально-политических систем.

Наши западные «партнеры» активно продвигают методiku войн нового типа, или так называемых гибридных войн, основу которых составляют невоенные меры.

Сегодня человечество вступает в новый этап борьбы, где главным объектом поражения и уничтожения являются не сами люди, а определенные типы сознаний. Поражение сознания влечет за собой разрушение общества, а затем и исчезновение государства.

Против России развязана полномасштабная информационно-психологическая война. Наша страна буквально охвачена целой сетью специальных натовских центров в Прибалтике, Польше и других странах Североатлантического альянса. Их назначение пропагандистско-идеологическое воздействие на российское население, прямая дискредитация России, ее позиционирование как авторитарной страны с диким, агрессивным, невежественным населением и властью, которая не считается с нормами международного права.

С помощью современных масс-медиа и сетевых форм работы потенциальный противник

стремится переформатировать индивидуальное, групповое и массовое сознание населения России в нужном для себя ключе.

С этой же целью организуется поддержка нетрадиционных для России религиозных структур, неправительственных организаций, «независимых» изданий и интернет-ресурсов, а также недальновидных или откровенно враждебно настроенных деятелей культуры.

Эта информационно-психологическая война сделала особенно очевидной растущую конфронтацию ценностных систем России и Запада.

В борьбе за сознание наших соотечественников в ход идет беззастенчивое переписывание истории, пропаганда индивидуализма, стяжательства и нравственной распущенности. Средствами масс-культуры наши противники пытаются вбить клин между поколениями россиян. Приоритетной целевой аудиторией при этом является молодежь – будущее России и потенциальные военнослужащие. Так, наши противники порочат, извращают самое дорогое для нашего народа – память о Великой Отечественной войне, стремятся доказать, что подвиг старших поколений – победителей фашизма уценен историей, достаточно вспомнить хотя бы такие киноподелки, как «Штрафбат», «Сволочи», «Праздник».

И далеко не все молодые люди выдерживают такую нагрузку, о чем свидетельствуют серьезные происшествия последнего времени.

Подтверждением сказанного служит расстрел студентов и преподавателей учащихся колледжа в Керчи, подрыв, устроенный в приемной областного управления ФСБ студентом архангельского техникума, арест московского школьника, готовившего террористический акт с помощью самодельного взрывного устройства. Эти другие аналогичные факты свидетельствуют о том, что часть молодежи оказалась вне сферы воспитания в духе законопослушания и гражданственности.

По заявлению директора ФСБ РФ А.В. Бортникова, в России повысилась активность радикальных молодежных группировок, являющихся сторонниками правого и левого экстремизма и призывающих к силовым акциям. Например, в Интернете распространяется экстремистская идеология, основанная на идеях неонацизма и радикального ислама. Результатом такой смыв-

ки стало то, что формы и методы осуществления право- и левоэкстремистскими группировками акций зачастую становятся неотличимыми от терактов, проводимых радикальными исламистами.

Вывод из сказанного очевиден: требуется на систематической основе переходить к формированию у личного состава Вооруженных Сил (да и у всего российского социума в целом) политического сознания, высоких нравственных и волевых качеств, иммунитета к чуждым нашему обществу идейным и культурным ценностям.

В ходе операции в Сирии мы, как нигде прежде, убедились в практической значимости информационного противоборства. Информационные ресурсы стали по сути одним из самых эффективных видов оружия. Их широкое использование позволяет в считанные дни существенно изменить ситуацию изнутри. Например, в ходе операции по освобождению Алеппо информационная работа с местным населением помогла освободить целые кварталы без боя, вывести более 130 тысяч мирных жителей. Эффект от такого рода воздействия может быть сопоставим с результатами крупномасштабной операции с применением войск. При этом наши информационные операции проходили в условиях жесткого информационного противодействия как со стороны пропагандистских структур боевиков, так и со стороны масс-медиа наших западных «партнеров» и их ближневосточных сателлитов. Результаты информационного противоборства напрямую отражались в мировом общественном мнении.

Без успешного проведения информационных операций у нас не было бы военных результатов в Алеппо, Пальмире, Дейр-эз-Зоре и Гуте.

Осознание острой необходимости усиления защиты традиционных ценностей российского общества, важности его духовного единства в сложных условиях мировой нестабильности привело военно-политическое руководство страны к решению о коренной перестройке системы работы с личным составом Вооруженных Сил.

Создавая новую систему работы, мы стремились взять лучшее из опыта Русской и Советской армий, войн и военных конфликтов, в которых наши воины продемонстрировали высочайшие морально-политические качества защитника Отечества.

Особенно пристального внимания заслуживает опыт, накопленный в годы Великой Отечественной войны. Так, в тяжелейшей ситуации начального периода Великой Отечественной войны был востребован родившийся еще в 1918 году институт военных комиссаров. Его возрождение 16 июля 1941 года было вынужденной мерой, направленной на восстановление и укрепление морального духа личного состава, стойкости и упорства солдата в бою, воодушевлении его на подвиг во имя Отчизны, наведение порядка и дисциплины в условиях оборонительных боев и вынужденного масштабного отступления.

Характерно, что такие действия военно-политического руководства страны были правильно поняты и поддержаны самими командирами. Маршал Советского Союза С.С. Бирюзов в книге «Когда гремели пушки» пишет: «Как раз в это время мы получили сообщение о том, что в Красной Армии снова вводится институт военных комиссаров. Хорошо помню, с каким удовлетворением была встречена эта весть. Ведь каждый командир чувствовал тогда, насколько было необходимо усилить политическое руководство в войсках».

Военные комиссары сыграли огромную роль в укреплении Красной Армии и Флота, в повышении боеспособности войск, улучшении политиково-спитательной работы с личным составом в первый, наиболее трудный период войны. Во многих случаях в бою политработники показывали личному составу пример героизма, стойкости, самопожертвования, нередко, в случае гибели командира, брали на себя командование. Потери среди них были ничуть не меньше, чем других категорий командно-начальствующего состава.

В годы Великой Отечественной войны звания Героя Советского Союза были удостоены 362 политработника в звене — от члена Военного совета фронта до заместителя политрука роты. Навсегда в историю Великой Отечественной вошли имена Александра Панкрата — политрука роты 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии, первым в истории войны 24 августа 1941 года закрывшего телом амбразуру вражеского дзота; Василия Клочкова — политрука роты стрелкового полка 316-й Панфиловской стрелковой дивизии, стоявшей насмерть при обороне Москвы; бригадного комиссара

Николая Попеля – заместителя командира 8-го механизированного корпуса по политчасти, который в боях под Дубно в конце июня 1941 года возглавил подвижную группу, а затем с тяжелыми боями вывел из окружения большую группу бойцов и командиров.

9 октября 1942 года институт военных комиссаров в армии и на флоте был упразднен, вводилось полное единоначалие.

Богатый опыт последующей, вплоть до 1991 года, многогранной деятельности большого отряда политработников Советской Армии содержит не только позитивные начала.

Следует прямо сказать, что огромный патриотический потенциал, с которым Вооруженные Силы СССР вышли из Великой Отечественной войны, постепенно растрачивался. Партийно-политическая работа приобретала все больший формализм, слабо отзывалась на вызовы времени. В итоге она оказалась практически безоружной перед социальными и национальными проблемами, вставшими во второй половине 1980-х и в 1990-е годы, системным кризисом как государственных институтов, так идеологии. Затем последовал другой перекосяк.

Постсоветский период характеризовался активной департизацией, деидеологизацией и декоммунизацией всех сфер общественной жизни, и, в первую очередь, системы работы с личным составом армии и флота. Надо признать, что это было компромиссное решение, вызванное условиями переходного периода.

Теперь, спустя многие годы, стало понятным, что деполитизация была ошибочным шагом. Ведь Вооруженные Силы являются не только военно-силовым, но и политическим институтом. Другое дело, что в правовом и демократическом обществе они должны поддерживать не ту или иную партию, а законно избранную народом власть, обеспечивать защиту конституционного строя и порядка, что позволяет сохранить стабильность и устойчивое развитие всей политической системы общества.

Сегодня, как никогда, стало очевидно, что без эффективной системы формирования политического сознания военнослужащих решать задачи обеспечения военной безопасности невозможно.

Как отмечал Президент Российской Федерации – Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Владимир Владимирович Пу-

тин: «...В современных условиях политическое сознание военнослужащих, членов их семей и гражданского персонала непосредственно зависит от мировоззрения, в основе которого должна лежать государственно-патриотическая идея...».

В качестве основополагающих духовных ценностей, составляющих каркас воинского служения современной России, следует в первую очередь выделить: государственность, гражданственность, патриотизм, воинский долг, мужество и героизм, воинскую честь и некоторые другие. Сущность этих духовных ценностей заключается в следующем:

а) государственность как оплот суверенитета, гарант социально-экономического прогресса и духовного расцвета всех народов России;

б) гражданственность как принадлежность к великому российскому народу и ответственность за его историческую судьбу и социальное благополучие;

в) патриотизм как чувство любви к Родине, заботу о ее интересах и готовность к защите своего Отечества от агрессоров;

г) воинский долг как обостренное чувство личной ответственности перед собой и своим коллективом, выражающееся в стремлении наилучшим образом исполнять профессиональные обязанности, своим отношением к делу завоевывать авторитет у сослуживцев, контролировать свои поступки, проявлять сдержанность и самообладание в любых критических ситуациях;

д) мужество и героизм как твердость характера, последовательная верность своим нравственным принципам в случае опасности, а также поступки, совершаемые во имя возвышенных идеалов;

е) воинскую честь как исполнение личностью воинского долга, единство слова и дела, способность принимать самостоятельные решения и отвечать за них, умение идти на разумный деловой риск;

ж) жертвенность как готовность в случае необходимости пойти на риск и самопожертвование, отстаивая свои справедливые интересы и других военнослужащих;

з) силу воли как способность не отступать перед трудностями, доводить начатое дело до конца; это преодоление самого себя, своей слабости и неуверенности;

и) святость и соборность как религиозно-духовное освящение российской идеи, защита прав и свобод верующих военнослужащих в процессе выполнения ими воинского долга и др.

В работе по формированию мировоззрения мы должны опираться на идеи отечественной военной классики.

Хочу в этой связи привести размышление замечательного нашего военного мыслителя Андрея Евгеньевича Снесарева (генерал-лейтенант русского Генштаба, первый командующий Северо-Кавказским военным округом Советской России, затем начальник Академии Генерального штаба РККА, а в 20-е годы — профессор Военно-политической академии). В своих работах советского периода он отмечал: «Эволюция военно-воспитательной системы идет к уширению и углублению как начал военно-технических и политических, так и к большому обоснованию и упрочению моральных требований».

Он также отмечал: «Нам нужна регулярная, боевая и определенно политически мыслящая армия... Решает военную, боевую задачу сила духа... Главное — воспитание для боя, развитие в солдате начал боепригодности... Но и политической стороной воспитания нельзя пренебрегать. Назначение армии — защита Отечества и безопасности, величия и достоинства страны; и армия должна выполнять эту свою главнейшую задачу, где бы и при какой обстановке она не выпала бы ей на долю. Всякая воспитательная система хороша, сильна и прочна только тогда, когда она национальна и когда она проникнута исторической преемственностью, базируется в своем развитии на национальные особенности своего народа и ш лучших представителей своего народа, светочей его исторического пути...».

С учетом изложенных обстоятельств в марте—апреле 2018 года Коллегия Минобороны, а затем Совет безопасности Российской Федерации вышли с предложением о создании в Вооруженных Силах системы военно-политической работы. А 30 июля 2018 года соответствующее решение было принято Президентом Российской Федерации — Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Владимиром Владимировичем Путиным.

Главная цель создания военно-политических органов заключается в формировании воина-государственника — надежного и пре-

данного защитника Отечества, носителя традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества.

Принципиально важно, чтобы органы военно-политической работы Вооруженных Сил умели влиять не только на умы и сердца военнослужащих, но и на массовое сознание граждан России. А для этого необходим профессионально подготовленный военно-политический работник, являющийся первым помощником командира в области управления моральным духом солдата и офицера. При этом в реализуемых мерах по созданию военно-политических органов в Вооруженных Силах нет и тени попытки поставить под сомнение единоначалие. Оно было, есть и будет краеугольным принципом военной организации.

Информирую участников конференции, что работа по формированию военно-политических органов в Вооруженных Силах в целом завершена. Системная военно-политическая работа организуется во всех сферах деятельности Вооруженных Сил и на всех уровнях военного управления.

Сформировано Главное военно-политическое управление Вооруженных Сил Российской Федерации.

В органах военного управления, в соединениях, воинских частях и подразделениях выстроена структура военно-политических органов, которая включает воинские должности заместителей главнокомандующих (командующих, командиров, начальников) по военно-политической работе, подчиненные им военно-политические управления (отделы, отделения, группы), военные учреждения культуры и периодические издания.

Проведены аттестация и назначение военнослужащих на воинские должности в военно-политических органах. Должности заместителей командиров по военно-политической работе в новой системе занимают инициативные, ответственные, творчески мыслящие офицеры, имеющие хорошую профессиональную подготовку, прочный общекультурный базис.

С руководящими должностными лицами военно-политических органов видов и родов войск Вооруженных Сил, военных округов и объединений в декабре 2018 года проведен оперативно-специальный сбор. Поставлены зада-

чи на организацию военно-политической работы в войсках (силах) в 2019 году.

Завершается работа по внесению необходимых изменений в Федеральный закон «О статусе военнослужащих» (одобрен Правительством), Указ Президента РФ об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил (проходит рассмотрение в Администрации Президента). Утверждены Правительством изменения в перечень военно-учетных специальностей (постановление Правительства РФ от 20 февраля 2019 г. № 163–10). Разрабатываются новые правовые акты Минобороны.

Определены задачи вновь созданных военно-политических органов, основными из которых являются:

- выработка и утверждение на государственном уровне единых приоритетов духовной жизни человека и общества с обязательным внедрением в общественное сознание россиян общенациональной идеи;

- обеспечение безусловного понимания, осознания и поддержки личным составом решений Верховного Главнокомандующего и министра обороны;

- формирование идейно-убежденной, сильной духом личности военнослужащего, сплоченных воинских коллективов, способных к выполнению задач по предназначению в любых условиях обстановки;

- воспитание чести и достоинства военнослужащего как защитника Отечества на лучших образцах исторической памяти и современности, особенно при подготовке военных кадров в стенах военных образовательных заведениях страны;

- формирование патриотического сознания военнослужащих, гражданского персонала Вооруженных Сил, а также военно-патриотическая работа со всеми гражданами России и, прежде всего, с молодежью;

- поддержание высокого уровня правопорядка и воинской дисциплины в войсках, морально-политического и психологического состояния личного состава;

- формирование гражданственности, преданности и любви к Отечеству, своему народу, верности конституционному и воинскому долгу на основе пропаганды многовековой истории страны, боевого пути и героических традиций российских Вооруженных Сил;

- укрепление сотрудничества армии с традиционными религиозными конфессиям в целях духовно-нравственного воспитания военнослужащих;

- обеспечение реализации прав и социальных гарантий личного состава Вооруженных Сил и членов их семей, своевременное реагирование на обращения и жалобы;

- подбор и подготовка квалифицированных кадров, способных эффективно организовать военно-политическую работу и добиться требуемых результатов.

Новые задачи военно-политических органов в ходе применения Вооруженных Сил определил опыт выполнения задач в Сирийской Арабской Республике и на маневрах войск (сил) «Восток-2018».

Он показал, что военно-политическая работа должна проводиться постоянно, со всеми категориями военнослужащих, при выполнении любых задач, в том числе непосредственно в боевых порядках подразделений, в ходе освобождения населенных пунктов невоенными методами, а также в рамках взаимодействия с местными органами власти и населением.

С нового учебного года в Вооруженных Силах вместо общегосударственной подготовки введена военно-политическая подготовка для всех категорий личного состава. Она становится одним из основных предметов оперативной, боевой и профессионально-должностной подготовки и важнейшей формой военно-политического, государственно-патриотического и воинского воспитания. Издан приказ министра обороны, определяющий порядок ее организации (от 22 февраля 2019 г. № 95).

Основным содержанием военно-политической работы в Вооруженных Силах в 2019–2020 годах является подготовка к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Ее задачи определены в Указе Президента Российской Федерации от 9 мая 2018 года Уже спланирован широкий комплекс мероприятий, в том числе совместных с государствами-участниками СНГ и их вооруженными силами.

Центральными событиями 2019 года являются 75-летие полного снятия блокады Ленинграда, освобождение Крыма и Севастополя, Белоруссии, Карелии и Прибалтики, других важнейших наступательных операций Красной Армии 1944 года и так называемые 10 Сталинских ударов.

Темой Победы в Великой Отечественной войне будут пронизаны все знаковые события в войсках: учения, походы, мероприятия боевой подготовки, спортивные соревнования, турниры, армейские игры. Все мероприятия планируется проводить в форме военно-историко-патриотических операций, воссозданных по фактическим событиям тех лет с широким привлечением «ЮНАРМИИ», общественности, ветеранов и всего общества.

Особое значение в период подготовки к 75-й годовщине Победы приобретает военно-патриотическое воспитание молодежи. В качестве центральной видится задача развития движения «ЮНАРМИЯ». Сегодня движение «ЮНАРМИЯ» представлено в каждом субъекте Российской Федерации, его ряды объединяют более 325 тысяч подростков. В летний период 2018 года проведены 1637 летних юнармейских лагерей и 40 экспедиций, что в 15 раз превысило показатель 2017 года, а количество их участников составило более 83 тысяч детей и подростков.

В каждом гарнизоне на базе учреждений культуры (как ведомственных, так и местных), а также в региональных и зональных центрах военно-патриотического воспитания и подготовки граждан к военной службе, при ГДО создаются «Дома «ЮНАРМИИ». Планируется конкурс рефератов на тему: «Что сделала для Победы твоя семья»

Во всех военных городках, воинских частях будут функционировать парки «Патриот». Уже спланировано создание 138 парков в 55 территориальных гарнизонах.

Одним из важнейших событий в ходе всенародного празднования 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне станет открытие на территории подмосковного Военно-патриотического парка «Патриот» собора в честь Воскресения Христова, который после его освящения обретет статус Главного храма Российских Вооруженных Сил.

Особое внимание сегодня уделяется модернизации системы подготовки военно-политических кадров в образовательных организациях Минобороны с учетом перспективной модели военно-политического работника.

Разработаны федеральные государственные образовательные стандарты и примерные образовательные программы подготовки специалистов

военно-политической работы, начата разработка квалификационных требований к выпускникам.

Министром обороны 24 декабря 2018 года принято решение о сетевой форме реализации образовательной программы «Военно-политическая работа в войсках (силах)». Ведется его тщательная проработка по многим направлениям: организационному, нормативно-правовому, ресурсному, методическому и другим.

Внесены изменения в текущую подготовку кадров военно-политических органов в Военном университете. С курсантами и слушателями Военного университета организованы пилотные занятия по курсу «Психологическая оборона», имеющие цель дать навыки в противодействии попыткам потенциального противника воздействовать на индивидуальное и групповое сознание наших военнослужащих.

Любая практика будет результативной, если она опирается на серьезную научно-теоретическую базу. Вновь созданные органы военно-политической работы нуждаются в основательной поддержке со стороны столь мощного сообщества военных ученых.

Необходимость опоры на исторический опыт государственно-политического, воинского, духовно-нравственного воспитания личного состава отечественных Вооруженных Сил на всех этапах их существования не вызывает сомнения. Полагаю, что выявление, исследование и обобщение такого опыта может представить серьезный научный интерес. Выполнение НИР по этой тематике стало бы серьезным подспорьем в становлении и деятельности военно-политических органов Вооруженных Сил.

В заключение необходимо отметить, что идейным фундаментом воспитания российских военнослужащих в духе истинного патриотизма и верности воинскому долгу, системным фактором противодействия негативным духовным явлениям современности и тем самым основой обеспечения безопасности нашей страны выступают духовно-нравственные ценности российских воинов-патриотов. Именно на этой базе вновь созданные военно-политические органы Российских Вооруженных Сил выстраивают эффективную систему формирования политического сознания военнослужащих во имя обеспечения военной безопасности России.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ ТЕХНОСФЕРЫ И БУДУЩЕЕ ВОЙН И НЕБОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ ВОЕННОЙ СИЛЫ

DEVELOPMENT PROSPECTS OF MILITARY TECHNOSPHERE AND THE FUTURE OF WARS AND SKYLINE EMPLOYMENT OF MILITARY FORCE

Дана сущность военной техносферы. Показана важность оценки влияния различных компонентов техносферы как в боевом, так и небоевом применении. Обоснована необходимость сохранения ключевой роли ядерного оружия. Показана динамика противостояния в космосе. Раскрыты направления развития систем и технологий искусственного интеллекта. Показана необходимость развития технологий искусственного интеллекта и робототехники в военном деле.

The essence of the military technosphere is shown. The importance of impact assessment of various components of the technosphere both in combat and non-combat employment is revealed. The necessity of preserving the key role of nuclear weapons is substantiated. The dynamics of confrontation in space is shown. The directions of systems and technologies of artificial intelligence development are revealed. The necessity of artificial intelligence technologies and robotics development in the military is shown.

Ключевые слова: военная техносфера, технологии искусственного интеллекта, лазерные технологии, квантовые технологии, ядерное оружие, информационное противоборство, стратегические ядерные силы, многокомпонентные комплексы роботов.

Keywords: military technosphere, artificial intelligence technology, laser technology, quantum technology, nuclear weapon, information warfare, strategic nuclear force, complex facility manipulators.

Докладчик благодарит ряд своих коллег за ценную помощь в разработке данной темы и в подготовке непосредственно этого выступления. В том числе генерал-полковников в отставке В.И. Есина, В.Я. Потапова, А.В. Шляхтурова, члена-корреспондента РАН И.А. Шеремета, академиков РАН К.В. Рудакова и И.А. Соколова и др.

Военная техносфера на протяжении последних 150–170 лет постоянно расширяется, развивается высокими темпами; она тесно взаимодействует с гражданской техносферой, особенно применительно к информационно-коммуникационным технологиям. При этом многие гражданские технологии в последние 15–20 лет в целом развиваются значительно быстрее, чем военные, и они значительно дешевле. Это исключительно важно с военно-экономической точки зрения, ибо нам необходимо постоянно в своем стратегическом планировании учитывать соотношение экономических потенциалов России и США и их союзников.

Военная техносфера представляет собой сложное сочетание технологий как известных на протяжении десятилетий, так и новейших

технологий, которые считаются наиболее перспективными. В целом современная военная техносфера формируется из технологий нескольких поколений.

Чтобы заглянуть в будущее на 10–15 лет, надо знать, как складывались тенденции за последние 5–6 десятилетий, в том числе учитывать нелинейное развитие тех или иных технологий (например, лазерных технологий, технологий искусственного интеллекта (ИИ)). Необходимы тщательно выверенные прогнозные оценки, причем в контексте политических и военно-стратегических изменений. Причем таким образом, чтобы их можно было бы трансформировать в среднесрочное и долгосрочное планирование — как для нужд Государственной программы вооружения, так и оперативно-стратегического планирования, для развития военной стратегии.

Крайне важно оценивать роль различных компонентов техносферы как в боевом, так и в небоевом применении сил и средств.

Небоевое применение — это, прежде всего, убедительное стратегическое ядерное и неядерное сдерживание потенциального агрессора не только от развязывания собственно войны, но

и сдерживание его эскалационных политико-военных действий в условиях конфликта.

Не пытаясь в данном докладе дать развернутое определение сдерживания, можно отметить, что это, прежде всего, политико-психологическое, информационное воздействие на «оппонента» в противоборстве, воздействие, опирающееся на убедительную, тщательно продуманную демонстрацию наших военно-технических и оперативно-стратегических возможностей.

Очевидно, что обеспечение надежного сдерживания, предотвращение крупномасштабных войн, особенно чреватых применением ядерного оружия, — это комплексная и политико-дипломатическая, и информационная, и военно-стратегическая, и военно-техническая проблема.

Многогранное и широкомасштабное информационное противоборство не может не сказаться на восприятии происходящего у лиц, принимающих решения, — когда действия каждой из сторон многократно и в разных вариантах интерпретируются СМИ, в блогосфере. В том числе это может способствовать нагнетанию обстановки, обострению ее выше уровня, который допустим с точки зрения предотвращения войны. При этом в информационном противоборстве значительную часть контента составляют фэйки, включая сознательную дезинформацию.

СОХРАНЕНИЕ КЛЮЧЕВОЙ РОЛИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

В силу многочисленных поражающих факторов, особой разрушительной мощи ядерное оружие сохранит свою ключевую роль на обозримую перспективу, вплоть до 2050-х годов и далее — с учетом, разумеется, факторов развития ПРО и противолодочной борьбы, неядерных высокоточных средств поражения непосредственно различных компонентов СЯС и др.

Необходимо учитывать вторичные и третичные последствия использования ядерного оружия, в том числе в медико-биологической и сельскохозяйственной сферах и применительно к климату в целом.

Основные контуры развития СЯС РФ и СЯС США для многих экспертов в принципе вырисовываются довольно отчетливо.

Одним из весьма важных вопросов для прогнозирования в этой сфере является вопрос о том, какими будут СЯС КНР. С учетом достигнутого технологического, промышленного уровня развития соответствующих отраслей ОПК в КНР, имеющихся экономических ресурсов Китай вполне может в ближайшие 8–10 лет выйти в количественном отношении примерно на те же уровни, которые есть на сегодняшний день в РФ и США (как это смог сделать Советский Союз после Карибского кризиса 1962 году, когда соотношение сил и средств СССР и США, способных достигать территории друг друга, составляло 1:17).

Смирятся ли с этим Соединенные Штаты? Или они постараются обеспечить себе количественные уровни СЯС, равные (или превосходящие) размеры СЯС РФ и КНР?

Как это отразится на других направлениях строительства американских вооруженных сил? Что будет означать такая принципиально новая ситуация в стратегической ядерной сфере для интересов безопасности России, для нашего положения в системе мировой политики? Какие потребуются изменения в подходах к стратегической стабильности в результате возникновения новой «ядерной конфигурации»?

ВОЕННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В КОСМОСЕ

Администрация Трампа заняла еще более агрессивную позицию в отношении военного использования космоса. Поставлена задача создания еще одного вида ВС США — космических войск.

Вновь поднимается вопрос об особом значении лазерного оружия для борьбы в космосе (в космосе нет атмосферы). Многие свидетельствуют о том, что в США сделана ставка на некинетическое ПСО, функциональное поражение спутников. Проблема с определением того, состоялось ли такое поражение.

Соотношение средств ПРО (КБС) и средств ПСО. Вопрос о разработке и использовании мощных лазеров в военных целях стоит с конца 1960-х годов. Циклы в развитии лазерных средств: 1980-е — надежды на создание лазеров мегаваттной мощности. В США целый спектр НИР и ОКР по лазерному оружию для задач

ПРО (СОИ) – эксимерный лазер, лазер на свободных электронах, химический лазер, рентгеновский лазер. У нас – проект СКИФ. Сейчас в США – действующие боевые лазеры мощностью в десятки киловатт, но в импульсе (миллисекунды) – мегаватты.

СИСТЕМЫ И ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (ИИ)

В настоящее время наблюдается третья волна развития ИИ, начиная с 1950-х годов, и самая многообещающая (по некоторым оценкам, гражданский рынок ИИ до 2030 года – 13–15 трлн. долл.). Здесь разворачивается все более острая борьба за первенство между Китаем и США. Дальнейшее развитие ИИ может происходить чуть ли не по экспоненте, носить взрывной характер. Но имеются и более консервативные оценки, связанные в том числе с пониманием рисков, связанных с развитием систем ИИ, неотработанности, в частности, проблем верификации и валидации. (Недавнее заявление Г.О. Грефа)

Анализ многих проведенных и потенциальных разработок в области ИИ говорит о том, что соответствующие технологии и системы могут находить свое применение от стратегических ядерных сил до сил специальных операций. Соответственно, системы ИИ могут играть значительную роль в самых различных видах войн, а также в ситуациях без боевого применения военной силы – «вне войны».

Академик Российской академии наук И.А. Соколов справедливо отмечает, что едва ли не решающую роль в создании систем искусственного интеллекта играет новая математика, а также информатика, лингвистика и когнитивные науки. Академик Российской академии наук К.В. Рудаков говорил о том, что для использования методов и математических подходов ИИ не является необходимым наличие адекватной математической модели предметной области, чем во многом и определяется широта спектра приложений технологий и систем ИИ.

Выработка стратегии развития технологий и систем ИИ для Вооруженных Сил – проблема особой сложности. Важно обратить особое внимание на СППР, на их оптимальную встроенность в контуры систем управления с

учетом всех неопределенностей, рисков, которые связаны с развитием систем ИИ высокого уровня. Такие системы призваны обеспечить превосходство во всем контуре управления по скорости и качеству принимаемых решений и по контролю за их исполнением.

Необходимо ускорить создание СППР – за счет как математических и программных решений, так и аппаратных решений. Важна оперативная постановка задач на создание СППР для нужд ВС РФ.

Можно отметить соответственно ряд возможностей, которые могут обеспечивать системы ИИ для эффективности применения военной силы: повышение качества разведки, наблюдения за обстановкой, более адекватной оценки обстановки, в том числе применительно к распознаванию подготовки внезапного нападения; вскрытие дезинформации, ее отфильтровывание. Таким образом, речь идет о том, чтобы обеспечить государственному руководству и командованию всех уровней максимально высокую степень осведомленности о политико-военной, оперативно-стратегической и тактической обстановке в условиях активного информационного противоборства и борьбы в киберпространстве. Таким образом должен уменьшаться отмеченный Клаузевицем «туман войны».

Велика роль интеграции усилий специалистов в области военных наук, гуманитариев и математиков для отработки прецедентов при создании эффективных СППР с использованием ИИ. Огромное значение имеет детальное изучение войн и вооруженных конфликтов (в том числе динамики их эскалации) с учетом политических, социальных, экономических, информационных факторов. Думается, у нас дефицит таких исследований, нацеленных на сбалансированную по целям и затратам постановку и решение оптимальным образом реальных прикладных задач в сфере обороны. Для формирования баз прецедентов для СППР необходимо также масштабное проведение политико-военных игр с учетом в том числе информационного противоборства и борьбы в киберпространстве.

ИИ И РОБОТОТЕХНИКА

Все более важным компонентом вооруженных сил становятся боевые и вспомогательные

роботы, роботизированные системы, многокомпонентные комплексы роботов (в том числе «роевые группировки»). Они дают возможность, в частности, значительно снизить потери в личном составе, что имеет для многих стран большое внутривойсковое значение.

Автономные необитаемые подводные аппараты способны оказать существенное влияние на вооруженную борьбу на море. Самые крупные задачи при этом разработчиками этих систем ставятся в увязке с проблемами противолодочной борьбы. Требуется предметное изучение этого вопроса применительно к задачам обеспечения надежного стратегического сдерживания, к проблеме стратегической стабильности в целом.

Одним из лидеров в создании роботов военного назначения является Израиль. Так, в Израиле в последние годы созданы полностью автоматизированные роботы для патрулирования границы с сектором Газа. Там также создан дрон «Харпи» для того, чтобы обнаружить, обеспечить целеуказание и поразить РЛС противника без участия человека.

По оценке основателя «Майкрософта» Билла Гейтса, в стоимостном выражении робототехника находится в цикле, аналогичном персональным компьютерам (в 1998–2013 годы средняя цена компьютеров упала на 95%). Считается, что благодаря трехмерным принтерам и дальнейшему прогрессу в микроэлектронике США смогут создавать миллионы «мини-дронов» размером с насекомых.

КВАНТОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

В современных условиях во весь рост стоит вопрос об использовании в широких масштабах квантовой телефонии, квантовой криптографии. Все масштабнее стоит вопрос о создании квантового компьютера.

И в сфере квантовых технологий тоже развивается ожесточенная борьба между США и КНР. Вашингтон обвиняет Китай в стремлении добиться «квантовой гегемонии».

Считается, что в обозримой перспективе Китаю выйдет на создание квантовых телекоммуникационных сетей, защищенных от хакерских атак, на принципиально новые возможности в криптографии. Американские специалисты считают, что массовое применение квантовых технологий обеспечит Китаю скачок «в отношении традиционных американских воентехнических преимуществ». В том числе квантовые технологии Китая, как прогнозируется, нанесут «удар по современным информационно-центричным способам ведения войны», которые отработаны вооруженными силами США и в которые вложены огромные средства.

В целом изучение военной техносферы и ее воздействия на войны и небоевое применение военной силы требуют масштабных усилий по организации целой серии междисциплинарных исследований, эффективного сотрудничества военных и гражданских ученых и специалистов, их тесного взаимодействия с заказчиком.

ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВОЕННУЮ СТРАТЕГИЮ

THE NATURE OF MODERN MILITARY CONFLICTS AND ITS EFFECT ON MILITARY STRATEGY

Раскрыты задачи военной стратегии. Показаны характерные черты военных конфликтов. Обосновано, что в будущем, независимо от широкого применения других видов противоборства, сохранится решающая роль вооруженной борьбы. Показана необходимость развертывания межвидовых группировок войск (сил) в операциях. Предложены направления совершенствования системы территориальной обороны.

The tasks of military strategy are revealed. The particularities of military conflicts are shown. It is substantiated that, regardless of the widespread use of other forms of confrontation, the decisive role of armed struggle will remain in the future. The necessity for the deployment of joint-force groupings in operations is revealed. Directions for the territorial defense system improving are proposed.

Ключевые слова: военная стратегия, оперативное искусство, военные конфликты, стратегическая операция на ТВД, межвидовые группировки войск (сил), концепция многосферного сражения.

Keywords: military strategy, operational art, military conflicts, strategic operation in theaters, joint-force groupings, concept of a multidomain battle.

Применяемые средства вооруженной борьбы влияют на характер военных конфликтов и вооруженной борьбы, вооруженная борьба на тактику, оперативное искусство и военную стратегию в целом. Таким образом, выявление тенденций в характере вооруженной борьбы обуславливает изменения в содержании стратегии, а прогноз развития высоких технологий, средств вооруженной борьбы, изменений военно-политической и стратегической обстановки, как одна из важнейших функций стратегии, обуславливает формирование новых взглядов, а в последующем – разработку новых концепций применения вооруженных сил и обеспечения военной безопасности государства.

Одной из важнейших и сложнейших задач военной стратегии является прогноз возможного характера будущих войн и этой задаче должно уделяться особое внимание. Прогноз характера возможных военных конфликтов дает возможность составить представление о том, с каким противником и к какому виду военного конфликта следует готовиться, какие задачи предстоит решать Вооруженным Силам, другим войскам, воинским формированиям и органам, как осуществлять их строительство.

Нет необходимости останавливаться на структурных элементах характера военных

конфликтов, они всем известны. Остановлюсь только на содержании некоторых из них, и в большей степени на военно-стратегической стороне.

В этой связи, говоря о военно-стратегической стороне военных конфликтов, следует отметить, что именно в тенденциях характера военных конфликтов проявляются первые признаки необходимости проведения изменений в теории и практики военной стратегии.

К характерным чертам современных военных конфликтов следует отнести: использование финансируемых и управляемых извне политических сил и общественных движений; комплексное применение военной силы, мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и ССО; массированное применение систем вооружения, военной и специальной техники, высокоточного оружия, гиперзвукового оружия, средств РЭБ, оружия на новых физических принципах сопоставимых по эффективности с ядерным оружием; воздействие на противника на всю глубину его территории одновременно в глобальном информационно-воздушно-космическом противоборстве, на суше и на море; избирательность и высокая степень поражения объектов, быстрота ма-

невра войсками (силами) и огнем, применение различных мобильных группировок войск (сил); сокращение временных параметров подготовки и ведения военных действий; усиление централизации и автоматизации управления войсками и оружием; создание на территориях противоборствующих сторон постоянно действующей зоны военных действий; участие в военных действиях иррегулярных вооруженных формирований и частных военных кампаний; применение непрямых и асимметричных способов действий.

К сожалению, в статье не возможно изложить влияние всех представленных особенностей военных конфликтов на изменение взглядов и практики их применения в деле обеспечения военной безопасности государства. Поэтому остановимся на некоторых из них.

Анализ тенденций изменения характера военных конфликтов показывает, что в их содержании все чаще акцент используемых методов борьбы смещается в сторону комплексного применения политических, экономических, информационных и других невоенных мер.

Несмотря на различные названия таких действий – «гибридные», непрямые или асимметричные, их содержание в целом одинаково. В них предусматривается достижение политических целей с минимальным вооруженным воздействием на противника – преимущественно за счет подрыва его военного и экономического потенциала в сочетании с дезорганизацией государственного и военного управления. При этом оказывается целенаправленное информационно-психологическое воздействие на население и активная поддержка внутренней оппозиции. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, включая всестороннюю помощь экстремистским и террористическим организациям.

Последним ярким примером таких действий является Украина. Поддержка Соединенными Штатами и Европейским союзом крайне правых сил в этой стране привела к антиконституционной смене власти, возникновению вооруженного конфликта на Донбассе и превращению Украины в долгосрочный очаг нестабильности непосредственно у границ России.

Комплексное использование военных и невоенных мер проводилось и военным руководством Вооруженных Сил Российской Федерации в ходе вооруженной борьбы против ИГИЛ в Сирии. Разумное применение этих мер, в частности военно-техническая, экономическая и финансовая помощь Сирии, с одной стороны, и экономическая блокада при эффективном информационном воздействии на противостоящую сторону, с другой стороны, часто способствовали достижению успеха с меньшими затратами времени, материальных и финансовых ресурсов.

Однако следует отметить, что в войнах будущего, несмотря на активное применение других видов противоборства, сохранится решающая роль вооруженной борьбы. Именно поэтому военная сила не только сохранит свое значение, а даже усилит свои позиции. Она придаст больший вес не силовым видам борьбы.

В настоящее время военные действия становятся более динамичными, активными и результативными. Исчезают тактические и оперативные паузы. Новые информационные технологии позволили значительно сократить пространственный, временной и информационный разрыв между войсками и органами управления. Фронтальные столкновения крупных группировок войск (сил) на стратегическом и оперативном уровне постепенно уходят в прошлое. Дистанционное бесконтактное воздействие на противника становится главным способом достижения целей боя и операции. Поражение объектов противника осуществляется на всю глубину его территории. Стираются различия между стратегическим, оперативным и тактическим уровнем, наступательными и оборонительными действиями.

При этом опыт последних вооруженных конфликтов и локальных войн показывает, что операции и боевые действия войск (сил) различных видов и родов войск вооруженных сил перестали быть самостоятельными. В современной войне проводятся преимущественно совместные операции, концентрирующие усилия объединений и соединений всех видов и родов войск вооруженных сил для достижения поставленной цели под единым командованием. В этой связи Генеральным штабом Во-

оруженных Сил Российской Федерации, было принято решение о создании военных округов как межвидовых территориальных оперативно-стратегических объединений, по боевому составу близких к требуемым боевым составам межвидовых группировок войск (сил), необходимых для отражения прогнозируемых военных угроз в зонах их ответственности. Была предложена и новая форма применения войск (сил) военного округа – стратегическая операция на ТВД, как совместная операция объединений, соединений и воинских частей всех видов, родов войск и специальных войск, проводимая под общим руководством командующего оперативно-стратегической группировки войск (сил) на ТВД.

К осознанию нашим потенциальным противником межвидового характера вооруженной борьбы и необходимости развертывания межвидовых группировок войск (сил) в операциях пришло позже, когда по мнению американских генералов, явным образом обозначилась проблема невозможного эффективного решения задач, связанных с прорывом созданной Российской Федерацией системы противоракетной и противовоздушной обороны.

Традиционно наш потенциальный противник цели в военных конфликтах достигал преимущественно за счет применения высокоточных средств поражения, сосредоточиваясь на подготовке к «бесконтактным войнам». В итоге это привело к перекошу в развитии видовых компонентов. Создавая сильные военно-воздушные и военно-морские силы, США не уделяли должного внимания сухопутным войскам.

Этому также способствовало успешное проведение Россией в последние годы ряда операций, и особенно операций по уничтожению ИГИЛ на территории Сирии, где решающие задачи выполнялись наземными группировками войск.

Следствием этого явилась разработка в начале Пентагоном, а затем и НАТО Концепции многосферного сражения, целью которого является нейтрализация мероприятий, проводимых Российскими Вооруженными Силами для срыва развертывания сил США и НАТО у границ Российской Федерации.

С реализацией нашим потенциальным противником данной концепции и концепции создания постоянно действующей зоны боевых действий еще более четко обозначилась такая тенденция в характере военных конфликтов, как массированное применение сил специальных операций, незаконных военных формирований и «просочившихся» подразделений. Это, в свою очередь, обусловило необходимость создания эффективной системы борьбы с ними. Одним из путей решения данной проблемы явилось создание военных округов военного времени и наделение их дополнительными функциями, а также принятие Президентом Российской Федерации в 2013 году решения о совершенствовании системы территориальной обороны, а также формировании в составе Вооруженных Сил Российской Федерации территориальных войск, численность которых к 2020 году должна вырасти до 900 тыс. военнослужащих. Для повышения эффективности территориальной обороны в субъектах Российской Федерации образованы и штабы территориальной обороны.

В перспективе важное место в системе вооруженной борьбы займут средства, предназначенные для завоевания информационного превосходства и ведения информационной войны. Новые средства разведки и глобальной навигации, основу которых составят космические средства и беспилотные летательные аппараты, обеспечат органы управления всей необходимой разведывательной информацией в реальном масштабе времени. Это позволит повысить возможности по оперативному нанесению высокоточных, строго дозированных ударов по целям, дислоцированным в любом регионе земного шара.

Наглядным примером возрастания боевых и оперативных возможностей группировок войск (сил) является применение новейших средств разведки, РЭБ и огневого поражения в операции группировки войск (сил) Вооруженных Сил Российской Федерации в Сирии. Что позволило контролировать территорию Сирии, воздушное и морское пространство, а также эффективно проводить боевые действия по уничтожению противника и сдерживание группировок иностранных государств от оказания огневой поддержки вооруженной оппозиции.

Предвидя такое изменение характера вооруженной борьбы, военная стратегия вырабатывает требования к развитию межвидовых разведывательно-ударных и разведывательно-огневых комплексов, определению их места в системе вооруженной борьбы и долевого участия в огневом поражении противника. Не зря в составе Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации создано специальное подразделение, занимающееся данной проблемой.

Радикально изменит характер и содержание войн будущего оружие на новых физических основах, с повышенными поражающими свойствами, дальностями, точностями, скорострельностью, с возросшими возможностями средств разведки, робототехники, автоматизированных систем управления оружием, связи и информационного противоборства.

Учитывая эту тенденцию, в Вооруженных Силах Российской Федерации поступают и в скором времени будут приняты на вооружение новые, не имеющие аналогов в других странах мира, средства вооруженной борьбы, еще раз продемонстрированные Президентом Российской Федерации В.В. Путиным всему миру при оглашении Послания Федеральному собранию Российской Федерации в прошлом и в этом году.

Прогнозируя, каким будет театр военных действий через 50 лет, можно утверждать: прежде всего, это будет борьба роботов. Первоочередной задачей роботов будет уничтожение военной инфраструктуры и оружия противника, а люди будут участвовать в операциях, когда угроза жизни будет минимальной либо будет вообще отсутствовать.

Военная стратегия представляет собой не только теорию и практику ведения военных действий и войны в целом, подготовки государства к войне, но что не менее важно разрабатывает и определяет направления и пути стратегического сдерживания вероятного противника и предотвращения любой агрессии против Российской Федерации. Квинтэссенцией этой стратегии является военная политика, которая реализует на практике все теоретические проработки стратегии.

В качестве примера можно привести реакцию российского военно-политического

руководства на выход США из договора по ограничению ПРО 1972 года. Осознавая свое преимущество перед Россией в высокоточных средствах поражения большой дальности и разработав «Стратегию мгновенного глобального удара», США активизировали свою пропаганду о возрастающей угрозе нанесения ядерного удара со стороны так называемых «стран изгоев», опасности содержания большого количества средств ядерного нападения и необходимости резкого их сокращения. Это послужило для США поводом для выхода из договора по ПРО и развертывания беспрецедентной по масштабу глобальной системы противоракетной обороны.

Данная политика США привела к нарушению стратегической стабильности и большому соблазну развязывания против Российской Федерации агрессии с использованием высокоточного оружия большой дальности.

С другой стороны, в силу высокой цены использования ядерного оружия, и очень трудным для руководства Российской Федерации принятием решения на его применение, весьма проблематичным становится роль ядерных средств как инструмента силового сдерживания. Это привело к противоречию между уровнем военных угроз России и снижением роли ядерного оружия как к механизму их сдерживания. В этих условиях стала актуальной проблема поиска новых форм и способов сдерживания угроз военной безопасности на ранних стадиях развития межгосударственных конфликтов. И эта проблема была решена. Военно-политическим руководством Российской Федерации была успешно проведена акция устрашения потенциальных противников, продемонстрировав всему миру наличие в России высокоточного гиперзвукового оружия дальнего действия, а также оружия на других физических принципах, для которых невозможно создать систем противодействия.

Для повышения же эффективности применения этого оружия предусматривается реализация стратегии передового присутствия, базирующаяся на имеющихся военных базах Российской Федерации за рубежом, но и создании войск (сил) экспедиционной направленности. С этой целью, как отметил В.В. Путин в

своем послании, в состав ВМФ будут переданы 7 новых многоцелевых подводных лодок и 5 надводных кораблей дальней морской зоны, имеющих на своем вооружении гиперзвуковое оружие с подлетным временем до точки прицеливания не более 12 минут.

Можно констатировать, что создавшиеся обстоятельства обусловили переход от проведения политики сдерживания потенциально противника ядерным оружием к политике устрашения нанесением неприемлемого ущерба гиперзвуковым оружием в ответ на любую с ядерным или обычным оружием крупномасштабную агрессию со стороны потенциального противника.

В заключение необходимо привести слова выдающегося советского военного ученого

Александра Свечина. Он писал: «Обстановку войны... предвидеть необычайно трудно. Для каждой войны надо вырабатывать особую линию стратегического поведения, каждая война представляет частный случай, требующий установления своей особой логики, а не приложения какого-либо шаблона». Этот подход сохраняет свою актуальность и поныне. Действительно, каждая война представляет собой частный случай, требующий понимания своей особой логики, своей уникальности. Поэтому характер войны, в которую может оказаться втянутой Россия, сегодня предвидеть очень трудно. Тем не менее решать эту задачу надо. Грош цена любым научным изысканиям в сфере военной науки, если военная теория не обеспечивает функцию предвидения.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ, ОПЕРАТИВНОГО ИСКУССТВА И ТАКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

INTERRELATION BETWEEN MILITARY STRATEGY, OPERATIONAL ART AND TACTICS IN MODERN CONDITIONS

Предложены сущность понятий «военная стратегия», «оперативное искусство», «тактика». Даны содержание стратегических целей применения Вооруженных Сил для решения ими основных задач в мирное время, период непосредственной угрозы агрессии и в военное время. Показана взаимосвязь военной стратегии, оперативного искусства и тактики при выполнении основных задач Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований при предупреждении внутренних и внешних угроз. Показаны направления развития тактики.

The essence of the concepts “military strategy”, “operational art”, “tactics” is proposed. The concept of the strategic aims of the Armed Forces employment to solve the main tasks in peacetime, the period of immediate threat of aggression and in wartime is revealed. The interrelation between military strategy, operational art and tactics during the main tasks execution of the Armed Forces, other troops and military formations in the prevention of internal and external threats is shown. The direction of tactics development is identified

Ключевые слова: военная стратегия, оперативное искусство, тактика, наступление, оборона, период непосредственной угрозы агрессии, военное время, военная организация государства, стратегическая цель.

Keywords: military strategy, operational art, tactics, offensive, defense, the period of the immediate threat of aggression, wartime, the military organization of the state, the strategic goal.

Военное искусство зародилось в глубокой древности одновременно с войной и в течение веков непрерывно развивалось, совершенствовалось и усложнялось. Оно изменялось под воздействием объективных и субъективных факторов, к которым относятся: развития средств и технологий вооруженной борьбы; состава и состояния войск (сил) противоборствующих сторон; взглядов потенциального противника на способы развязывания и ведения военных действий; опыта войн и конфликтов; содержания военной доктрины государств и др.

Возникает вопрос, чем обуславливается необходимость выявления взаимосвязей между компонентами военного искусства? Несомненно, что это обуславливается не только сроками «существования» понятий сущности и содержания составных частей военного искусства. Данные понятия не изменялись около ста лет. А самое главное, требованиями нормативно-правовых актов и изменившимися условиями военно-политической обстановки.

В соответствии с требованиями Военной доктрины военная политика Российской Федерации направлена на сдерживание и предотвращение военных конфликтов, совершенствование военной организации, форм и способов применения Вооруженных Сил, других войск и органов, повышение мобилизационной готовности в целях обеспечения обороны и безопас-

ности Российской Федерации, а также интересов ее союзников.

Как известно, военное искусство состоит из трех составляющих: военная стратегия, оперативное искусство и тактика.

Военная стратегия, как наука «...искусство вождения войск», зародилась в начале прошлого века и развивалась на основе исследования опыта войн.

В общем виде стратегия представляет «... систему знаний и действий по предотвращению, подготовке и ведению войны».

В настоящее время расширяются виды войн и существенно изменяется их содержание.

Увеличивается количество субъектов, участвующих в вооруженной борьбе. Наряду с вооруженными силами суверенных государств воюют различные иррегулярные формирования, частные военные компании и самопровозглашенные «квазигосударства».

Активно задействуются средства экономического, политического, дипломатического, информационного давления, а также демонстрация военной мощи в интересах усиления эффективности невоенных мер. Военная сила применяется, когда не удалось достигнуть поставленных целей невоенными методами.

Между тем геополитические соперники России не скрывают, что собираются достигать политические цели не только в ходе конфликтов с

ограниченными целями. Они готовятся к ведению войн с «высокотехнологичным противником», с задействованием высокоточных средств поражения с воздуха, моря и из космоса, с активным ведением информационного противоборства.

В этих условиях Вооруженные Силы должны быть готовы к ведению войн нового типа с использованием «классических» и «асимметричных» способов действий. Поэтому первостепенное значение для развития теории и практики военной стратегии приобретает поиск рациональных стратегий ведения войны с различным противником.

Нам необходимо уточнить сущность и содержание военной стратегии, принципы предотвращения, подготовки к войне и ее ведения.

Следует и дальше развивать формы и способы применения Вооруженных Сил, прежде всего в стратегическом сдерживании, а также совершенствовать организацию обороны государства.

На сущность военной стратегии существенное влияние окажет произошедшие изменения в содержании ее задач. В существующих руководящих документах главной задачей военной стратегии определена разработка способов отражения нападения агрессора и последующего разгрома его группировок путем ведения решительных действий. Такой подход не в полной мере отвечает задачам, возлагаемым на Вооруженные Силы в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время.

Взаимосвязь компонентов военной науки напрямую прослеживается через содержание стратегических целей применительно к каждой основной задаче. В существующих уставных документах определена стратегическая цель только применительно к военному времени. Основным содержанием военной стратегии в военное время являются отражение агрессии против Российской Федерации и ее союзников, нанесение поражения войскам (силам) агрессора, принуждение его к прекращению военных действий на условиях, отвечающих интересам Российской Федерации и ее союзников.

Поэтому возникает необходимость в уточнении сущности военной стратегии. С учетом требований нормативных правовых актов предлагается ее понятие: военная стратегия – это высшая область военного искусства, охватыва-

ющая теорию и практику по осуществлению мероприятий по реализации военной политики по стратегическому сдерживанию и предотвращению военных конфликтов в мирное время, сбалансированное развитие компонентов военной организации, совершенствование форм и способов применения Вооруженных Сил, других войск и органов, повышение мобилизационной готовности в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации в период непосредственной угрозы агрессии, а планирование и ведение стратегических операций и войны в целом – в военное время.

В Военной доктрине определены основные задачи Вооруженных Сил, других войск и органов в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время. Это обуславливает необходимость определить цели военной стратегии применительно к основным задачам Вооруженных Сил, других войск и органов. Содержание стратегических целей применительно к каждой задаче может быть следующим.

Основным содержанием военной стратегии в период выполнения основных задач Вооруженными Силами, другими войсками и воинскими формированиями в мирное время является осуществление комплекса мер по обеспечению государственной и общественной безопасности, надежной защите и охране государственной границы, ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также системной реализацией форм и способов стратегического сдерживания, направленных на упреждение или снижение деструктивных действий со стороны государства-агрессора (коалиции государств).

Основным содержанием военной стратегии в период непосредственной угрозы агрессии является комплекс мер, осуществляемый Вооруженными Силами, другими войсками и воинскими формированиями по обеспечению государственной и общественной безопасности, надежной защите, охране и обороне государственной границы, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций техногенного характера, а также системной реализацией форм и способов стратегического сдерживания, мобилизационного и стратегического развертывания, направленных на упреждение или снижение угрозы агрессии, или выполнение комплекса

боевых задач на обеспечение защиты целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации.

Требования и положения военной стратегии являются основополагающими для оперативного искусства, которое влияет на стратегию результатами проводимых операций, боевых действий, сражений и ударов. Для корректировки взаимосвязей и уточнения взаимозависимостей между стратегией и оперативным искусством необходимо определиться с сущностью оперативного искусства.

Оперативное искусство — составная часть российского военного искусства, охватывающая теорию и практику подготовки, осуществления мероприятий стратегического сдерживания в интересах обеспечения военной безопасности страны, предупреждению и пресечению конфликтов в сфере общественной и государственной безопасности, а в области совершенствования обороны страны — по предотвращению глобальных и региональных войн в мирное время, и ведения действий межвидовыми и межведомственными группировками сил и средств при выполнении оперативно-стратегических задач в пределах стратегического или операционного направления — в военное время.

Основным содержанием оперативного искусства будет являться комплекс мероприятий стратегического (ядерного и неядерного) сдерживания и предотвращения военных конфликтов, информационных операций (действий, акций), операций в информационно-коммуникационном пространстве; прикрытия сухопутной части государственной границы; проведения операций (боевых действий) в вооруженных конфликтах, и в операциях по поддержанию (восстановлению) международного мира и безопасности.

Кроме того, группировки войск (сил) могут участвовать в информационных кампаниях (совместных информационных операциях) и при принятии мер по предотвращению (устранению) угрозы миру, предотвращении актов агрессии (нарушении мира), а также оперативно использоваться за пределами территории Российской Федерации с целью защиты граждан Российской Федерации от вооруженного нападения на них и отражения или предотвращения вооруженного нападения на другое государство, обратившееся к Российской Фе-

дерации с соответствующей просьбой, а также могут привлекаться к операциям (боевым действиям) во внутреннем вооруженном конфликте, участвовать в обеспечении режима военного положения, постконфликтном урегулировании и в ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

По отношению к тактике оперативное искусство занимает ведущее положение и направляет его развитие, определяет цели и задачи действий, тактических действий и боев, вытекающих из замыслов операций.

Взаимосвязь тактики с оперативным искусством прослеживается, в первую очередь, через сущность ее понятия.

Тактика — составная часть военного искусства, включающая теорию и практику поддержания боевой и мобилизационной готовности соединений, воинских частей и подразделений на уровне, гарантирующем совместное выполнение ими боевых задач в форме служебно-боевой и оперативно-служебной деятельности с применением вооружения, военной и специальной техники и специальных средств в сфере общественной и государственной безопасности в мирное время, а при предупреждении и пресечении актов агрессии — подготовку и ведение тактических действий в составе межвидовых и межведомственных группировок в условиях использования всех видов средств поражения.

При осуществлении мероприятий стратегического сдерживания взаимосвязь между стратегией и тактикой проявляется в наиболее полной мере применительно к мирному времени. В этот период к проведению военных мер стратегического сдерживания привлекаются органы военного управления, объединения, соединения, части и организации Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, назначенные для решения задач стратегического сдерживания. К участию в таких действиях могут привлекаться отдельные соединения, части, организации, подразделения, а в некоторых случаях и разведомственные группировки войск (сил) оперативного масштаба.

При выполнении мероприятий стратегического сдерживания в наибольшей степени достигается результативность в реализации принципов предотвращения военных конфликтов. К ним можно отнести следующие.

Принцип предотвращения войны, который заключается в предвидении развития военно-политической и стратегической обстановки в интересах своевременного выявления военных опасностей и угроз, своевременного реагирования на них.

Принцип заблаговременной подготовки государства к обороне обеспечивается постоянной высокой боевой и мобилизационной готовностью вооруженных сил, а также созданием и поддержанием стратегических резервов и запасов.

Получает дальнейшее развитие принцип ведения войны на основе скоординированного применения военных и невоенных мер при решающей роли Вооруженных Сил.

При реализации замысла проводимых мероприятий по-прежнему остается актуальным принцип достижения внезапности, решительности и непрерывности стратегических действий.

Обучая командиров, штабы и войска действовать быстро, вырабатываются у них умения и навыки упреждать противника своими превентивными мерами, своевременно выявлять его уязвимые места и создавать угрозы нанесения ему неприемлемого ущерба. Это обеспечивает захват и удержание стратегической инициативы.

Интересы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации определяют необходимость военного присутствия в некоторых стратегически важных регионах мира с размещением ограниченных воинских контингентов (военных баз, сил (войск) ВМФ) для формирования устойчивого военно-стратегического баланса в регионах и возможности реагировать на кризисные ситуации в ее начальной стадии. Опыт применения войск за пределами территории Российской Федерации свидетельствует о глубокой теоретической проработке этой стратегической задачи. Применение на практике рациональной системы форм применения Вооруженных Сил по стратегическому сдерживанию, является подтверждением правильности развития военной стратегии.

Важную роль для развития стратегии имеет сирийский опыт. Он является ярким свидетельством по защите и продвижению национальных интересов за пределами территории России. Основой реализации военной стратегии является создание самодостаточной группировки

войск (сил) на основе формирований одного из видов Вооруженных Сил, обладающего высокой мобильностью и способного внести наибольший вклад в решение поставленных задач.

Важнейшими условиями реализации данной стратегии является завоевание и удержание информационного превосходства, опережающая готовность систем управления и всестороннего обеспечения, а также скрытное развертывание необходимой группировки. Все это свидетельство вклада в развитии системы знаний о войне и совершенствование практической деятельности по предотвращению войны, подготовке к ней и ее ведению.

Важнейшим мероприятием стратегического сдерживания являются внезапные проверки боеготовности войск как отдельных, так и группы военных округов. Количество внезапных проверок войск военных округов в течение года составляет, как правило, пять-шесть. Кроме того, в течение года проводится одно стратегическое командно-штабное учение в масштабе Вооруженных Сил с привлечением всех структурных элементов военной организации государства.

В ходе внезапных проверок особое внимание обращается на выполнение стоящих перед войсками задач, на передвижение крупных масс военнослужащих в районы сосредоточения, на транспортное обеспечение, на материально-техническое и медицинское обеспечение. Практика показывает, что внезапные проверки чрезвычайно полезны и эффективны с точки зрения выявления проблем и последующего их устранения.

Следует отметить, что в рамках внезапной проверки боеготовности войска выполняют мероприятия по приведению в высшую степень боевой готовности, осуществляют перегруппировку воинских частей различными видами транспорта. Подразделения на незнакомых полигонах, находящихся на значительном удалении от пунктов их постоянной дислокации, выполняют учебно-боевые задачи в соответствии с их предназначением.

Главная цель проводимых мероприятий – проверка готовности подразделений выполнять задачи по предназначению, а также оценка уровня обученности личного состава, технической готовности и укомплектованности соединений и воинских частей вооружением и военной техникой.

Следует отметить, что на полигонах военного округа, войска которого привлекаются к внезапной проверке, в рамках подготовки к тактическим учениям проводятся занятия по стрельбе, вождению и управлению огнем подразделений.

В ходе выполнения задач мирного времени получили обоснование новые способы действий войск. Роль военной стратегии заключается в планировании и координации совместных, прежде всего, невоенных действий компонентов военной организации государства и военных действий российской группировки войск (сил) и формирований вооруженных сил заинтересованных государств, военизированных структур стран-участниц антитеррористической операции в борьбе с международным терроризмом.

Более тесная взаимосвязь стратегии с тактикой проявляется при противодействии терроризму. В целях реагирования на возникающие военные угрозы совершенствуется состав группировок войск на стратегических и операционных направлениях. Основу этих группировок составляют высокоманевренные и самодостаточные боевые подразделения, способные выполнить любую задачу в различных географических и климатических условиях без значительной дополнительной подготовки.

В Сухопутных войсках такими подразделениями являются создаваемые на базе мотострелковых и танковых батальонов батальонные тактические группы, в состав которых включаются как боевые подразделения, так и подразделения боевого, технического, тылового и медицинского обеспечения. В настоящее время такие батальонные тактические группы сформированы и подготовлены к действиям во всех соединениях Сухопутных войск.

Созданные батальонные тактические группы применяются при проведении внезапных проверок, мероприятий оперативной и боевой подготовки. Проверяемые в ходе проводимых мероприятий оперативной подготовки вопросы затрагивают все возможные варианты их применения. Это переброски различными видами транспорта на большие расстояния, совершение длительных маршей своим ходом, выполнение различных учебно-боевых задач на незнакомых полигонах и участках местности как самостоятельно, так и в составе разнородных группировок войск в условиях всестороннего воздействия условного противника.

Формирования тактического уровня широко применяются при проведении мероприятий оперативной подготовки на совместных учениях с подразделениями армий иностранных государств. На постоянной основе совместные учения проводятся в соответствии с планами подготовки Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности. Проводимые учения, как правило, носят миротворческий и антитеррористический характер. Непременным условием их проведения является то, что учебно-боевые задачи отрабатываются на территории стран — участниц ОДКБ. В ходе учений отрабатываются вопросы переброски подразделений с вооружением, боеприпасами и военной техникой для выполнения миротворческих задач, выполнения учебно-боевых задач в составе смешанных подразделений применительно к особым условиям.

Таким образом, стратегия является высшей областью военного искусства. Следует полагать, что эти задачи будут реализовываться оперативным искусством и тактикой.

Оперативное искусство занимает промежуточное положение между военной стратегией и тактикой, подчинено стратегии, обеспечивает выполнение ее целей и задач, одновременно определяет характер и общую направленность тактики, ставит перед ней те или иные требования и задачи.

В качестве подтверждения следует выделить некоторые задачи теории и практики тактики: исследование закономерностей и принципов тактики; разработка мероприятий по поддержанию высокой боевой и мобилизационной готовности; развитие сущности понятий действий (тактических действий, боя); развитие теории подготовки и ведения действий боевых действий; развитие содержания тактических задач, выполняемых соединениями и воинскими частями при выполнении поставленных задач; развитие способов выполнения тактических задач; поддержание боевой и мобилизационной готовности соединений, воинских частей и подразделений; изучение и обобщение боевого опыта; совершенствование методов боевой подготовки соединений, воинских частей и подразделений; принятие обоснованных решений, постановка боевых задач, планирование и подготовка боевых действий; управление воинскими частями и подразделениями в ходе выполнения поставленных задач.

Представленные задачи согласуются с задачами военной стратегии.

Особое значение приобретает разработка новых форм и способов ведения операций с использованием разведывательно-ударных и разведывательно-огневых систем, роботизированных и других перспективных средств вооруженной борьбы.

Тактика, как и оперативное искусство, состоит из двух взаимосвязанных и неразрывных частей – теории и практики. Задачи тактики способствуют выполнению задач оперативного искусства.

Теория тактики исследует закономерности, характер, содержание и способы ведения боевых действий.

Практика тактики включает деятельность командиров, штабов и войск (сил флота) по подготовке, ведению и обеспечению боя. Тактика подчинена оперативному искусству и стратегии и руководствуется их требованиями.

Между тремя составляющими военного искусства существует тесная взаимосвязь.

Оперативное искусство является связующим звеном между стратегией и тактикой.

Оперативное искусство, с одной стороны, подчиняется стратегии, и в то же время оно занимает руководящее положение по отношению к тактике, определяет ее задачи и направления развития.

Существует и обратная связь. Развитие тактики, появление новых способов ведения боя оказывает влияние на оперативное искусство, а оперативное искусство, в свою очередь, влияет на развитие стратегии.

Роль тактики в современных условиях велика. Тактика – самая динамичная область военного искусства. Реализация целей военной стратегии и оперативного искусства возможна через своевременное выявление направлений развития тактики и творческом учете ее достижений.

Необходимо коротко раскрыть основные направления развития тактики, применительно к задачам, возлагаемым на общевойсковые формирования в военное время.

Важнейшим из направлений развития тактики – увеличение пространственного размаха вооруженной борьбы на тактическом уровне.

Современные средства поражения и возросшие боевые возможности войск позволяют наносить удары на большую глубину, осуществляя не только последовательное, как прежде, но и одновременное поражение важнейших объектов противника.

Сейчас, а тем более в перспективе, бой немалым без использования современных систем разведки, связи, навигации.

Следующее направление развития тактики заключается в активном использовании приземного слоя воздушного пространства.

В составе группировки войск (сил) ВС РФ при проведении специальной операции в САР широко применяется беспилотная авиация для ведения воздушной разведки, вскрытия выдвигания резервов противника, доразведки ранее выявленных целей, корректировки огня артиллерии, целеуказания и контроля результатов нанесения ударов оперативно-тактической авиацией и крылатыми ракетами.

Следующим направлением развития тактики является повышение роли огневого поражения противника и маневра непосредственно на поле боя.

Из трех важнейших составляющих военных действий – маневра, огня и удара войсками, искусным сочетанием которых всегда достигались и будут достигаться решительные результаты, все большее значение приобретают первые две, то есть маневр и огонь. Удар войсками, ранее предопределявший исход сражений, уже сегодня, а тем более в перспективе, будет применяться лишь для завершения разгрома противника. Роль же маневра и огня заключается в том, чтобы подготовить удар и увеличить его силу, не вынуждая войска, как в прошлом, ценой больших потерь одолевать противника.

В современных условиях четко просматривается и такое направление в развитии тактики, как повышения роли информационного превосходства над противником в бою или, говоря другими словами, перехода от «сверхвооруженности» к «сверхинформированности». Достижения в областях автоматической обработки данных на компьютерах, разведки, навигации и связи обеспечивают возможность точно определять днем, ночью и в других условиях ограниченной видимости местонахождение своих войск и противника, а также в короткие сроки собирать, обрабатывать и рассылать соответствующие данные по тысячам адресов.

В современном бою очень важно не только повысить свои, но и снизить возможности противника в решении указанных выше задач. Поэтому повышаются роль и значение тактической маскировки. Она явится непременной составной частью действий соединений в любых

условиях обстановки, а практическая реализация ее форм, способов и приемов может привести к существенным изменениям в характере и содержании боя.

Важным направлением в характере действий тактики является неуклонное повышение решительности целей боя.

В современных условиях не захват районов, удерживаемых противником, выдвигается на первый план. Важнейшими целями, которые каждая из сторон будет ставить перед собою, являются: дезорганизация усилий противника применением новейшего оружия по важным объектам и решительными действиями обходящих отрядов и десантно-диверсионных сил; завоевание и прочное удержание инициативы; разгром противника в короткие сроки. Опыт боевых действий показывает, что современные средства и способы ведения вооруженной борьбы, при соответствующей подготовке войск, позволяют добиваться решительных целей не только в наступлении, но и в обороне.

Весьма активно на современном этапе развития тактики проявляется направление повышения роли взаимодействия всех войск, сил и средств, участвующих в бою, и возрастание сложности его организации и практического осуществления.

В развитии современной тактики все более остро проявляется тенденция существенно возрастающей зависимости успеха в бою от надежного решения вопросов всестороннего обеспечения войск. Не умаляя роли ни одного вида обеспечения, следует вместе с тем отметить особое положение, которое занимают сейчас разведка, РЭБ, тактическая маскировка, морально-психологическое, тыловое и техническое обеспечение, а с широким поступлением на вооружение потенциально опасных государств оружия на новых физических принципах — и медицинское обеспечение операций (боевых действий).

Все более пристальное внимание в современных условиях привлекают вопросы возрастающей роли качества управления и профессиональной, морально-психологической подготовки личного состава. Причины, формы и направления проявления этих тенденций весьма многообразны.

Перед тактикой стоит ряд взаимосвязанных с военной стратегией и оперативным искусством задач как в развитии теории, так и в практике рекомендаций: уточнение структуры и содержания тактики как области военного искусства; развитие сущности понятия боя и его содержания; развитие содержания тактических задач, выполняемых соединениями, воинскими частями и подразделениями в различных видах боевых действий; развитие способов выполнения тактических задач, соединениями, воинскими частями и подразделениями в различных условиях обстановки; совершенствование вопросов всестороннего обеспечения соединений, воинских частей, подразделений в различных условиях обстановки; уточнение структуры и содержания уставных документов; внедрение теоретических вопросов в практику подготовки войск; разработка комплекса мероприятий подготовки боя и поэтапное внедрение его в образовательную деятельность с последующим апробированием в войсках; совершенствование организации работы командира и штаба в ходе выполнения поставленных задач и внедрение их в образовательную деятельность и подготовку войск; направление научной, творческой и исследовательской деятельности педагогических работников на разработку вопросов теории тактики и внедрение их в образовательную деятельность; творческое применение опыта боевых действий соединений, воинских частей и подразделений в образовательную деятельность с учетом вопросов отрабатываемых на учебных занятиях и опыта обучающихся; совершенствование форм, методов обучения и творческое их применение в образовательной деятельности.

Главное сегодня для военной науки непрерывное, целенаправленное проведение исследований по определению возможного характера военных конфликтов, разработке системы форм и способов действий как военного, так и невоенного характера, определению направлений развития систем вооружения и военной техники. Наша военная наука всегда отличалась умением видеть и вскрывать проблемы на этапе их появления, способностью оперативно их прорабатывать и находить пути решения. Надеюсь, что такая позиция российской военной науки сохранится и впредь.

ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ ОБОСНОВАНИЯ ПЕРСПЕКТИВНОГО ОБЛИКА СИЛОВЫХ КОМПОНЕНТОВ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CONCEPT BASIS OF JUSTIFICATION OF THE PERSPECTIVE LOOK OF POWER MILITARY ORGANIZATION COMPONENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Раскрыты задачи концепции обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. Показаны результаты работы с концепцией. Раскрывается модель процесса формирования достигнутого уровня военной безопасности. Представлены основы методологии оценивания и прогнозирования международной и военной-политической обстановки. Раскрыта методология ресурсно-экономической оценки возможностей государства по ресурсному обеспечению содержания и оснащения перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации.

The objectives of the concept of justification of the perspective look of the power military organization components of the Russian Federation are revealed. The working results of the concept are shown. A model of the process of forming the achieved level of military security is revealed. The fundamentals of the methodology for evaluating and forecasting the international and military-political situation are presented. The methodology of the resource and economic assessment of the state's capabilities in the resource support of the maintenance and equipping of the perspective appearance of the power components of the military organization of the Russian Federation is disclosed.

Ключевые слова: концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации, военно-политические отношения, военно-политическая обстановка, единые оперативно-стратегические исходные данные, ресурсно-экономическая оценка возможностей государства.

Keywords: the concept of justifying the perspective of the power military organization components of the Russian Federation, military-political relations, military-political situation, common operational and strategic initial data, resource and economic assessment of state capabilities.

Обоснование целей и задач военного строительства как важнейшей области военной политики является неувядаемой по актуальности научной и практической проблемой. Основным способом решения научной части этой проблемы является разработка теоретических основ для обоснования таких исходных данных для планирования военного строительства, как облик военной организации и ее компонентов с учетом ресурсно-экономических возможностей государства.

Результатом соответствующих исследований стала концепция (далее Концепция) обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации.

Предлагаемая Концепция должна обеспечить разработку системы поддержки принимаемых решений, где лицу, принимающему решение, предоставляется возможность задавать уровень военной безопасности, который дол-

жен быть обеспечен на следующий плановый период. Это решение означает необходимость обеспечения заданной эффективности парирования военных угроз, военно-политический и стратегический характер которых определяются на основе прогноза развития международной и внутривнутриполитической обстановки. На основании анализа военных опасностей и угроз и требований к эффективности их парирования определяются требуемые значения показателей облика силовых компонентов ВО РФ и потребности в их ресурсном обеспечении.

В результате сопоставления возможностей государства по удовлетворению этих потребностей может либо корректироваться требуемый уровень военной безопасности и тогда осуществляется деформация значений показателей облика военной организации, либо предъявленные значения принимаются для реализации в качестве исходных данных для планирования военного строительства. В зависимости от об-

становки, в критических условиях, по решению военно-политического руководства могут быть увеличены ассигнования на содержание и оснащение силовых компонентов военной организации Российской Федерации в ущерб другим бюджетным расходам.

Разработанная Концепция включает в себя три методологических части: оценивания и прогнозирования международной и военно-политической обстановки, обоснования целевых показателей силовых компонентов военной организации Российской Федерации ресурсно-экономического обоснования возможностей по содержанию и оснащению военной организации Российской Федерации. Все части Концепции тесно связаны между собой входными и выходными данными, объединенными общими шкалами и единым толкованием основных понятий.

Основными результатами работы с концепцией являются три группы результатов:

первая группа:

- прогноз военных угроз, военных конфликтов с участием России с оценкой потенциала военных угроз;

вторая группа:

- требуемые боевые потенциалы группировок войск (сил) на стратегическом направлении;
- требуемая величина сдерживающего ущерба;

- требуемый боевой состав группировок сил общего назначения на стратегическом направлении с учетом потенциала стратегических сил сдерживания;

- и, как синтез этих результатов этой группы, требуемый боевой состав Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований.

Третья группа:

- потребность в ресурсах для оснащения и содержания военной организации Российской Федерации показатели социально-экономических возможностей государства.

В результате согласующих процедур формируется ситуация, при которой силовые компоненты военной организации Российской Федерации, с одной стороны, обеспечивают военную безопасность страны на заданном уровне, а с другой стороны, их ресурсные потребности соответствуют социально-экономическим возможностям государства.

Центральным, системообразующим элементом Концепции является методология обоснования целевых показателей облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. Она основывается на комплексе аналитических методик оценивания военной безопасности, позволяющей рассчитывать значения системы показателей, таких как потенциал стратегического сдерживания, сдерживающий ущерб, потенциал военной угрозы, достигаемая степень военной безопасности.

Одним из ключевых положений Концепции является модель формирования военной безопасности. Она была разработана при исследовании сущности военной безопасности, военной опасности и военной угрозы и основных факторов, оказывающих влияние на них и на напряженность международной и военно-политической обстановки.

Концептуальная модель военной безопасности, в сущности, есть модель процесса формирования достигаемого уровня военной безопасности.

Логика функционирования этой модели состоит в следующем.

Военно-политические отношения между Российской Федерации и избранным для анализа иностранным государством (коалицией государств), складываются, главным образом, под воздействием двух групп факторов: политических намерений военно-политического руководства (конфликтом интересов в прогнозируемом периоде) и соотношения военных потенциалов иностранным государством (коалицией государств) и Российской Федерацией. В зависимости от значений этих факторов военно-политическая обстановка, как результат проведения сторонами своей военной политики, может оказаться в состоянии напряженности. (Она характеризуется результирующим конфликтным потенциалом $P_{ко}$.) А это чревато возникновением военной опасности или военной угрозы. Для парирования военных опасностей и угроз военно-политическим руководством предпринимаются мероприятия в рамках стратегического сдерживания и по результатам этих действий оценивается достигаемый уровень военной безопасности.

В отсутствие каких бы то ни было мер по снижению конфликтного потенциала военно-политической обстановки, этот потенциал равен

конфликтному потенциалу военной политики противостоящего государства и составляет потенциал военной угрозы в его максимуме. Однако воздействие военных и невоенных мер стратегического сдерживания приводит к тому, что действительный потенциал военной угрозы компенсируется этими мерами и его величина, в конце концов, становится равной разности между конфликтным потенциалом военно-политической обстановки потенциалом стратегического сдерживания. На долю военно-политического руководства остается принятие оценочного решения: насколько этот оставшийся конфликтный потенциал, а это и есть потенциал военной угрозы соответствует его представлениям о требуемом уровне военной безопасности. Для этой задачи в Концепции предложена соответствующая шкала.

На основе этой модели была построена и модель формирования военной безопасности в условиях угрозы развязывания крупномасштабной войны. Однако для прояснения сущности исследуемых процессов достаточно рассмотрения региональной модели.

Неотъемлемой частью Концепции является методология оценивания и прогнозирования международной и военной-политической обстановки.

С помощью совокупности методик путем анализа различного рода первичной информации о положении, состоянии стран мира, их внешней и внутренней политики формируются различные выводы, являющиеся промежуточными и конечными результатами прогнозирования развития международной и военно-политической обстановки. В ходе работы с методологии решаются три основные задачи:

1. Вскрытие и анализ основных факторов, влияющих на развитие международной и военно-политической обстановки, в результате чего определяются составы коалиций и оцениваются типы отношений между государствами — от союзнических до враждебных.

2. Разработка прогноза развития международной и военно-политической обстановки, в результате чего формируются наиболее вероятные сценарии мирового и регионального развития и оценивается отношение к ним Российской Федерации.

3. Прогноз военных опасностей и военных угроз Российской Федерации. Его результаты,

кроме всего прочего, дают возможность оценивать достигаемый уровень военной безопасности России при имеющихся силах общего назначения и силах стратегического сдерживания.

Третьим компонентом Концепции является методология ресурсно-экономической оценки возможностей государства по ресурсному обеспечению содержания и оснащения перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации.

Логика работы методологии заключается в следующем. Используя результаты прогноза развития международной и военно-политической обстановки, вариантов значений показателей облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации, при которых обеспечивается требуемый уровень военной безопасности Российской Федерации, а также с учетом прогноза демографического развития России и влияния длинноволновых циклов Кондратьева при долгосрочном прогнозировании на первом этапе решаются три взаимосвязанных задачи:

- прогнозирование состояния экономики Российской Федерации с учетом воздействия на нее негативных факторов;

- определение рационального уровня оборонных расходов для экономики с учетом различных сценариев международной и военно-политической обстановки;

- формирование военно-политическим руководством системы макроэкономических целей развития страны в условиях названных сценариев международной и военно-политической обстановки.

Заключает этап прогноз экономических потерь и состояния экономики Российской Федерации в послевоенный период.

Решение перечисленных задач позволяет перейти к оцениванию необходимых затрат на содержание и оснащение Вооруженных Сил, других войск и органов для принятий решения о соответствии потребностей ресурсным возможностям.

На завершающем этапе оптимизируются оборонные расходы и определяются рациональные значения показатели облика силового компонентов Российской Федерации, а также формируются мероприятия, позволяющие обеспечить развитие государства наиболее эффективным образом.

Интегрирование комплексов методик из состава перечисленных методологических компонентов Концепции позволило построить логикоаналитическую схему обоснования показателей облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. Она реализует доложенный в начале моего выступления замысел Концепции. Наиболее важным элементом схемы обоснования облика Вооруженных Сил Российской Федерации является методика военно-стратегического обоснования боевого состава группировки войск (сил) на стратегическом направлении. Предполагается, что группировка войск (сил) должна по своим боевым возможностям соответствовать требуемому значению боевого потенциала сил общего назначения. Как известно, в настоящее время существуют методики, позволяющие получить решение данной задачи, в том числе и методика, отработанная в нашем творческом коллективе. Однако каждая из них имеет свои недостатки, и совершенствование этого методического аппарата продолжает оставаться актуальной задачей.

В настоящее время нами получена возможность обоснования требуемой величины сдерживающего ущерба, который может быть нанесен противнику стратегическими силами сдерживания для парирования региональных и локальных военных угроз, если сдерживающий эффект группировки войск (сил) общего назначения создаваемой в соответствии с планами военного строительства для обеспечения военной безопасности окажется недостаточен. При этом основой для наращивания или сокращения боевого состава существующей группировки войск (сил) общего назначения и стратегических сил сдерживания является разница между имеющимся и требуемым значениям боевого потенциала.

Основные положения Концепции изложены в изданной под общей редакцией президента РАН генерал-майора Василия Михайловича Буренка монографии.

Представленная вашему вниманию Концепция в значительной степени реализована в программных средствах и разработан макет системы поддержки принимаемых решений. Это позволило произвести необходимые обо-

снования и рассчитать рациональные значения показателей перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации, в первую очередь, Вооруженных Сил Российской Федерации, при которых обеспечивается военная безопасность страны. Эти данные совместно с другими легли в основу исследовательского варианта единых оперативно-стратегических исходных данных и основных частных исходных данных, таких как исходные данные для планирования военного строительства, стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов, научных исследований.

Для полномасштабной реализации проведенных исследований считаю целесообразным:

- постановку НИОКР для создания промышленного образца СППР на основе предложенных решений;
- создание научно-исследовательского подразделения, предназначенного для:
  - военно-научного сопровождения разработки СППР, а в дальнейшем ее эксплуатации и развития;
  - формирования расчетных сценариев международной и военно-политической обстановки, стратегической и оперативной обстановки и необходимых массивов первичных исходных данных во взаимодействии с заинтересованными научно-производственными организациями Вооруженных Сил Российской Федерации, других Федеральных органов исполнительной власти, РАН и образовательными организациями;
  - координации деятельности научно-производственных организаций Министерства обороны в части разработки расчетных сценариев боевых действий тактических соединений, частей и подразделений;
  - обеспечения ЦВСИ и органов военного управления необходимыми данными для формирования исходных данных для военного планирования;
  - организации и проведения совместных исследований с научно-производственными организациями заинтересованных федеральных органов исполнительной власти и образовательных организаций в области обеспечения военной и национальной безопасности.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА ОБОРОНОЙ РОССИИ

THE RUSSIAN FEDERATION DEFENSE STRATEGIC COMMAND IMPROVEMENT

Проблемные вопросы в сущности войны, вооруженной борьбы и военных действий. Дана классификация состояний политической обстановки. Рассмотрены основы построения, подготовки и ведения интегрированной системы обороны России в отсутствие войны. Предложен перечень проблем военно-политического планирования для современных условий. Представлен комплекс документов военно-политического планирования. Обоснована структура органа управления обеспечением национальной безопасности и обороной Российской Федерации.

Problem questions of war essence, armed struggle and military actions. A classification of political situation is revealed. The basics of structure, preparing and maintaining of Russia integrated defense system in time of peace war are identified. A list of military-political planning problems for modern conditions is proposed. A set of the military-political planning documents is presented. The structure of the Russian Federation national security and defense command and control body is proved.

Ключевые слова: виды враждебных действий, террористическая борьба, концепция сдерживания агрессии, концепции по видам государственной безопасности, планы взаимодействия в ходе нейтрализации критических угроз безопасности РФ, планы применения военной организации РФ для отражения агрессии, ведущейся военными и невоенными способами.

Keywords: types of hostile actions, terrorist war, deterrence aggression strategy, strategy of national security types, communication plans for neutralization of threat to the vital interests of the Russian Federation security, the Russian Federation military body plans for the repulse of the aggression act carried out by military and nonmilitary methods.

Действующая Доктрина военной безопасности РФ полагает в качестве актуальных угроз ущерб в результате комплексного применения политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, информационного воздействия на население, имеющее целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций, применения непрямых и асимметричных способов действий.

В данном случае проблемным является представление угроз в качестве действующих разнонаправленно и в различных сферах. Это даже при поверхностном рассмотрении предполагает наличие различных субъектов противодействия, и, что существенно — дезинтегрированность систем нейтрализации данных угроз по сферам компетенции различных министерств и ведомств. Там где требуется единая государственная система безопасности, там, в лучшем случае, предусмотрены ведомственные программы и мероприятия, которые в системе непрямых действий не блокируют все угрожающие факторы, легко перетекающие из одной сферы воздействия в другую. При этом

сферы ответственности за их нейтрализацию и силы между собой не скоординированы и эффективного результата противодействия достигнуть не могут.

Еще одной нерешаемой проблемой представляется застывшая на добрую сотню лет оценка политической обстановки в противопоставлении войны миру, что в настоящее время не выдерживает критического анализа. Признаки войны, рассматриваемые международным правом, в практике современных «революций» и агрессий проявляются настолько «недостаточно», что служат предметом более спекуляций, чем реальным предметом обсуждения в Совете Безопасности ООН.

Причиной является путаница в практике применения и подмена в теории сущности войны, вооруженной борьбы и военных действий, а также принятая абсолютно необоснованная синонимичность данных понятий. Войны ведутся субъектами политики, вооруженные силы — их инструмент, а вооруженная борьба — форма применения. Важно помнить, что здесь указаны далеко не единственные в своем роде инструмент и форма.

Действительно, если целью политической борьбы, даже в ее крайнем проявлении, является свержение (подчинение) неугодного субъекта власти и овладение чужими (его) ресурсами, то в современных условиях, как показывает судьба некоторых государственных образований Латинской Америки, Африки и Центральной Азии, а также, куда уж дальше, СССР и бывших его республик, те же результаты вполне достигаемы применением способов не прямых действий – в экономической, внутри- и внешнеполитической, а также информационной сфере. Главная цель – устранение экономической (политической, социальной) идентичности объекта, и безо всяких признаков войны.

Агрессору достаточно при этом выполнить ряд задач, к которым следует отнести: достижение комплексом мер «мирного» времени таких измененных и ослабленных состояний национального развития и обороноспособности, проявления и резонансы которых будут определять достижение критической неспособности государственного руководства выполнять свои функции в решающей фазе противоборства мирного или военного времени; завершение создания экономической, политической и военной коалиций и наращивание координации действий союзников агрессора; принудительная или скрытая внешняя корректировка противником государственной экономической политики; диктат принципов и содержания государственного управления, чуждых интересам народов; разделение и дезидентификация социальных групп, национальной культуры, национального самосознания; колониальное подчинение, фактическое или функциональное расчленение территории и, как логичное завершение, – геноцид.

Объектами воздействий в таком случае будут уже не только традиционные государственная власть, территория и экономика с ресурсами. Критическую важность в качестве жертвы агрессии приобретает народ как социально-политическое и полиэтничное единство с его свободой, идентичностью, самообеспечением, самосовершенствованием и самовоспроизводством, а также национальное достояние (культура, самосознание, язык, традиции и уклады); социальный капитал со

всеми его нормативно-ценностными системами и национальное богатство.

Указанными проблемными аспектами, конечно, не описывается весь их круг, но и в этом случае следует рассмотреть кое-какие выходы.

Во-первых, следует завершить пространственные дискуссии относительно содержания войны и мира, а принять научное решение, которое обеспечило бы определенно эффективную позицию государства по отношению к врагу (именно так!), понимая, что традиционные смысловые различия между содержанием понятий «война», «мир», «источник угрозы», «объект воздействия» и пр. устарели, а их преодоление, становясь проблемой, выходит за рамки теоретических дискуссий и приобретает критическое актуально-практическое значение

В этом случае можно было бы предложить выход из теоретического тупика введение в нормативно-правовой оборот обобщающего все точки зрения понятия, например, «враждебные действия». Данное понятие возможно положить в основу классификации взаимоотношений между субъектами мировой экономики и политики по характеру противоречий, то есть как враждебные, конфликтные, спорные, конкурентные, независимые, союзнические, партнерские, дружественные

При этом враждебные действия будут представлять собой разновидность формы проявления враждебных отношений наряду с политическими и экономическими изоляциями (санкциями), подрывными операциями (непрямыми действиями), террористической борьбой и пр.

Таким образом, межгосударственные враждебные действия – это форма устранения противоречий между субъектами межгосударственных отношений в открытом насильственном противоборстве или в ходе не прямых (скрытых) действий, проводимых с целью изменения государственной политики и (или) основ государственного устройства объектов воздействия путем их фактического уничтожения (ликвидации, отстранения, сущностного изменения).

Видами враждебных действий в данном случае можно полагать войну (в том числе гражданскую войну), геноцид, специальные под-

рывные операции против государственного строя (устройства) в экономической, внешне-, внутривнутриполитической и информационной сферах и географическом пространстве.

Тогда война представляется как вид межгосударственных враждебных действий (а также враждебных действий между политическими, социальными, религиозными, этническими и пр. группировками внутри страны), социально-политическое явление, заключающееся в реализации политики насильственного принуждения объектов воздействия к подчинению политическим требованиям субъектов, в т.ч. в ходе военных действий.

В свою очередь, находит свое место в классификации состояний политической обстановки и мир как дружественные (конкурентные, независимые, союзнические, партнерские) межгосударственные (межблоковые, межкоалиционные) и внутривнутригосударственные (по-

литические, этно-конфессиональные и социальные) взаимоотношения между субъектами. И никакого противопоставления войне: это разные основания классификации взаимоотношений между субъектами политики.

Практическое применение данного терминологического подхода и связанные с ним изменения во взглядах на оценку отношений во внешнеполитической сфере с разрешением конфликтных противоречий в сферах интересов позволят ответственно и национально самостоятельно трактовать действия врага по отношению к России. Это, в свою очередь, даст право и потребует решающих действий государственного руководства по отношению к субъекту вражды.

Во-вторых, наступает черед рассмотрению основ построения, подготовки и ведения интегрированной системы обороны России в отсутствие войны.

Рис. 1. Сущность обороны Российской Федерации, объекты обороны и основы подготовки обороны

Оборона (рис. 1) — это государственная система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер нейтрализации враждебных действий по отношению к суверенитету государства, его власти, экономике, политике, народу, национальному достоянию и социальному капиталу, а также отражение вторжения и разгром врага в ходе вооруженной защиты территории и национального богатства.

В расширенном — по отношению к существующим — определении обороны страны целями обороны должны стать не только (и не столько) защита суверенитета государства и государственной власти, территории и даже национального достояния, но защита социально-экономического капитала и национального богатства.

В рамках военного планирования в настоящее время формируются прогнозные, концептуальные (концепции, доктрины, стратегии, основы), программные, планирующие и распорядительные документы, нормативные правовые акты, а также вспомогательные (аналитические, информационные, справочные) документы и другие материалы.

По нашему мнению, существующие базовые положения должны быть развернуты вплоть до разработки целого ряда новых нормативно-правовых актов организации обороны страны, которые должны предусматривать в различных формах:

- срыв планов включения и координации действий всех западных стран и их союзников (партнеров) в борьбу с «общей российской угрозой»;

- недопущение ослабления экономических возможностей России, в том числе по поддержанию военной мощи в условиях мирного времени;

- обеспечение поддержания влияния России на межгосударственные отношения, овладение передовыми научными, технологическими, экономическими, культурными и другими достижениями и ресурсами, создание условий доминирования в международных проектах, программах и культурных мероприятиях;

- подготовку органов управления и населения Российской Федерации к мобилизации сил и возможностей на укрепление обороноспособности Российской Федерации в новых

условиях формирования и реализации угроз национальной безопасности;

- создание и развертывание отечественных программ развития и развертывания прорывных в научном плане эффективных комплексов и средств борьбы в различных, особенно «невоенных» сферах;

- повышение эффективности устойчивого управления обороной страны в критических условиях обстановки и способность органа стратегического управления обороной России выполнять свои функции в любых, в том числе критических (катастрофических), условиях противоборства не только военного, но и «мирного» времени.

Особые условия сложной, непредсказуемой военно-политической (военно-стратегической, оперативной) обстановки второго десятилетия XXI века вызвали необходимость в разработке, например, концепции сдерживания агрессии (враждебных действий) против России; концепций по видам государственной безопасности; планов взаимодействия ВС РФ с силами и средствами министерств и ведомств, регионов в ходе нейтрализации критических угроз экономической (политической) безопасности РФ; планов применения военной организации РФ для отражения агрессии, ведущейся военными и невоенными способами (надежного решения задач обороны страны и др.

С развитием цифровизации ВС РФ и необходимостью принятия мер по выполнению майского Указа (2018 г.) Президента Российской Федерации по осуществлению кардинальных мер в социально-экономическом развитии России) возникла потребность в разработке соответствующих (фактически — мобилизационных) планов как самостоятельных документов военно-политического планирования нейтрализации враждебных действий в мирное время.

В перечне проблем военно-политического планирования сегодняшнего дня на одном из первых мест стоит задача избавления от существующего догматического подхода в подготовке страны к отражению агрессии. Время требует умелого и полного использования всех возможностей государства и гражданского общества для отражения любых, в том числе новых, форм

агрессии, осуществляемой в условиях подавляющего превосходства врага в экономическом, информационном (кибернетическом) и иных пространствах.

Документы военно-политического планирования (планирования нейтрализации межгосударственных враждебных действий) должны полностью учитывать проблемы нейтрализации критических угроз государственной и общественной безопасности в экономической, политической, военной и информационной сферах.

Представленный в табл. 1 вариант комплекса документов военно-политического планирования объединяет существующие основания стратегического планирования обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, применения Вооруженных Сил и иных сил и средств военной организации государства в случае нарастания угрозы и развязывания военного конфликта,

а также привлечения министерств, ведомств России для ведения обороны и ее всестороннего обеспечения с основаниями нейтрализации враждебных действий в мирное время в существующих руководящих документах – концепциях, доктринах и стратегиях по видам обеспечения государственной и общественной безопасности (экономической, политической, военной, информационной, общественной и прочих), решения государственного руководства, планы обеспечения по видам безопасности, планы взаимодействия и управления.

В содержании данных документов отражаются и детализируются средства, способы, формы, средства, реализуемые (применяемые) в различных сферах обеспечения национальной безопасности.

Назрела необходимость формирования подходов к корректировке содержания Плана обороны РФ. Наряду с существующими до-

Таблица 1

Структура правового поля для планирования обороны

ВИДЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	КОНЦЕПЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ	ДОКТРИНЫ БЕЗОПАСНОСТИ	ДОКУМЕНТЫ ПЛАНИРОВАНИЯ ОБОРОНЫ РФ			
			Планы нейтрализации враждебных действий	Планы всестороннего обеспечения	Планы взаимодействия	Планы управления
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ	Концепция экономической безопасности РФ	Доктрина экономической безопасности РФ (с закрытым для массового информирования разделом)	План поддержания национального экономического суверенитета РФ в условиях враждебных действий	Планы обеспечения экономической и политической безопасности РФ	План взаимодействия министерств и ведомств, руководства субъектов РФ в области нейтрализации враждебных действий в экономической сфере	План Управления силами и средствами, поддержания национального экономического суверенитета РФ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ	Концепция политической безопасности РФ	Доктрина политической безопасности РФ (с закрытым для массового информирования разделом)	План реализации национальных приоритетов во внешней политике РФ в условиях враждебных действий		План взаимодействия министерств и ведомств в области нейтрализации враждебных действий во внешнеполитической сфере	План Управления силами и средствами, реализации национальных приоритетов во внешней политике РФ
ВОЕННАЯ	Концепция военной безопасности РФ	Доктрина военной безопасности РФ (с закрытым для массового информирования разделом)	План обороны РФ		План взаимодействия министерств и ведомств в интересах применения Вооруженных сил РФ и других войск (сил)	План Управления всенной организацией РФ
ИНФОРМАЦИОННАЯ	Концепция информационной безопасности РФ	Доктрина информационной безопасности РФ (с закрытым разделом)	План информационного противоборства РФ	Планы обеспечения информационной, общественной и др. видов безопасности РФ	План взаимодействия министерств и ведомств в информационном противоборстве РФ	План управления силами и средствами информационного противоборства РФ
ОБЩЕСТВЕННАЯ	Концепция общественной безопасности РФ	Доктрина обеспечения общественной безопасности РФ (с закрытым разделом)	Планы поддержания общественной безопасности РФ в условиях враждебных действий		План взаимодействия министерств и ведомств, руководства субъектов РФ в интересах общественной безопасности в условиях нейтрализации враждебных действий	План управления силами и средствами, поддержания общественной безопасности РФ

Рис. 2. Структура органа управления обеспечением национальной безопасности и обороной Российской Федерации

кументами, назрела возможность предусмотреть создание иных планов и программ, отражающих:

- меры по системной нейтрализации политических и экономических факторов, оказывающих влияние на стратегическую стабильность РФ;

- активное противодействие мерам враждебного экономического подавления и ограничения;

- нейтрализацию воздействия геоклиматических, геофизических и иных подобных средств масштабного поражения;

- формирование и подготовку стратегических группировок национального стратегического резерва РФ, планирование его применения и создание системы его всестороннего обеспечения;

- развертывание и подготовку резервной системы управления национальной обороной РФ в условиях критической децентрализации государственного управления;

- подготовку экономики и оборонно-промышленного комплекса РФ к действиям в условиях нарушения системы управления в условиях воздействия критических факторов стабилизации во всех сферах жизнедеятельности и управления;

- создание системы организационной, идеологической и психологической мобилизации населения к организованным действиям в условиях развития дестабилизирующих факторов, а также подготовки к противодействию организованному терроризму, его идеологии и уголовной преступности.

Важным обстоятельством в современных условиях является то, что возможностей ГОУ ГШ ВС РФ по планированию решения совокупности проблем обеспечения национальной безопасности, а ГШ ВС РФ – по руководству силами и средствами министерств и ведомств РФ, которые не входят в военную организацию РФ, но в новых условиях реализации актуальных «невоенных» угроз несут ответственность

за обеспечение национальной безопасности и подготовку обороны, не достаточно.

Поэтому в интересах совершенствования управления обороной страны в условиях непосредственной реализации системных «невоенных» угроз требуется совершенствование системы управления, в которой Президент Российской Федерации – Верховный Главнокомандующий имеет орган управления по аналогии с известными со времен Великой Отечественной войны Государственного комитета обороны и Ставки Верховного Главнокомандования.

Функции ГКО должны основываться в настоящее время на интеграции возможностей постоянно действующих органов управления ветвей государственной власти Российской Федерации (рис. 2) и ее военной организации.

В составе Ставки ВГК могут быть представлены такие органы управления, как оперативное и организационно-мобилизационное управления ГКО, руководители министерств

и ведомств Российской Федерации, уполномоченные Федерального собрания РФ и ВГК-ГКО, а также комитеты (транспортный, военно-промышленный, связи и пр.) и другие.

Местом работы Верховного Главнокомандующего и ГКО может служить Национальный центр управления обороной РФ.

Для граждан России должно стать очевидным, что созданию системы обороны будет способствовать, в первую очередь, решимость государственного руководства обеспечить безопасность страны от враждебных действий, активная деятельность федерального органа управления обороной (не путать с существующим Национальным центром), мобилизация общества на развитие самосознания в противовес развивающейся этической и культурной деградации, развитие науки и образования, соответствующих реальным интересам развития нации и многое другое, что вопиет к осознанию реальных, даже, как пока считается, «невоенных» угроз Отечеству.

ТОРГОВЛЯ ВООРУЖЕНИЯМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

WEAPONS SALES AS A TOOL OF POLITICAL IMPACT ON INTERNATIONAL SCENE

Показано, что торговля вооружениями с иностранными государствами является важнейшей составляющей военно-технического сотрудничества. Раскрыты направления наращивания потенциала «мягкой силы» государства. Раскрыты причины событий вокруг Венесуэлы. Показана главная задача торговли вооружениями России в современных условиях.

The weapons sales with foreign countries is the most important component of military technical cooperation. The directions of capacity building activity of state “soft power” are identified. The origins of events around Venezuela are revealed. The main task of Russia’s weapons sales in modern conditions is shown.

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество, конкурентная способность государства, мировой рынок вооружений, торговля вооружениями.

Keywords: military technical cooperation, state competitiveness, world arms market, weapons sales.

Военно-техническое сотрудничество с иностранными государствами как одна из важнейших сфер государственной деятельности обладает уникальной особенностью, а именно — универсализмом воздействия на внешнюю среду, являясь одновременно инструментом продвижения внешнеполитических, военно-политических, экономических и коммерческих интересов страны. Кроме того, военно-техническое сотрудничество с иностранными государствами и торговля вооружениями как важнейшая его составляющая критически важное значение для поддержания и развития технологического потенциала государства, осуществляющего военно-техническое сотрудничество.

Более того, в последнее время возрастает такая еще недавно, казалось бы, второстепенная сторона этой области, как создание репутационного капитала государства и его национальной экономики. В этой связи несколько неожиданным следствием успешного осуществления военно-технического сотрудничества с иностранными государствами является также наращивание потенциала «мягкой силы» государства. Нетрудно заметить, что российские успехи последних лет на мировом рынке вооружений вносят весомый вклад в укрепление ее образа как развитой в экономическом, технологическом и промышленном отношении, независимой во внешней полити-

ке и сильной в военном плане державы. Создание позитивного имиджа России повышает ее привлекательность для потенциальных партнеров по военно-техническому сотрудничеству и, следовательно, конкурентоспособность российской продукции военного назначения на мировом рынке вооружений и военной техники. Таким образом, конкурентоспособность государства в области военно-технического сотрудничества и ее имидж находятся в диалектической взаимосвязи.

Предварительные итоги военно-технического сотрудничества 2018 года— 15 млрд рублей, план выполнен.

Что касается США и мирового рынка вооружений, то в продвижении своей продукции военного назначения США всемерно используют любые рычаги и средств, включая прямое политическое и экономическое давление как на покупателей, так и на экспортеров, рассматриваемых в качестве конкурентов. Если у импортеров возникает желание приобретения ВВТ неамериканского производства (прежде всего российского), то на них может быть оказано и прямое давление. Именно в таком ключе было выдержано, например, заявление министра обороны США Д. Рамсфельда еще в 2005 году. Приведу лишь небольшую цитату: «Не могу представить себе, зачем Венесуэле нужны сто тысяч автоматов АК-47, которые она собирается закупить у России? Я надеюсь,

что Венесуэла не купит эти автоматы. Не могу даже предположить, в чем могла бы быть польза от этой покупки». Поняв, что военно-техническое сотрудничество России и Венесуэлы не зависит от «беспокойства» Вашингтона, в октябре 2006 года США прямо заявили о возобновлении оказания военной помощи ряду стран Латинской Америки, за исключением Венесуэлы.

События сегодняшнего дня вокруг Венесуэлы показывают, во-первых, что США, как мы видим, уже давно вынашивали планы и реализовывают их поэтапно по оказанию прямого, вплоть до силового, давления на легитимный, но негодный имрежим Чавеса-Мадуро и, во-вторых, совершенно очевидно, что своевременно поставленный в Венесуэлу широкий спектр российского вооружения и военной техники служит серьезным сдерживающим фактором для внешних угроз, обеспечивая высокий уровень обороноспособности суверенного государства.

Таким образом, поскольку торговля вооружениями является инструментом долгосрочного влияния, то наши конкуренты, и прежде всего США, открыто используют макиавеллистский принцип «цель оправдывает средства».

Наиболее ярким и неприкрытым проявлением недобросовестной конкуренции со стороны США являются так называемые американские санкции, носящие исключительно экстеррито-

риальный и противозаконный с точки зрения международного права характер. Это форменный политический и экономический «бандитизм» на международной арене. Успехи в военно-техническом сотрудничестве, достигнутые в условиях нарастающего санкционного давления, стали возможными благодаря высокому профессиональному уровню и огромным усилиям всех сотрудников во всех организациях, вовлеченных в процесс военно-технического сотрудничества и, конечно, эффективной государственной поддержке. Трудно переоценить здесь роль Министерства обороны, Министерства иностранных дел России и, конечно, высшего руководства страны.

В целом, подводя итог, следует сказать, что российская сторона главную задачу торговли вооружениями в современных условиях видит, как ни парадоксально это звучит, в сохранении мира и стабильности в конкретной стране, в регионе, и в мире в целом. Такое видение вырастает из понимания необходимости создания (поддержания) паритета силы. Когда существует силовой (военный) паритет, то конфликтные ситуации скорее разрешаются дипломатическим и политическим путем. Хотя, конечно, нельзя питать иллюзий относительно того, что, даже если существует реальный паритет, то это может в конкретном случае стать определяющим фактором предотвращения военного конфликта.

ОСОБЕННОСТИ НЕГАТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ США К ДОГОВОРАМ В ОБЛАСТИ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ И ПЕРСПЕКТИВНАЯ РЕАКЦИЯ РОССИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УКРЕПЛЕНИЯ ЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

PECULIARITIES OF THE US THE NEGATIVE ATTITUDE TO AGREEMENTS IN THE FIELD OF ARMS CONTROL AND PERSPECTIVE REACTION OF RUSSIA FROM THE POINT OF VIEW OF ITS NATIONAL SECURITY AND STRATEGIC STABILITY STRENGTHENING

Показана динамика нарушений США договорных обязательств в области контроля над вооружениями. Представлено направление деятельности нынешнего американского военно-политического руководства по совершенствованию и созданию первых образцов принципиально новой стратегической ядерной триады. Даны предложения по активному противодействию фальсификации в области контроль над вооружениями.

The dynamics of US treaty obligations violations in the field of arms control is shown. The direction of the US current military-political leadership to improve and create the first samples of a fundamentally new strategic nuclear triad is presented. Proposals for actively opposing counterfeiting in the field of arms control are given.

Ключевые слова: Договор об обычных вооруженных силах в Европе, Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, Договор о нераспространении ядерного оружия, Договор по открытому небу, Договор о ликвидации РСМД, Договор о европейской безопасности, Договор о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, Соглашение о предотвращении инцидентов в открытом море 1972 года на подводные лодки, находящиеся в подводном положении.

Keywords: the Treaty on Conventional Armed Forces in Europe, the Comprehensive Test Ban Treaty, Nonproliferation Treaty, Treaty on Open Skies, Agreement on the Elimination of the Intermediate-Range Nuclear Forces (INF), European Security Treaty, Treaty on Prevention of the Placement of Weapons in Outer Space, Agreement on the Prevention of Incidents on the High Seas of 1972 on submarines in underwater position.

Начиная с 1996 года, то есть после отказа США ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, практически все последующие американские президенты, вплоть до нынешнего, неизменно проводили и до сих пор проводят линию, направленную на слом системы двусторонних и многосторонних договоров в сфере контроля над вооружениями. С целью информационного прикрытия такого перманентного и долговременного курса США предъявляют необоснованные претензии к российской стороне, обвиняя ее в «нарушении» пяти договоров (Договора СНВ-3, ДРСМД, ДОВСЕ, ДОН и Венского документа 2011 года о мерах доверия).

Российских же претензий к Вашингтону в области нарушения договорных обязательств в области контроля над вооружениями гораздо больше. Они конкретны и обоснованы. Ва-

шингтон демонстрирует негативное отношение к 12 договорным актам в названной сфере в виде их нарушений, денонсаций, отказа от ратификации или вообще уклоняется от их обсуждения.

Американская сторона продолжает нарушать Договор СНВ-3, Договор о ликвидации РСМД, Договор о нераспространении ядерного оружия и Договор по открытому небу.

Несколько лет назад США осуществляли переоборудование 56 ракетных пусковых установок на ПЛАРБ проекта «Огайо» и 41 тяжелый стратегический бомбардировщик «В-52Н» под предлогом их использования для доставки неядерных боеприпасов, исключив их из учета по Договору СНВ-3. Это дает американской стороне возможность в кратчайшие сроки нарастить потенциал своих стратегических наступательных ядерных сил, увеличив количество

боезарядов более чем на 1200 единиц. Использовались шахтные пусковые установки под загрузку ракет – перехватчиков системы ПРО. Были также переквалифицированы шахтные пусковые установки, предназначенные для обучения, в категорию «учебных шахт».

Наибольшим нарушениям с американской стороны подвергался Договор о ликвидации РСМД. Российские официальные представители неоднократно говорили о подобных нарушениях, называя при этом три их вида, но ни разу не обозначали их общее количество. Пока это сделали председатель Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности генерал-полковник В.Н. Бондарев и некоторые российские СМИ, например, газета «Красная звезда», журнал «США и Канада: экономика, политика, культура», а также ряд Интернет-изданий).

В общей сложности с учетом данных, сообщенных в пресс-релизах Управления по ПРО Пентагона, за последние 18 лет, то есть, начиная с 2001 года, когда Вашингтон объявил о выходе из Договора по ПРО, Соединенные Штаты 96 раз нарушили ДРСМД. Это происходило и до сих пор происходит при проверке эффективности их глобального противоракетного «щита», когда Пентагон использует в качестве ракет-мишеней ракеты средней и меньшей дальности, запрещенные названным договором.

В данном контексте учитывается последнее испытание, проведенное ВМС США в Тихом океане 11 декабря прошлого года, когда средствами ПРО ими была успешно перехвачена ракета повышенной «средней дальности» от 3000 до 5500 км.

Если же взять за начальную точку отчета 1999 год, то по данным Управления по ПРО Пентагона, общее количество таких нарушений составит уже 108 раз. При этом необходимо иметь в виду, что в указанных двух показателях отражено только общее количество испытаний, но без учета перехватываемых ракет. Но если учесть, что в ряде проведенных испытаний предпринимались попытки перехватить групповые ракетные цели, одновременно включающие две и даже пять баллистических и крылатых ракет средней и меньшей дальности, то общее нарушение американской стороной ДРСМД с учетом использованных ракет составит за последние 20 лет 117 раз. Имеются

источники информации, в которых излагаются особенности испытаний системы ПРО с привлечением ракет средней и меньшей дальности в качестве ракет-мишеней.

Выступая 22 марта 2018 года в Конгрессе, начальник Управления по ПРО генерал-лейтенант Сэмюэл Гривс объявил, что США в текущем году проведут еще 12 подобных испытаний. Стало быть, практика нарушений ДРСМД американской стороной будет продолжена.

Сохраняя на европейском континенте свои тактическое ядерное оружие в виде авиабомб, Соединенные Штаты продолжали нарушать первую статью ДНЯО, которая запрещает ядерным государствам размещать ядерное оружие на территории неядерных стран. Российские либерально и прозападно настроенные эксперты не считают, что в этой связи Вашингтон нарушает ДНЯО. Следует добавить, что в этом контексте представляется неправомерным применение термина «нестратегическое ядерное оружие» к тактическому ядерному оружию, поскольку этот термин говорит о том, что американское тактическое ядерное оружие, мол, не может решать стратегические задачи. Но на самом деле могут, если ядерные бомбы будут установлены на тяжелом бомбардировщике «В-2» и на новый тяжелый бомбардировщик «В-21 Рейдер». Кстати, Госдепартамент и Пентагон открыто относят к стратегическим ядерным вооружениям три вида авиабомб семейства «В-61»: в их 7-й, 11-й и 12-й модификации.

Вашингтон необоснованно ввел технические и пространственные ограничения на выполнение им Договора по открытому небу: США долгое время не давали сертификат на цифровое оборудование российским самолетам, осуществляющим инспекционные полеты, и блокировали российским инспекционным группам полеты близ Алеутских островов.

Некоторые важные международные договоренности, например, адаптированный Договор об обычных вооруженных силах в Европе и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), США вообще отказались ратифицировать. Российские эксперты, связанные с западными исследовательскими центрами, считают, что Вашингтон верен принципам ДВЗЯИ, на что якобы его ориентирует новая ядерная стратегия Трампа. Это заведомо

искаженная точка зрения, поскольку на стр. 63 этой стратегии возможность ратификации этого договора исключается. Более того, там обозначена возможность возобновления подземных ядерных испытаний на ядерном полигоне в штате Невада.

Нынешняя американская администрация вышла в одностороннем порядке из Венского соглашения по иранской ядерной программе. Вашингтон не торопится полностью ликвидировать химическое оружие в соответствии с глобальной Конвенцией о его запрещении. Еще ранее, в 2002 году, американцы в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО и отказались от его возобновления. По словам Трампа, проблематика ПРО никогда не будет обсуждаться с другими государствами, кроме союзников США.

Американские контрагенты вообще не желают обсуждать проекты двух международных договоров: Договора о европейской безопасности и Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, а также распространять Соглашение о предотвращении инцидентов в открытом море 1972 года на подводные лодки, находящиеся в подводном положении.

На фоне блокирования договоров в области контроля над вооружениями нынешнее американское военно-политическое руководство продолжает совершенствовать все три элемента «чикагской триады» — объединения в едином механизме ракетно-ядерных, противоракетных и обычных вооружений, который был создан на саммите НАТО в Чикаго в 2012 году.

В США планируется создание первых образцов принципиально новой стратегической ядерной триады, которая будет действовать с 2025 года до 2095 года. Антироссийски настроенные российские эксперты считают, что США не создают новую стратегическую ядерную триаду, а лишь модернизируют существующую. Но это утверждение не соответствует действительности.

Складывается твердое убеждение, что долговременная американская линия, направленная на подрыв системы контроля над вооружениями, будет продолжена и в последующие годы. Как справедливо отметил 27 февраля этого года министр обороны России генерал армии

С.К. Шойгу, подобная линия будет дополняться стремлением США изменить в свою пользу и режим контроля над обычными вооружениями в Европе.

Это создает качественно новую военную опасность, которую Россия обязана учитывать в своей политике по укреплению обороноспособности страны, развитию российских Вооруженных Сил, а также в проведении внешнеполитического курса на международной арене в целом.

Такая опасность проявляется в резком нарушении Вашингтоном баланса между наступательными и оборонительными системами вооружений, а также в развязывании им двух новых видов гонки вооружений: противоракетных и ударных космических. США не взяли на себя твердого обязательства не размещать ядерные КРИВ и иные ракеты в Европе. Подобная опасность усиливается повышением вероятности применения США ядерного оружия, в том числе ядерных боезарядов малой мощности: в целом ядерная стратегия Трампа предусматривает 14 случаев применения ядерного оружия против шести в ядерной стратегии Обамы. Все эти случаи изложены в приложении¹.

США по-прежнему сохраняют и сохранят в будущем за собой право применения ядерного оружия в первом ударе, причем такое исключительное право имеет один человек в США — президент. США подтверждают приверженность стратегии «расширенного ядерного сдерживания» и политике размещения ядерного оружия в качестве средства «передового базирования», а также продолжают выполнять соглашения со своими союзниками по НАТО о проведении «совместных ядерных миссий». Ядерные силы США сохраняют повышенную степень боеготовности своих стратегических наступательных вооружений и тактического ядерного оружия.

В свете сказанного вытекают следующие практические предложения:

1. Следует блокировать попытки США и НАТО навязывать Российской Федерации селективный, то есть выборочный метод разработки договоров по контролю над вооружениями, когда сокращается какой-то один вид вооружений, но в то же время наш вероятный противник имеет возможность наращивать

другие их виды. Вероятно, нельзя больше сокращать стратегическое наступательное вооружение России при бесконтрольном наращивании американцами ракет-перехватчиков глобальной системы ПРО и при качественной модернизации тактического ядерного оружия США в Европе и Азии. Появились высказывания о необходимости разработки новых механизмов контроля над вооружениями с учетом активного развития кибертехнологий и гиперзвукового оружия. Не следует торопиться позитивно отвечать на такие призывы.

2. Не нужно заранее объявлять свою заинтересованность в продлении срока действия Договора СНВ-3 на последующие пять лет после 2021 года в условиях, когда Вашингтон не проявляет готовность к этому, а также с учетом его выхода из ДРСМД в августе текущего года, сохранения тактического ядерного оружия США в Европе и Азии, а также твердого нежелания США и их союзников по НАТО конструктивно решать проблему предотвращения размещения оружия в космическом пространстве.

3. Необходимо переходить с США с виртуальных на реальные зачеты боезарядов СНВ, отходя от практики прошлого «один стратегический тяжелый бомбардировщик – это один ядерный боезаряд».

4. Важно постоянно требовать полного вывода наземных элементов инфраструктуры ПРО США из Европы и АТР, а также тактического ядерного оружия США из Европы.

5. Целесообразно сделать значительный упор на отмену в США ракетно-ядерной стратегии нанесения первого ядерного удара, учитывая при этом растущие озабоченности по поводу ее сохранения, которые циркулируют в обеих ведущих партиях страны, в американском и зарубежном экспертном сообществе.

6. Надлежит остро и последовательно ставить перед США и НАТО вопрос о полном прекращении круглосуточной и круглогодичной операции альянса «Балтийское воздушное патрулирование» в воздушном пространстве трех государств Балтии, в которой задействованы

истребители-бомбардировщики «двойного назначения» всех трех ядерных держав Запада.

7. Представляется целесообразным давать отпор российским и зарубежным экспертам, которые камуфлируют явные нарушения США и НАТО международных договоров в области контроля над вооружениями и целенаправленно искажают российскую позицию по данной проблематике. Особенно сильному пропагандистскому воздействию в этой сфере подвергается такая ведомственная образовательная организация системы МИД России, как МГИМО.

8. Было бы весьма полезно чаще применять цифровые показатели в информационно-разъяснительной работе, которые наглядно характеризуют военную политику США и НАТО. Эти данные надо постоянно использовать не только в научно-практических дискуссиях, но и в официальном переговорном процессе. Российские делегации на встречах любого формата с делегациями США и НАТО вполне могли бы заявлять о негативном отношении Вашингтона к 12 международным договорам в области контроля над вооружениями, сообщать о 96 нарушениях ими ДРСМД и о резком повышении оснований для применения ядерного оружия в новой ядерной стратегии США (14 оснований).

Важно активно и повсеместно доводить такие цифры и до мировой общественности в целом. Иногда они действуют сильнее на западную аудиторию, чем многочасовые выступления. В частности, это показала встреча в Европарламенте в ноябре 2018 года. Если бы мировое сообщество знало хотя бы эти три показателя, то необоснованную критику российской военной и внешней политики со стороны США и стран НАТО можно было бы снизить.

И последнее суждение. В Российской Федерации уже давно ведется широкая кампания по противодействию фальсификации истории, что является логичным и правильным шагом. Но Россия должна одновременно активно противодействовать и фальсификации современности, в том числе в такой ее важной составляющей, как контроль над вооружениями.

14 ОСНОВАНИЙ ПРИМЕНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ США (В СООТВЕТСТВИИ С «ОБЗОРОМ ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ» 2018 ГОДА)

В ядерной стратегии, утвержденной Дональдом Трампом 2 февраля 2018 года, оговаривается, что США применят ядерное оружие (ЯО) «в исключительных случаях».

Вместе с тем в документе (стр. 20–54) говорится, что оно может быть применено:

- 1) с целью сдерживания нападения любого уровня с применением ЯО и обычных видов вооружений (ОВВ);
- 2) с целью защиты союзников и партнеров;
- 3) с целью предотвращения развития «неопределенных вызовов»;
- 4) для предотвращения эскалации любого неядерного конфликта в рамках реализации политики «эскалация с целью деэскалации»;
- 5) в ответ на применение ЯО и ОВВ «при любых обстоятельствах»;
- 6) в ответ на любую агрессию, в т.ч. в ответ на «новые формы агрессии»;
- 7) при появлении «новых противников»;
- 8) в случае нападения на США с применением стратегических неядерных сил;
- 9) в случае нападения на США, их союзников и партнеров, а также на гражданское население и гражданские объекты партнеров;
- 10) против государств-участников Договора о нераспространении ядерного оружия, если они не выполняют его;
- 11) если сдерживание окажется неэффективным;
- 12) при появлении «технических рисков» (стр. 24) и «технологических неожиданностей» (стр. 35), а также в случае совершения кибератак;
- 13) при возникновении «оперативных рисков», которые уменьшат эффективность ядерных сил США;
- 14) при нападении на ядерные силы союзников США.

Иными словами, в новую ядерную стратегию США заложена установка на наступательно-оборонительное применение ядерного оружия широкого спектра. Такая стратегия значительно повышает возможности применения ядерного оружия как с целью ведения глобальной войны, так и его применения в ограниченном ударе, например ядерных боезарядов малой мощности (от 5 килотонн и меньше).

Одновременно США заявили о сохранении первого ядерного удара и стратегии «гибкого реагирования»; о приверженности стратегии «расширенного ядерного сдерживания» для раскрытия «ядерного зонтика» над своими союзниками и партнерами (в общей сложности над 32 государствами, в том числе над 28 странами-членами НАТО); за продолжение размещения ЯО «передового базирования» в Европе; за использование боезарядов малой мощности, а также против понижения боеготовности ЯО.

Нынешняя администрация США выступает за сохранение соглашения с Россией о взаимном ненацеливании ракетно-ядерных вооружений на территории друг друга. Но Вашингтон одновременно приписывает России готовность нанесения как ограниченного, так и массированного первого ядерного удара (стр. 8).

БИОТЕРРОРИЗМ КАК ОДНО ИЗ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В БУДУЩИХ ВОЙНАХ

BIOTERRORISM IS ONE OF NEW DIRECTIONS/ AREAS IN FUTURE WARS

В статье проведен анализ эволюции и форм современного международного терроризма. Раскрыты сущность биотерроризма и исторические корни его развития. Представлена структура отрядов по разработке биологического оружия и способы применения Японией возбудителей чумы и других бактериальных агентов против Китая в ходе Второй мировой войны. Раскрыты масштабы проводимых исследований США на территории бывших республик СССР по разработке биологического оружия.

The evolution and forms of modern international terrorism is analyzed. The essence of bioterrorism and the historical roots development is revealed. The structure of the detachments for the development of biological weapons and methods of application of plague agents and other bacterial agents applied against the Chinese by the Japanese during the Second World War is presented. The scale of the research on the development of biological weapons conducted by the United States on the territory of the former Soviet republics is revealed.

Ключевые слова: международный терроризм, мятежевойна, производство бомб с бактериологическим оружием, сибирская язва, исследование сыпного тифа и производство вакцины, центральная референс-лаборатория.

Keywords: international terrorism, rebel, manufacture of bacteriological weapons bombs, Siberian plague, typhus research and vaccine production, central reference laboratory.

К началу XXI века в сознании политиков, ученых, военачальников сложилось устойчивое представление о том, что человечество пришло к новому мировому порядку, в фундаменте которого лежит военное превосходство Соединенных Штатов и их пренебрежение к действующим с XVII столетия Вестфальской системе государственных суверенитетов.

После 11 сентября 2001 года американские политики и специалисты в администрации Буша-младшего, Обамы, Трампа выявляют слабые места в политике, экономике, военных и разведывательных системах США и конструируют более изощренные средства введения международной политики, экономических действий, а также конструируют все более изощренные методы и средства введения боевых действий в войнах нового поколения с любым противником. Совершенствование новых технологий в сочетании доминирования в информационном пространстве создает у американцев впечатление незыблемости нового мирового порядка.

По мнению его архитекторов, благодаря американскому лидерству в деле противодействия терроризму и тирании мир стал более безопасным, чем в XX веке. Но многие политики, уче-

ные из разных стран оценивают достигнутые результаты иначе, например, американский писатель футуролог Брюс Стерлинг окрестил создавшую ситуацию – новым мировым беспорядком.

Понять «логику» этого беспорядка призваны появляющиеся сегодня новые концепции мироустройства. Так, согласно теории вихревой глобализации, новый мировой порядок больше похож не на устойчивый однополярный мир, а на социальный смерч, в эпицентре которого – видимая стабильность, а на периферии масштабное разрушение. Спокойствие США сегодня достигается за счет нарастания кризисов на периферии.

Так, Френсис Фокуяма справедливо отмечает, что главной проблемой победителя в войнах нового поколения становятся вопросы национально-государственного строительства в «побежденных» странах, причем практически каждый раз оказывается, что планы подобного строительства вообще отсутствуют или не выдерживают испытания реальностью и временем.

Исходя из этого, можно сказать, что стратегии национального строительства не существу-

ет, потому что конструкторы нового мирового порядка в нем просто не заинтересованы.

Хаос (или управляемый хаос) на определенных территориях предпочтительнее, чем обещанная демократия.

Парадокс нашего времени заключается в том, что строить демократию на руинах Багдада, Кабула, Триполи и других стран дело почти безнадежное или, во всяком случае, долгое и хлопотное. Оно требует высокой моральной чистоты, а также строго подсчитанных и подконтрольных официальным органам финансовых средств. А вот поддерживать хаос проще и прибыльнее.

Финансовые потоки образуются за счет наркоторговли, теневой экономики и обычной уголовщины, торговле оружием и людьми.

В отсутствие реальной экономики массам людей, чтобы выжить, остается воевать либо заниматься бандитизмом, либо эмигрировать. Создаются в этих странах армии нового типа.

Управлять зарождающимся деструктивным процессом пытаются две силы — мафиозные структуры и спецслужбы. Сегодня нет большого секрета в том, что лидеры неформальных армий — Усама бин Ладен, Шамиль Басаев, Желько Ражнатович (командир сербской военизированной группировки) Абдулла Катли (руководитель Турецкой праворадикальной группировки (серые волки) — это порождение естественного союза мафии и спецслужб, призванных с ней бороться.

О подобных командирах армий мирового беспорядка нередко говорят как вышедших из-под контроля агентов спецслужб.

Мятежевойна как явление эпохи научно-технической революции, глобализации и локализации мировой системы неизбежно приведет к существенным изменениям в военном деле, в организации армии. Более того, она ведет к ним, как показали войны в Персидском заливе, война коалиции в Афганистане, «странная» война Израиля с Хезбаллой, тогда впервые отчетливо всплыл термин «сетевая война».

Нынешний международный терроризм — элемент новой проблематичной реальности, которую можно сформулировать как триаду «Глобализация. Постмодерн. Безопасность».

Анализ эволюции и форм современного международного терроризма показал следующее.

Во-первых, международный терроризм — это не самостоятельное явление, а инструмент, созданный теми или иными странами, политическими финансовыми группами, для решения своих внешнеполитических и внутривнутриполитических вопросов.

Во-вторых, при наличии детальной конвенциональной и иной международно-правовой базы, разработанной ООН, практическая реализация мер борьбы с терроризмом сталкивается с политикой «двойных стандартов».

В-третьих, наиболее устойчивыми формами международного сотрудничества в борьбе с терроризмом является не сотрудничество разведывательных органов и военных структур, а полицейское сотрудничество под эгидой международной организации уголовной полиции — Интерпола.

В-четвертых, единственной сферой, где не может быть двойных стандартов в международной борьбе с терроризмом — это недопустимость попадания в руки террористов оружия массового уничтожения: ядерного, биологического, химического.

Анализ исторических данных показывает, что всякий терроризм, биотерроризм имеет политические, идеологические корни. Характер исследуемых задач в современном мире требует от террористов XXI века осуществление глобальных акций, способных самым серьезным образом воздействовать на население и правительства разных стран. Здесь инструментом терроризма служат биологические агенты, среди возбудителей опасных инфекций. Фактически меняется форма и масштаб угрозы, сущность же террора остается прежней.

В истории человечества сохранились сведения о применении биологических агентов во время захватнических войн, следствием чего были опустошающие эпидемии чумы и оспы. Так, в 1346 году по приказу хана Золотой Орды Тохтамыша в колодцы и другие источники воды в осажденной генуэзской крепости Каффу (нынешняя Феодосия) в Крыму бросались трупы людей и животных, погибших от бубонной чумы. В итоге Каффа сдалась, но чума распространилась по всей Европе, вызвав страшную эпидемию, которая унесла жизни 25 млн человек, что соответствовало примерно 10% населения тогдашнего мира.

В 1422 году, в период религиозной войны в Чехии, в битве за Карлштейн тела зараженных чумой солдат бросали в шеренги противника. Подобные эпизоды отмечали и в 1710 году, во время войны со Швецией.

При колонизации Америки среди индейских племен неоднократно распространялась оспа. Например, в 1763 году белые колонисты вероломно передавали им в знак дружбы зараженные одеяла, что привело к гибели миллионов индейцев, не имевших иммунитета к такому опасному заболеванию, как оспа. Позднее в 1754–1767 годах командующий британскими войсками в Северной Америке сэр Джеффри Арчер применил эти же способы против коренных жителей. В ходе Первой мировой войны немцы неоднократно применяли биологическое оружие для заражения домашнего скота, особенно лошадей, мулов, поставляемых в армию.

В XX веке развернулись исследования по разработке высокоэффективного химического и биологического оружия для военных целей. Однако в отличие от химического оружия в прошлом столетии биологическое оружие использовалось крайне редко. Документально подтверждено лишь применение Японией возбудителей чумы и других бактериальных агентов против Китая в ходе Второй мировой войны.

Отряд 731 создан в 1932 году, имел в составе три тысячи человек и дислоцировался на оккупированной территории Китая в районе поселка Пинфан провинции Биньцзян, в двадцати километрах южнее Харбина (ныне – район Пинфан города Харбина). Командовал отрядом генерал-лейтенант Сиро Исии (с 1932 по июнь 1942 год), с июля 1942 по февраль 1944 год командовал Китано Масадзо. Согласно данным национального архива Японии, раскрытым в апреле 2018 года, в экспериментах над людьми также участвовали Ясудзи Канонко и Есио Синодзука, а также Рейти Найто, впоследствии учредитель фармацевтической корпорации «Зеленый Крест».

По показаниям на суде в Хабаровске командующего Квантунской армией генерала Оцуздо Ямады, «Отряд 731» был организован в целях подготовки бактериологической войны, главным образом против Советского Союза, а также против Монгольской Народной Республики, Китая и других государств. Судебным

следствием было также доказано, что в «Отряд 731» на живых людях, которых японцы между собой называли «бревнами», на подопытных (китайцах, русских, монголах, корейцах, схваченных жандармерией или спецслужбами Квантунской армии), проводились и другие, не менее жестокие и мучительные опыты, не имевшие непосредственного отношения к подготовке бактериологической войны.

Структура отряда: 1-й отдел: группа Касахары – исследования вирусов; группа Танаки – исследования насекомых; группа Есимур (награжден Орденом Восходящего солнца в 1978 году за новаторскую деятельность в науке) – исследование обморожения (в том числе маленьких детей), опыты с ядовитыми газами (в сотрудничестве с «отрядом 516 Химического управления Квантунской армии»); группа Такахаси – исследования чумы; группа Эдзимы (позже группа Акисады) – исследование дизентерии; группа Ооты – исследования сибирской язвы; группа Минато – исследования холеры; группа Окамото – исследования патогенеза; группа Исикавы – исследования патогенеза; группа Утими – исследования сыворотки крови; группа Танабэ – исследования тифа; группа Футаки – исследования туберкулеза; группа Кусами – фармакологические исследования; группа Ногути – исследования риккетсии; группа Ариты – рентгеновская съемка;

2-й отдел: группа Ягисавы – исследование растений; группа Якэнари – производство бомб с бактериологическим оружием. 4-й отдел: группа Карасавы – производство бактерий; группа Асахины – исследование сыпного тифа и производство вакцины.

По воспоминаниям сотрудников «Отряда 731», всего за время его существования в стенах лабораторий погибло около трех тысяч человек. По другим данным, число погибших достигает 10 000 человек.

По единогласному признанию бывших служащих отряда, национальный состав заключенных был следующим: почти 70 процентов – китайцы, 30 процентов – русские (которым причислялись все выходцы из России и СССР), немного корейцев и монголов.

Возраст в большинстве – от 20 до 30 лет, максимум 40 лет.

Отряд 100. Основная база находилась в 10 км южнее Синьцзяня, штат отряда насчитывал до 700 сотрудников. В распоряжении отряда была авиация. В ходе испытания бактериологического оружия бактериологическому нападению отряда 100 было подвергнуто 11 городов Китая: 4 в провинции Чжэцзян, по 2 в провинции Шанси, Хэйбэй и Хэнань, по одному в провинциях Шанси, Хунань, Шаньдунь.

США в последние два десятилетия начали уделять внимание биологическим исследованиям по всему земному шару, особенно республикам бывшего Советского Союза и странам Юго-Восточной Азии.

Центральные референс-лаборатории, создаваемые США, дополненные сетью менее крупных зональных станции, с 2010 года действуют на Украине, с 2011 года в Грузии, а с 2016 года в Казахстане. Канадой предпринимались попытки создания Центральных референс-лабораторий в Киргизии. В программы сотрудничества Соединенными Штатами в военно-биологической сфере были вовлечены Армения, Азербайджан, Узбекистан.

Так, на Украине в рамках соглашения между Министерством здравоохранения Украины и Министерством обороны США от 29.08.2005, № 840–138 открыты лаборатории по изучению особо опасных инфекций, в том числе по одной лаборатории открыто в Киеве, Одессе, Херсоне, Тернополе, Ужгороде, Виннице, Харькове и Луганске, по две лаборатории – в Днепропетровске, три лаборатории действуют во Львове. Таким образом, 8 из 13 лабораторий открыты в украинских городах-миллионниках (Киев, Львов, Одесса, Днепропетровск и Харьков) с общим населением около 10 млн человек. Интегрирующим подрядчиком строительства всех лабораторий выступила американская компания «Blak&Veatch Special Projects Corp».

В Грузии в пос. Алексеевка в пригороде Тбилиси функционирует лаборатория «Центр исследования общественного здоровья им. Ричарда Лугара» (после неоднократных протестов России была передана Национальному центру по контролю заболеваний Грузии). Также в республике модернизированы региональные санэпидстанции. Кроме того, в Грузии действует ряд биологических объектов, подконтрольных Пентагону: Тбилисский

национальный центр по контролю инфекционных заболеваний; Центр поддержки уменьшения угроз в Кутаиси; хранилище высокоопасных биосубстанций на военной базе в окрестностях Тбилиси; Растительная лаборатория в Кобулету; Институт микробиологии, вирусологии и бактериофагов в Тбилиси. Создан банк возбудителей остропротекающих и опасных заболеваний.

В Казахстане завершается строительство американской компанией АЕСОМ (подрядчик Агентство по сокращению военной угрозы / DTRA/ Министерство обороны США) на базе «Казахского научного центра карантинных и зоонозных инфекций им. М. Айкимбаева» в Алма-Аты. На ее возведение США выделили 5,6 млн долларов. В 2001 году правительством Казахстана создана межведомственная комиссия по проведению исследовательских работ и предотвращению распространения испытанных биологических средств на острове Возрождения в Аральском море. Реализации проекта приняло участие DTRA.

В 2013 году в Азербайджане в г. Баку построена Центральная референс-лаборатория с 3-м уровнем биологической безопасности, специализирующаяся на исследовании патогенных микроорганизмов в образцах человеческого и животного происхождения. Строительство спонсировалось DTRA.

В Армении летом 2016 года открылась Центральная референс-лаборатория в Ереване. Аналогичные лаборатории открыты в Лори, Гехаркуникской и Сюникской областях, в Гюмри. Весной 2016 года в Иджеване при поддержке США закончена реконструкция лаборатории Национального центра по контролю и профилактике болезней Минздрава Армении.

В Молдавии в 2008 году при поддержке USAID открыта Центральная референс-лаборатория в Кишиневе в рамках проекта «Предупреждение ВИЧ/СПИДа и гепатитов В, С».

В Таджикистане западными компаниями, аффилированными с оборонной промышленностью США, создана сеть бактериологических лабораторий в Согдийской и Хатлонской областях, в г. Душанбе и республиканской туберкулезной больнице «Шифо» в Вахдате, в данные лаборатории разрешен вход только специалистам и ПРООН.

В Узбекистане Национальная референс-лаборатория открыта в 2007 году при финансовой в поддержке USAID. В 2011 году DTRA оплатило строительство двух диагностических лабораторий второго уровня биологической безопасности в Андижане и Фергане. Всего на территории Узбекистана функционируют 10 биологических лабораторий DTRA.

США декларируют исключительно гражданское назначение деятельности этих объектов – обеспечение биологической безопасности постсоветских республик. Однако они могут быть использованы (а, возможно, уже используются) во враждебных России целях. Следующие факты диктуют такие предположения.

1. Все объекты возводятся на средства Министерства обороны США, а не Министерства здравоохранения. По своей стоимости это сейчас самые дорогие объекты, финансируемые правительством США в регионе (расход на построение Центральной референс-лаборатории на Украине – свыше 175 млн дол., Грузии – 150 млн, в Казахстане – 130 млн дол.), что говорит о приоритетности программы для Вашингтона. Именно американское военное командование ставит перед Центральными референс-лабораториями научные цели и является получателем систематизированной информации. При этом не только сторонним наблюдателям, но и непосредственным исполнителям научных работ на местах может быть не ясно, имеют ли проводимые биологические исследования конечный мирный или наступательный характер. В силу специфики отрасли это понятно только заказчику, т.е. Пентагону.

2. Практика использования американцами подобных объектов показывает, что они выведены из-под национального контроля, функционируют в закрытом режиме. Лаборатории укомплектовываются иностранным персоналом, в том числе обладающим дипломатическим иммунитетом, а представители местного гражданского здравоохранения прямого доступа к этим объектам не имеют. Число сотрудников лабораторий от 50 до 250 человек, намного превышает количество персонала, необходимого для обслуживания автоматизированных гражданских лабораторий с заявленными целями.

Объекты, финансируемые США на постсоветском пространстве, являются частью глобальной системы лабораторий, которую Вашингтон расширяет по всему миру. У многих стран, в которых появились такие комплексы, возникают типичные проблемы. Так, в 2010 году Индонезия настояла на закрытии медицинского научного подразделения ВМС США NAMRU-2, деятельность которого она никак не контролировала, хотя располагалось оно в комплексе зданий Минздрава страны. Джакартой были зафиксированы проведение засекреченных экспериментов и несанкционированный мониторинг национальных исследований. Также причинами решения стали требования американской стороны предоставить дипломатический статус для сотрудников лаборатории и отказ передать на безвозной основе результаты исследований отобранных на индонезийской территории образцов вируса «птичьего гриппа» H5N1. Министр здравоохранения Индонезии Сити Фадила Супари тогда выразила опасения, что результаты работы NAMRU-2 с образцами местных патогенов в будущем будут использованы США при создании биологического оружия или для коммерческого продвижения в развивающиеся страны вакцин западных фармацевтических компаний.

3. Руководителями объектов часто назначаются лица из числа лояльных Вашингтону военных или сотрудников спецслужб. Так, Центральную референс-лабораторию в Тбилиси ранее возглавляла шеф грузинской разведки Анна Жвания. Возможным главой алматинской Центральной референс-лаборатории называют Канатжана Алибекова – советского военного микробиолога-«перебежчика», который продолжительное время работал в США в сфере биологического оружия и биотерроризма.

4. Центральные референс-лаборатории располагаются в городах или в непосредственной близости от крупных городов-миллионников (Одесса, Харьков, Алма-Ата). С точки зрения обеспечения безопасности их местоположение является чрезвычайно уязвимым, особенно в случае с казахстанской лабораторией, расположенной в регионе с повышенным риском экстремистской угрозы, однако с позиции близости транспортно-логистических узлов местопо-

ложение Центральной референс-лаборатории выгодно для американцев.

5. Вызывает вопросы и тот факт, что, хотя обычно вспышки опасных инфекций фиксируются в Африке и Южной Азии, американские военные проявляют повышенный интерес к странам с относительно благополучной эпидемиологической обстановкой, зато расположенным вблизи границ основных геополитических конкурентов США.

Целями и задачами на, наш взгляд, на данном направлении является то, что система создаваемых лабораторных комплексов по периметру границ России потенциально позволит Пентагону решать ряд задач.

1. Собирать информацию (о территориальных микроорганизмах, эндемичных патогенах, средствах борьбы с ними, каналах распространения заболеваний и т.д.), которая потенциально будет иметь ценность для создания нового поколения наступательного биологического оружия – оружия избирательного действия, эффективного против России, Ирана и КНР.

2. Проводить диверсионные операции, направленные на нанесение ущерба экономике (уничтожение поголовья скота, дискредитацию продукции государства на мировых рынках) и человеческому потенциалу России – речь идет о снижении иммунитета и способности к воспроизводству. Одной из первых таких диверсий могла быть вспышка африканской чумы свиней на юге и в центре России в 2012–2013 годах. Атипичная устойчивость к условиям северных широт могла быть привита вирусом в американской Центральной референс-лабораторией в Грузии, откуда он распространился и где велись работы с соответствующим штаммом. Подобные операции широко практиковались США и ранее, например, против Кубы.

3. Проводить испытания своих биологических разработок в районах, приближенных к территории потенциальных противников (например, отслеживать вирулентность, пути распространения и другие свойства возбудителей опасных болезней).

4. Усилить зависимость России, КНР и Ирана от продукции западной фармацевтической индустрии, рассчитывая в будущем предлагать лекарственные препараты от заболеваний, искусственно синтезированных или модифицированных с помощью сети Центральных референс-лабораторий. Тем более что генная инженерия в США достигла впечатляющих результатов.

5. Обходить ограничения, налагаемые Женевской конвенцией от 1972 года о запрещении бактериологического и токсинного оружия, отказывая иностранным инспекторам в доступе к объектам за пределами национальной территории (американцы последовательно уклоняются от создания верификационного механизма в рамках КБТО, в том числе от подписания, выработанного в 2001 году по инициативе Москвы соответствующего протокола к Конвенции). Не опасаться протестов американской общественности и последствий нарушения собственного законодательства в данной сфере.

6. Получить доступ к результатам советской военно-биологической программы. Так, свои коллекции возбудителей опасных болезней (в том числе боевые штаммы микроорганизмов, созданные в СССР) в обмен на американскую помощь в США передали Украина, Грузия, Азербайджан и Казахстан. Указанные коллекции – уникальный продукт деятельности советских ученых, создавшийся в течение нескольких десятилетий. Это, помимо прочего, позволяет составить представление о текущем военно-биологическом потенциале России, предусмотрев соответствующие средства защиты от него.

Министерство обороны США, ЦРУ провели исследовательские учения на полигоне в Неваде под кодовым названием «Clear Vision» (Ясное Видение), в ходе которого из имеющегося в свободной продаже оборудования и материалов был построен объект по производству бактериологического оружия и сконструирован боеприпас, который мог быть доставлен к цели бактериологическим поражающим действием.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ ГРУППИРОВКИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЯДЕРНЫХ СИЛ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

ENSURING OF THE STRATEGIC NUCLEAR FORCES GROUPING SUSTAINABILITY IN THE CONDITIONS OF INFORMATION WARFARE

Показаны роль Ракетных войск стратегического назначения в современных условиях и особенности в обеспечении живучести их группировок. Раскрыты формы и способы радиоэлектронного прикрытия маневренных действий подвижных грунтовых ракетных комплексов, направления научных исследований ученых научного отделения по проблемам обеспечения живучести и РЭБ группировок войск РВСН, с учетом классических принципов ведения вооруженной борьбы,

The role of strategic rocket forces in modern conditions and features in ensuring the survivability of their groups are shown. The forms and methods of electronic protection for the maneuvering actions of mobile ground-based missile systems are disclosed. The research directions of the Strategic Missile Forces groupings department scientists on problems of survivability and electronic warfare of strategic rocket forces grouping are revealed, while taking into account the classical principles of warfare.

Ключевые слова: Ракетные войска стратегического назначения, подвижные грунтовые ракетные комплексы, средства радиотехнической разведки, многосферная операция, радиоэлектронный удар, оптико-электронное прикрытие боевых стартовых позиций, радиоэлектронное прикрытие маневренных действий подвижных грунтовых ракетных комплексов.

Keywords: strategic rocket forces, mobile ground-based missile systems, electronic intelligence means/ communications surveillance means, multidomain operation, electronic shock, optical-electronic protection for multiple operational launch complex, electronic protection for mobile ground-based missile systems movement operation.

Итоги научной деятельности и достижения ОПК, а также успехи, достигнутые в ходе строительства Вооруженных Сил, позволяют сделать вывод о развитии стратегических ядерных сил, являющихся основой военного (боевого) потенциала и основным фактором поддержания стабильности и ядерного сдерживания.

Ракетные войска стратегического назначения играют определяющую роль в решении этой важнейшей задачи в современных условиях.

Именно поэтому Президент Российской Федерации сегодня уделяет Ракетным войскам стратегического назначения особое внимание. Это, прежде всего, оснащению их новыми ракетными комплексами «Сармат», «Авангард» и повышению живучести в условиях выхода США из Договоров по ПРО и РСМД.

В статье будет акцентировано внимание на необходимости обеспечения живучести Ракетных войск в условиях радиоэлектронной борьбы.

Вопросы обеспечения живучести играют определяющую роль в поддержании группировки РВСН в готовности к выполнению боевых задач.

Особенность обеспечения живучести группировки РВСН в целом заключается в том, что живучесть группировки ПГРК обеспечивается за счет скрытности и мобильности, а группировки огневых средств (ОС) – за счет высокой защищенности боевых ракетных комплексов и командных пунктов.

Научные исследования показали, что действия противника, непосредственно влияющие на живучесть соединений РВСН, начинаются задолго до начала воздействия по ним обычным оружием.

На этом этапе странами НАТО планируется и непрерывно ведется космическая разведка каждого из позиционных районов ракетных дивизий.

В ходе такой разведки решается задача по обнаружению и распознаванию ПГРК.

При этом ведение космической разведки, основанной на локализации районов расположения ПГРК средствами радиотехнической разведки (РТР), приводит к существенному сокращению времени обнаружения ПГРК.

Все это создает возможности для планирования и нанесения по РВСН быстрого глобального удара, особенно в рамках многосферной операции.

С началом воздействия по РВСН обычным оружием, живучесть соединений ГТГРК и ОС определяется выходом носителей ВТО на ранее вскрытые противником и назначенные цели.

С получением приказа на проведение пуска Ракетные войска стратегического назначения выполняют боевые задачи в ответно-встречном ударе.

На этом этапе один из факторов, влияющих на живучесть средств Ракетных войск стратегического назначения, является глобальная система противоракетной обороны. Таким образом, развивая системы комплексной космической разведки, управления и доставки высокоточного оружия и противоракетной обороны, противник стремится к созданию условий, сводящих на нет ответно-встречный удар стратегических наступательных сил России.

Такие последствия воздействий противника по РВСН являются совершенно неприемлемыми для Российской Федерации. Верховный Главнокомандующий прямо и открыто оповестил мировое сообщество о том, что нам известны попытки сломать паритет с помощью противоракетной обороны и ударных систем и об опасных последствиях в виде возникновения у США их союзников иллюзии безнаказанного удара.

В связи с этим министром обороны сформулированы и поставлены задачи по развитию военной науки с учетом комплексирования ВТО, разведки и РЭБ, способных обеспечить гарантированное решение Стратегическими ядерными силами поставленных задач. В этой связи мы понимаем, что необходимо развивать формы и способы РЭБ в Ракетных войсках стратегического назначения, обеспечивающие гарантированное решение поставленных ракетным дивизиям (ракетным полкам) задач на всех этапах подготовки и действий.

За последнее время, в рамках работы нашей военно-научной школы, учеными Военной академии РВСН были обоснованы ряд форм и способов РЭБ, о которых необходимо обратить внимание.

Первая форма – это радиоэлектронное прикрытие маневренных действий ПГРК как со-

вокупность способов противодействия непрерывной комплексной космической разведке.

В их числе – способ постановки космическими аппаратами радиотехнической разведки прицельных помех на частотах радиоэлектронного прикрытия ПГРК средствами радиоэлектронного прикрытия ОС, а также способы имитации, основанные на применении как штатных средств имитации, так радиоимитации в действующих радиосетях радиоэлектронного прикрытия ПГРК.

В целом радиоэлектронное прикрытие маневренных действий ПГРК позволяет обеспечивать скрытность в наиболее опасных условиях, когда противник компенсирует космическую радиотехническую разведку с видовой.

Вторая форма – оптико-электронное прикрытие БСП радиоэлектронным прикрытием ОС как совокупность способов противодействия системам управления ВТО.

В основе способов лежит как применение штатных средств дымопуска и маскировки, так и автоматизированных систем, обеспечивающих постановку аэрозольных завес.

Различные способы применения средств маскировки обеспечивают имитацию элементов БСП.

В целом способы оптико-электронного прикрытия БСП радиоэлектронным прикрытием ОС позволяют увеличить ошибку обнаружения и наведения ВТО на защитное устройство пункта управления до нескольких метров.

Радиоэлектронный удар по системе глобальной противоракетной обороны – рассматривается как форма РЭБ на заключительном этапе выполнения Ракетными войсками стратегического назначения боевых задач.

Его основу составляют взаимоувязанная по эшелонам, времени и высотам вся совокупность как активных, так и пассивных способов преодоления противоракетной обороны.

Основу активных способов составляют перспективные средства РЭБ как на головных частях межконтинентальных баллистических ракет, так и специальных ракетах РЭБ.

Комплексное применение способов преодоления системы противоракетной обороны и новых типов боевых блоков позволяет снизить точность целеуказаний для ракет перехватчи-

ков или существенно снизить эффективность системы противоракетной обороны.

Представленные разработки ученых в рамках 7-го отделения АВН нашли широкую и признанную на самомвысоком уровне реализацию.

К их числу можно отнести:

Центр моделирования РЭБ Военной академии РВСН, включающий стенды, позволяющие методами моделирования обосновывать способы обеспечения скрытности и противодействия ВТО.

Центр был представлен министру обороны Российской Федерации.

Центр игровых форм обучения Военной академии РВСН, предназначенный для проведения с обучающимися занятий в том числе КШВИ в составе группы боевого управления ракетной дивизии СО и ПГРК.

Центр, оснащенный самыми современными средствами, был представлен Президенту Российской Федерации.

Результаты исследований воплощены в военно-научном труде, который представлен на соискание Государственной премии имени Маршала Г.К. Жукова.

В заключение необходимо отметить, что проблемы обеспечения живучести и РЭБ, с учетом классических принципов ведения вооруженной борьбы, должны занимать в нашей работе особое место в современных условиях.

Нельзя забывать, как отмечает Президент АВН, генерал армии Махмут Ахметович Гареев, что сегодня все большим числом ученых ставится вопрос о пересмотре в современных условиях сущности войны и некоторых фундаментальных основ науки о войне, что крайне недопустимо.

РАЗВИТИЕ ОПЕРАТИВНОГО ИСКУССТВА И ТАКТИКИ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

THE DEVELOPMENT OF OPERATIONAL ART AND TACTICS OF MILITARY-AIR FORCES IN MODERN CONDITIONS

Приоритетные задачи обеспечения военной безопасности государства. Раскрыты факторы, выступающие в качестве драйверов опережающего развития военной науки в сфере оперативного искусства. Раскрыты тенденции, влияющие на развитие оперативного искусства и тактики ВВС. Предложены направления развития теоретических положений оперативного искусства и тактики ВВС.

Priority tasks of the state's military security ensuring. The factors serving as drivers of advanced development of military science in the field of operational art are revealed. Trends affecting the operational art and tactics of the Air Force development are identified. The directions of the development of the theoretical positions of the Air Force operational art and tactics are proposed.

Ключевые слова: воздушно-космическая оборона, группировки войск, оперативное искусство и тактика ВВС, огневое поражение противника, оперативные и тактические формы и способы применения авиации.

Keywords: aerospace defense, forces groupings, the Air Force operational art and tactics, enemy fire engagement, operational and tactical forms and methods of air operation.

Сложная и противоречивая современная геополитическая обстановка в мире определяет основные угрозы национальной безопасности Российской Федерации. Агрессивная политика ряда геополитических оппонентов России и их отход от соблюдения международных договоренностей создают опасность развязывания военных конфликтов в стратегически важных районах мира и вблизи границ Российской Федерации.

Необходимость реализации военным руководством США и стран блока НАТО своих агрессивных внешнеполитических замыслов интенсифицировало развитие имеющихся и разработку новых концепций применения войск в военных конфликтах. В целях обеспечения полного доминирования в военной области проходят проверку в контексте мероприятий боевой подготовки и военных конфликтах положения концептуальных взглядов на ведение военных действий в различных регионах мира, где присутствуют, по их мнению, их национальные интересы.

Между тем в Военной доктрине для обеспечения военной безопасности Российской Федерации ее Вооруженным Силам определены ряд приоритетных задач по:

- стратегическому сдерживанию, в том числе предотвращению военных конфликтов;
- защите суверенитета, целостности и неприкосновенности территории Российской

Федерации, в том числе в воздушно-космическом пространстве;

- обеспечению воздушно-космической обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовности к отражению ударов средств воздушно-космического нападения;

- участию в операциях по поддержанию мира и безопасности др.

Вместе с тем решение данных приоритетных задач должно быть обеспечено и подготовлено в первую очередь опережающим развитием военной науки, предвосхищающей основные тенденции динамичного изменения характера вооруженной борьбы в информационную и воздушно-космическую сферы. В данной связи актуальным является развитие и уточнение основных положений как оперативного искусства в целом, так и оперативного искусства и тактики ВВС в частности.

В таком случае необходимо отметить ряд ключевых факторов, выступающих в качестве драйверов опережающего развития военной науки в сфере оперативного искусства.

К основным из них необходимо отнести:

- изменение взглядов потенциального противника на способы подготовки и ведения операций (например, переход к концепции мгновенного глобального удара);
- состав, размещение и состояние группировок войск вооруженных сил потенциальных противников (нарушение стратегического ба-

ланса в обычных вооружениях между НАТО и Российской Федерацией);

- опыт войн и вооруженных конфликтов, мероприятий оперативной и боевой подготовки;
- качественное развитие вооружения и военной техники, обуславливающее коренные изменения в характере и содержании вооруженной борьбы;
- всесторонняя информатизация военного дела, позволяющая автоматизировать процессы сбора и обработки данных о противнике своих войсках, в реальном масштабе времени реагировать на изменения обстановки, определять и доводить задачи войскам (силам), с высокой точностью наводить авиационные средства поражения и контролировать эффективность авиационных и огневых ударов;
- противоборство в информационной сфере, которое становится важнейшей составляющей вооруженной и других видов борьбы между государствами (коалициями государств);
- уровень военно-научной и профессиональной подготовки военных кадров, решающих задачи развития теории и практики оперативного искусства и тактики Военно-воздушных сил.

Все эти факторы способствуют изменениям в способах ведения военных действий, выражающихся в следующих тенденциях в развитии оперативного искусства и тактики Военно-воздушных сил в современных условиях:

- применения межвидовых группировок войск (сил) смещается в воздушно-космическую сферу;
- изменение приоритетов в поражении объектов противника;
- увеличение вклада высокоточного оружия в огневом поражении противника;
- автоматизация процесса управления войсками и оружием, интеграция разведывательно-информационных и информационно-управляющих систем, появление новых элементов в работе командующих, командиров и штабов;
- повышение требований к профессиональным компетенциям командных кадров различных звеньев управления.

Развитие способов применения межвидовых группировок войск (сил). Место боевых действий создаваемых для проведения операций межвидовых группировок смещается в сторо-

ну воздушно-космической сферы, поскольку достижение целей войны будет напрямую зависеть от результата совместных военных действий сил и средств, применяемых в воздушной и космической сферах или через них.

Есть все основания полагать, что будущие военные конфликты будут носить воздушно-космический характер. Уже сейчас наблюдается интеграция пилотируемой, беспилотной авиации и высокоточного оружия большой дальности. Примерами могут служить такие военные операции США и стран НАТО, как «Лиса пустыни» (1998 г.) и «Свобода Ираку» (2003 г.) в зоне Персидского залива, «Союзническая сила» (1999 г.) на Балканах против Югославии, «Одиссея. Рассвет» (2011 г.) против Ливии. Еще на этапе подготовки операций проводилось усиление авиационной группировки в районе предполагаемых театров военных действий, а затем проведением воздушно-наступательных операций посредством нанесения нескольких массированных ракетно-авиационных ударов достигались стратегические и политические цели войны. При этом значительную долю разведывательно-информационного и навигационного обеспечения выполняли космические средства.

Вторая тенденция проявляется в изменении приоритетов в поражении объектов противника, смещении акцентов воздействия с поражения войск (сил) в целом на отдельные жизненно важные объекты военной инфраструктуры, системы управления государством и войсками, огневые и информационные элементы систем ПВО, разведки и радиоэлектронной борьбы, в том числе критически важные по времени.

Примером таких изменений могут служить операции коллективных сил под руководством США в Югославии и Ираке. По данным американских экспертов, за 2 дня воздушной операции «Лиса пустыни» бомбардировке было подвергнуто 97 объектов (включая 32 объекта системы ПВО, 20 командных пунктов, 18 объектов сил безопасности, 11 объектов, связанных с разработкой и производством оружия массового поражения, 6 аэродромов, 1 экономический объект и только 9 объектов Республиканской гвардии).

Третьей тенденцией является увеличение долевого вклада высокоточного оружия в ог-

невом поражении противника. С появлением современных высокоточных средств поражения, прежде всего крылатых ракет воздушного и морского базирования большой дальности, получил развитие и практическое применение в локальных войнах и вооруженных конфликтах последних лет бесконтактный способ нанесения огневого поражения войскам и объектам противника при отсутствии непосредственного соприкосновения группировок войск сторон.

Так, например, с целью поражения особо важных объектов незаконных вооруженных формирований в Сирийской Арабской Республике были осуществлены массированные удары с применением крылатых ракет морского базирования с кораблей в акваториях Каспийского и Средиземного морей и воздушного базирования дальними стратегическими ракетноносцами Ту-160 и Ту-95, что наглядно подтвердило высокую эффективность этих средств поражения.

В ноябре 2015 г. в результате удара российских ВКС 34 крылатыми ракетами воздушного базирования было уничтожено 14 объектов Исламского Государства (запрещено в РФ). В последующем подобные задачи выполнялась неоднократно. В ходе боевого применения в Сирии была доказана способность ракет Х-101 с больших дальностей поражать стационарные объекты, при этом среднее квадратичное отклонение составило менее 10 метров.

Четвертой тенденцией, влияющей на развитие оперативного искусства и тактики ВВС, является автоматизация процесса управления войсками и оружием, интеграция разведывательно-информационных и информационно-управляющих систем, появление новых алгоритмов и приемов в работе командующих, командиров и штабов.

Разработка и замена технической основы системы управления концептуально новыми комплексами средств автоматизации с элементами интеллектуальной системы поддержки принятия решения повышает оперативность управления, а применение авиационных разведывательно-ударных комплексов в рамках реализации боевого цикла «обнаружение – целеуказание – поражение» существенно снижает время реакции сил и средств по вновь выявленным целям.

В качестве примера может служить высокая оперативность и маневренность, показанная в ходе апробации вооружения и военной техники с использованием комплекса разведки, управления и связи «Стрелец». Время от обнаружения цели до воздействия по ней с применением авиации составляло менее 40 минут при ее действиях из положения дежурства на аэродромах. В настоящее время смешанный авиационный полк в САР применяется для поражения вновь и внезапно выявленных целей именно из положения дежурства на земле или в воздухе.

Совокупное развитие способов применения и техническое совершенствование вооружения и военной техники инициирует следующую тенденцию – повышение требований к профессиональным компетенциям командных кадров различных звеньев управления, что, в свою очередь, актуализирует необходимость постоянного совершенствования системы подготовки высококвалифицированных офицерских кадров. Аксиоматично, что от компетентности, творческого подхода и умения выполнять управленческие задачи, сообразуясь со сложившейся оперативной и тактической обстановкой, зависит качество выполнения оперативных и боевых задач авиации и достижение целей операций в целом.

Так, важнейшим направлением формирования профессиональных компетенций у командных кадров различных звеньев управления явилась их практическая отработка сначала в рамках учений в контексте интенсификации мероприятий боевой и оперативной подготовки, а затем и в реальных боевых действиях при выполнении боевых задач офицерами в составе постоянно ретирующегося боевого расчета группировки войск в Сирийской Арабской Республике.

Вышеназванные тенденции позволяют скорректировать процесс развития теоретических положений оперативного искусства и тактики ВВС по следующим направлениям:

- исследование закономерностей, содержания и характера боевых действий объединений Военно-воздушных сил при участии их в стратегических действиях, общевойсковых, совместных и миротворческих операциях с учетом опыта войн и изменений, происходящих в политической, военной и военно-технической областях;

- исследование оперативных и тактических форм и способов применения авиации, оснащенной высокотехнологичными средствами поражения в составе межвидовых группировок;

- обоснование рационального состава группировок авиации на стратегических направлениях;

- уточнение направлений повышения эффективности всестороннего обеспечения действий авиации на оперативном и тактическом уровнях;

- разработка новых тактических приемов выполнения основных боевых задач авиационными формированиями;

- развитие теории и практики применения высокотехнологичных образцов беспилотного, высокоточного вооружения в составе тактических групп и формирований новых формаций (разведывательно-огневых комплексов, аэромобильных высокоманевренных тактических групп, ГТН носителей ВТО БД и т.п.).

Это достаточно общие выводы, каждое положение которых может быть существенно детализировано. Так, в качестве одного из основных факторов в статье определено качественное развитие вооружения и военной техники. Несомненно важный фактор.

При этом какие-то элементы оперативно-искусства и тактики ВВС под его влиянием остаются неизменными. Например.

В период Первой мировой войны – 2 ручные гранаты, сброшенные с «Формана» и приведшие к гибели нескольких солдат противника – по сути, авиационный удар.

В период Второй мировой войны – полк пикирующих бомбардировщиков с полной боевой зарядкой наносит удар по железнодорож-

ной станции и уничтожает ее. Форма не меняется – это авиационный удар.

И сегодня авиационная эскадрилья стратегических бомбардировщиков с полной боевой зарядкой УР Х-101 наносит удар по некоторой совокупности критически важных объектов – это все тот же авиационный удар.

От «Формана» до Ту-160, от ручной гранаты до УР Х-101 – гигантская технологическая пропасть, при этом форма действий не меняется, изменяются только результаты, которые достигаются в ходе его нанесения.

С другой стороны, повышение возможностей авиации по поражению объектов противника вносит существенные изменения в нашу классическую схему иерархической последовательности выработки решений на уровнях авиационных объединений, соединений, воинских частей и подразделений.

На заре авиации для поражения основных объектов требовалось назначение большого числа летательных аппаратов, это обуславливало необходимость принятия решения на уровнях подразделения (воинской части). В современных условиях, когда авиационный удар одного или пары авиационных крейсеров может обеспечить достижение оперативных, а при определенных условиях и стратегических целей, решение о их применении будет приниматься на соответствующих уровнях. Это в значительной степени девальвирует управленческий уровень авиационных подразделений и воинских частей. Данная позиция во многом подтверждается практикой, порядком организации действий САП в Сирийской Арабской Республике.

Такого рода детализация может быть осуществлена по каждому из обозначенных направлений.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ВОЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LEGISLATIVE AND REGULATORY FRAMEWORK OF MILITARY-CHURCH RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Раскрыта сущность военно-конфессиональных отношений в Российской Федерации. Приведены положения правил и норм, предусмотренных международными договорами по вопросам военно-конфессиональных отношений. Обосновано, что военно-конфессиональные отношения являются составной частью государственно-конфессиональных отношений. Раскрыты этапы возрождения института военного духовенства.

The essence of military confessional relations in the Russian Federation is revealed. The provisions of the rules and regulations stipulated by international treaties on military-confessional relations are given. Military-confessional relations are an integral part of state-confessional relations. The stages of the institute of military clergy revival are revealed.

Ключевые слова: военно-конфессиональные отношения, свобода исповедовать религию, военные священники, военное духовенство, институт военного духовенства.

Keywords: military-confessional relations, freedom to practice religion, military priests, military clergy, Institute of Military Clergy.

Современное российское законодательство, регулирующее сферу религиозных отношений, в том числе и в военной области, начало формироваться с 90-х годов двадцатого столетия. Предшествующий ему период законодательного творчества с некоторой долей условности можно разделить на четыре этапа: уставы великих князей Киевской Руси, правовые акты Российской монархии, нормативные документы Временного правительства, законодательство Советской власти.

Законодательство Российской Федерации в области военно-конфессиональных отношений закрепляет приоритет международных договоров (носящих сугубо светский характер), в которых Россия принимает участие. Под военно-конфессиональными отношениями в данном контексте понимается совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм социально-политических связей между руководством военных организаций и институциональными образованиями конфессий или отдельных религиозных организаций, действующих на территории страны, осуществляемых в интересах обеспечения военной безопасности государства, реализации прав на свободу вероисповедания военнослужащих и религи-

озных объединений, а также для достижения совместно поставленных целей. Отношение Российской Федерации к соблюдению правил и норм, предусмотренных международными договорами, определяется статьей 15 «Конституции Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) и Федеральным законом РФ «О международных договорах Российской Федерации» (№ 101-ФЗ от 15 июля 1995 г.).

Прежде всего, это «Устав Организации Объединенных Наций» (подписан 26 июня 1945 г., вступил в силу 24 октября 1945 г.). Область государственно-конфессиональных отношений определяет пункт 3 статьи 1: «Организация Объединенных Наций преследует цели:

...3. Осуществлять международное сотрудничество... в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии...».

В свое время Советский Союз присоединился к «Всеобщей декларации прав человека» (принята и провозглашена резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.). В разрезе правового обеспечения военно-конфессиональных отношений инте-

рес представляют статья 18, гласящая: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков», и пункт 2 статьи 29: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только тем ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Вступив в Совет Европы, Россия ратифицировала в марте 1998 г. «Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод» (подписана 4 ноября 1950 г. представителями государств — первоначальными членами Совета Европы, является основополагающим документом Совета Европы). Пункты 1 и 2 статьи 9 Конвенции синонимичны статьям 19 и 29 соответственно Всеобщей декларации прав человека.

«Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» (принят и открыт для подписания, ратификации и присоединения резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г., вступил в силу с 3 января 1976 г., СССР подписал 18 марта 1968 г., ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР 18 сентября 1973 г. Вступил в силу для СССР 3 января 1976 г.). Новым в данном документе является уточнение границ свободы мысли, совести и религии. Пункт 3 статьи 18 гласит: «Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц». Статья 20 направлена на пресечение какой-либо дискриминации, в том числе и по религиозному признаку: «Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом».

В лице Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Л.И. Брежнева Советский Союз подписал 1 августа 1975 г. заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В Акте странами-участниками подтвержались упомянутые выше принципы.

Резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. провозглашена «Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений». В Декларации делается упор на неприемлемости какой-либо дискриминации людей на основе религии или убеждений, а также подчеркивается необходимость обеспечения реализации декларируемых прав на практике. Статья 1 гласит:

«1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь религию или убеждения любого рода по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и выражать убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов в учении.

2. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь религию или убеждения по своему выбору.

3. Свобода исповедовать религию или выражать убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным Законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц».

Статья 7 определяет: «Права и свободы, провозглашенные в настоящей Декларации, предоставляются национальным законодательством таким образом, чтобы каждый человек мог пользоваться такими правами и свободами на практике».

Следует также отметить «Итоговый документ Венской встречи 1989 г. представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе», состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после Совещания (15 января 1989 г.). В нем уточняются обязательства государств-участников в сфере обеспечения свободы личности испове-

довать религию или веру. В частности, пункт 5 статьи 16 предписывает «вступать в консультации с религиозными культурами, учреждениями и организациями с целью достижения лучшего понимания потребностей религиозных свобод». Статья 17 посвящена практической реализации права свободы вероисповедания и совести: «Государства-участники признают, что осуществление вышеупомянутых прав, относящихся к свободе религии или убеждений, может подлежать лишь таким ограничениям, которые установлены законами, совместимы с их обязательствами по международному праву и их международными обязательствами. Они будут обеспечивать в своих законах и административных правилах и при их применении полное и эффективное осуществление свободы мысли, совести, религии или убеждений».

На постсоветском пространстве неотъемлемое право человека на свободу вероисповедания, совести и убеждений было закреплено «Конвенцией Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека» (подписана 26 мая 1995 г. представителями Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Грузия, Киргизской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан). В частности, статья 10 гласит:

«1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и вероисповедания. Это право включает свободу выбирать свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию и убеждения как индивидуально, так и совместно с другими, отправлять религиозный культ, следовать и выполнять религиозные и ритуальные обряды и действовать в соответствии с ними.

2. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, предусмотренным законом и необходимым в демократическом обществе в интересах государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или для защиты прав и свобод других лиц».

Современное российское законодательство в области государственно-конфессиональных отношений представлено, прежде всего, Конституцией Российской Федерации, а именно статьями 2, 13, 14, 15, 17, 28, 29 и 59.

В преамбуле основного закона говорится о том, что «многонациональный народ Российской Федерации» принимает Конституцию, «чтя память предков» и «возрождая суверенную государственность России». Тем самым заявляется о преемственности Российской Федерации по отношению к Российской Империи, в которой особую роль играла Русская Православная Церковь.

Статья 13 Конституции, согласно которой «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие», подразумевает что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», то есть атеизм, составлявший мировоззренческую основу государственной идеологии, а также любая другая идеология не может навязываться гражданам законным образом.

Институциональные отношения государства и религиозных объединений определяются статьей 14:

«1. Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом».

Заявленный в данной статье принцип светскости государства в современных отечественных реалиях подразумевает реализацию кооперационной модели взаимодействия власти и религиозных объединений в ее договорной форме. То есть государство при заключении соглашений с религиозными объединениями и привлечении к реализации совместных социальных проектов учитывает их реальный общественный вес и вклад в духовное богатство российского народа.

Статья 19 провозглашает равенство прав «человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка...» и в том числе от «отношения к религии». Этой же статьей «запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности». Подобные положения присутствовали и во всех советских конституциях, но только в наши дни стало возможным преодолеть их сугубо декларативный характер.

Индивидуальные права граждан на свободу совести и свободу вероисповедания закреплены статьей 28:

«Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»;

и пунктом 2 статьи 29:

«2. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства».

Запрет на пропаганду религиозного превосходства не препятствует свидетельству об абсолютной истине вероучения своей религии и публичному выражению и распространению своих убеждений. Этой статьей лишь ставится преграда пропаганде личного превосходства носителей одного вероисповедания перед носителями другого исповедания, а также требованиям особого правового статуса граждан в зависимости от вероисповедания [22].

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации «О международных договорах Российской Федерации» (преамбула) указанные договоры «наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются в соответствии с Конституцией Российской Федерации составной частью ее правовой системы. <... >

Российская Федерация выступает за неукоснительное соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права принципу добросовестного выполнения международных обязательств».

Впервые в отечественном законодательстве в 1995 г. «Гражданский кодекс Российской Федерации» выделил среди субъектов гражданских правоотношений некоммерческие организации (п. 3.10 ст. 50 ГК РФ), к которым были отнесены и религиозные организации. Таким образом было покончено с былой дискриминацией и ущемлением прав религиозных организаций. Они были уравнены во всех отношениях

со всеми другими общественными объединениями, создаваемыми гражданами для реализации своих конституционных прав» [24].

Непосредственно регулирует правоотношения в области прав человека на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (№ 125-ФЗ от 26 сентября 1997 г.).

В преамбуле закона признается особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры. Отдается дань и другим христианским конфессиям, а также исламу, буддизму, иудаизму.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., воинская служба в рядах Вооруженных Сил более не определяется как почетная обязанность граждан [25]. Более того, согласно пункту 3 статьи 59: «Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой».

В соответствии со статьей 2 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» (№ 113-ФЗ от 25 июля 2002 г.):

«Гражданин имеет право на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой в случаях, если:

несение военной службы противоречит его убеждениям или вероисповеданию;

он относится к коренному малочисленному народу, ведет традиционный образ жизни, осуществляет традиционное хозяйствование и занимается традиционными промыслами».

Федеральный конституционный закон «О военном положении» (№ 1-ФКЗ от 30 января 2002 г.) определяет меры, применяемые на территории, на которой введено военное положение, в том числе в пункте 2.5 статьи 7 «приостановление деятельности ... религиозных объединений, ведущих пропаганду и (или) агитацию, а равно иную деятельность, подрывающую в условиях военного положения оборону и безопасность Российской Федерации».

Военно-конфессиональные отношения являются составной частью государственно-конфессиональных отношений. В современной России отношения между Вооруженными Силами Российской Федерации и религиозными объединениями определяются соответствующими нормами Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Федеральных законов и принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

Прежде всего, это Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» также регулирует правовое положение религиозных объединений и правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Несмотря на то, что содержание Закона в целом соответствует Конституции России, иным российским законам и общепризнанным принципам и нормам по вопросам защиты прав и свобод человека, а также взаимоотношений государства и религиозных организаций, в Вооруженных Силах некоторые его положения противоречат международной правовой практике.

Содержащийся в законе запрет на создание религиозных объединений в воинских частях входит в противоречие со статьей 28 Конституции, гарантирующей свободу совести в свете «Всеобщей декларации прав человека» запрещающей ставить граждан в такие условия, при которых они окажутся ограниченным в праве на участие в религиозных обрядах, предписываемых вероучением, к которому они принадлежат. Данный казус возникает, потому что часть военнослужащих находится в воинских частях не на добровольной основе, а по призыву, к тому же особый характер несения службы может затруднять военнослужащего в возможности участвовать в богослужении вне своей части [22].

Следует отметить, что пункт 3 ст. 6 Закона «О свободе совести...» и пункт 5 ст. 8 Закона «О статусе военнослужащих» налагают запрет на создание религиозных объединений в воинских частях, но не наличие культовых зданий на

территории воинской части. Согласно пункту 2 статьи 39.5. Земельного кодекса Российской Федерации (№ 136-ФЗ от 25 октября 2001 г.): «Предоставление земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, гражданину или юридическому лицу в собственность бесплатно на основании решения уполномоченного органа осуществляется в случае предоставления:

<...>

2) земельного участка религиозной организации, имеющей в собственности здания или сооружения религиозного или благотворительного назначения, расположенные на таком земельном участке».

Пункт 2 ст. 3 Закона «О свободе совести...» гласит, что «право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя ... обеспечения обороны страны и безопасности государства».

В пункте 4 ст. 4 указано, что военнослужащие не вправе использовать свое служебное положение для формирования того или иного отношения к религии. Вместе с тем закон не может запретить должностному лицу публичное проявление своих религиозных убеждений, отказывая ему в праве на свободу совести. В таких ситуациях правильный выбор линии поведения во многом зависит от опыта, культуры и мудрости командира.

Согласно пункту 4 ст. 16 командование воинских частей с учетом требований воинских уставов не препятствует участию военнослужащих в богослужениях, других религиозных обрядах и образованиях.

Праву военнослужащих на свободу вероисповедания посвящена также ст. 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Упомянутыми законами не предусмотрено ограничение прав военнослужащих на получение, приобретение предметов культа и религиозной литературы и пользование ими, равно как и право совершать религиозные обряды и участвовать в них. В то же время командование воинских частей не несет прямых обязанностей по обеспечению реализации права военнослужащих на свободу вероисповедания.

Однако оно может содействовать в предоставлении отдельных помещений для совершения таинств и священнодействий, в приглашении священнослужителей и создании условий для их свободного общения с гражданами.

Таким образом, сущность реализации права военнослужащих на свободу вероисповедания заключается в создании в воинских частях необходимых благоприятных условий для исповедания военнослужащими своей религии. Однако обязанности командования по созданию благоприятных условий возникают только с момента обращения военнослужащих к командованию с изложением намерений воспользоваться своим правом.

Применительно к военнослужащим реализация свободы вероисповедания ограничена в служебное время. К сожалению, детальная регламентация реализации данного права военнослужащими действующими уставами не предусмотрена.

Так, «Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации» (Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 22.01.2018) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации») предписывает заместителю командира полка (батальона, роты) в статьях 101, 139, 149 соответственно организовывать и проводить воспитательную работу с личным составом с учетом ... отношения к религии.

На современном этапе взаимодействие государства и религиозных организаций все более приобретает характер отношений равных субъектов права. В частности, этим обуславливается процесс заключения договоров Министерством обороны Российской Федерации с религиозными объединениями, имеющими статус юридического лица.

Наибольшее развитие он получил в отношении Русской Православной Церкви. Совместное заявление министра обороны Российской Федерации и главы Церкви от 2 марта 1994 г. положило начало становлению военно-церковных отношений. С 1997 г. они регулируются Соглашением о сотрудничестве между Министерством обороны Российской Федерации и Русской Православной Церковью.

Пример нормативного оформления взаимоотношений между армией и церковью и был

перенят и другими ведомствами исполнительной власти. Заслуживает внимания и опыт заключения двусторонних соглашений о сотрудничестве руководства военных организаций с местными органами епархиального управления.

Военно-конфессиональные отношения получили существенное развитие, когда в июле 2009 г. Президент РФ Д.А. Медведев выразил согласие с предложениями ряда религиозных объединений, и прежде всего Русской Православной Церкви, и поручил Министерству обороны возродить в России институт военного духовенства. Было заявлено, что на первом этапе священнослужители появятся в военных подразделениях за рубежом. Понятия «военные священники», «военное духовенство», «институт военного духовенства» до сих пор никак законодательно не закреплены, но прочно вошли в обиход в качестве профессионализмов.

В ходе второго этапа (с 1 января 2010 г.) были назначены священнослужители Русской Православной Церкви во всех воинских частях до бригады включительно. Уже с 1 декабря 2009 г. в Вооруженных Силах РФ была введена должность помощника командира (руководителя) воинской части (организации) по работе с верующими военнослужащими (имеется в Едином квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и служащих) и состоялись первые назначения. Теперь военные священники получают денежное содержание из государственного бюджета, а в структуре Министерства обороны сформировано Управление по работе с верующими военнослужащими (в составе Главного военно-политического управления Вооруженных Сил Российской Федерации). В военных округах и на флотах проводятся сборы военного духовенства. 24 января 2010 г. министр обороны утвердил «Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил РФ». Согласно пункту 13 данного Положения основными задачами должностных лиц по работе с верующими военнослужащими являются: организация и проведение религиозных обрядов, церемоний и удовлетворение религиозных потребностей личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации; организация и проведение духовно-просветительской работы; участие в

мероприятиях, проводимых органами военного управления по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию; участие в работе по укреплению правопорядка и воинской дисциплины, профилактике правонарушений и суицидальных происшествий.

Во исполнение Указа Президента РФ от 12.07.2012 № 969 «О предоставлении священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу» вышло Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1004 «Об утверждении Правил предоставления священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу и Правил прохождения священнослужителями специальной подготовки, необходимой для исполнения обязанностей по должности помощника командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими». В Постановлении определяется порядок предоставления священнослужителям права на получение отсрочки по ходатайству религиозных организаций и порядок прохождения священнослужителями на добровольной основе специальной подготовки в течение 2 месяцев в структурах Министерства обороны Российской Федерации.

В 2013 г. утверждено «Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации» (документ принят на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 25–26 декабря 2013 г., журнал № 141). В соответствии с указаниями статс-секретаря – заместителя министра обороны РФ от 18 августа 2011 г. разработаны «Типовые обязанности должностных лиц органов по работе с верующими военнослужащими ВС РФ».

В последние годы были предложены Методические рекомендации «Об организации работы по подбору, представлению, согласованию и оформлению трудовых отношений с кандидатами для замещения должностей помощников командиров (руководителей) воинских частей (организаций) Вооруженных Сил Российской Федерации по работе с верующими военнослужащими» от 13.05.2016 г. и Методические рекомендации по оценке эффективности деятельности помощников командиров (начальников) по работе с верующими военнослужащими и военного духовенства от 28.11.2016 г.

Вышел приказ министра обороны РФ № 655 от 12.10.2016 г. «Об организации работы с личным составом в ВС РФ». В отношении регламентации деятельности помощника командира по работе с верующими военнослужащими наибольший интерес в нем представляют 1 и 3 приложения. В частности, 23 статья первого приложения и 9 статья третьего приложения, содержащая выдержку из приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 10 мая 2016 г. № 225н «Об утверждении единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики отдельных должностей работников воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации».

Не стоит забывать, что военное духовенство осуществляет свою деятельность в соответствии с каноническими правилами Православной церкви, постановлениями Поместных и Архиерейских соборов, Священного Синода и указами Патриарха Московского и всея Руси, распоряжениями и рекомендациями председателя Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами и иными нормативными актами Русской Православной Церкви. Священники организуют работу с военнослужащими православного вероисповедания и членами их семей на добровольной основе. Взаимоотношения православного духовенства в воинском коллективе с представителями других религиозных объединений основываются на взаимном уважении и принципе взаимного невмешательства в религиозную деятельность. Согласно общепринятой современной церковной практике, «контакты и взаимодействие с региональными органами власти осуществляются епархиальными преосвященными непосредственно или через представителей, также имеющих письменно подтвержденные полномочия. Контакты и взаимодействие с местными органами власти и самоуправления осуществляются благочинными и приходами по благословению епархиальных преосвященных. Уполномоченные представители церковного священноначалия для контактов с органами власти могут назначаться как на постоянной, так и на временной, специальной основе» [22, с. 824].

На военных священников не может быть возложено выполнение задач, противоречащих статусу духовенства. Военный священник в своей богослужебной деятельности руководствуется нормами и правилами Русской Православной Церкви, если это не противоречит Конституции Российской Федерации и действующему законодательству Российской Федерации. Тайна исповеди охраняется законом. Священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему на исповеди. Отношение священнослужителя к оружию определяется внутренними установлениями Русской Православной Церкви [24, с. 36, 37].

В заключение хотелось бы отметить, что российская законодательная база в области госу-

дарственно-конфессиональных и, в частности, военно-конфессиональных отношений остается неразвитой в силу медленного преодоления установок предыдущей эпохи. Социалистическое право являлось, прежде всего, средством трансформации общества к коммунистическому идеалу, в котором не было места религии. Поэтому государственно-конфессиональные отношения рассматривались в качестве вынужденных и не имели перспективы.

Следствием этого стало то, что российская законодательная база в области государственно-конфессиональных отношений по своей полноте и завершенности уступает дореволюционной, а также своим зарубежным аналогам. Такое положение дел не может оставаться перманентным и требует приложения серьезных законотворческих усилий.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Справочная правовая система Консультант Плюс.
2. «Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений» (Принята 25.11.1981 Резолюцией 36/55 на 73-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Справочная правовая система Консультант Плюс.
3. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XXXI: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1975 года / Министерство иностранных дел СССР. – М.: Международные отношения, 1977. – 592 с. – с. 544–589.
4. Итоговый документ Венской встречи государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Вена, 15 января 1989 г.) // ЭПС «Система ГАРАНТ».
5. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Справочная правовая система Консультант Плюс.
6. «Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека» (заключена в Минске 26.05.1995) // Справочная правовая система Консультант Плюс.
7. «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Справочная правовая система Консультант Плюс.
8. «Устав Организации Объединенных Наций» (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Справочная правовая система Консультант Плюс.
9. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Справочная правовая система Консультант Плюс.
10. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 N 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2017) «О военном положении» // Справочная правовая система Консультант Плюс.
11. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Справочная правовая система Консультант Плюс.
12. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Справочная правовая система Консультант Плюс.
13. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 N 101-ФЗ // Справочная правовая система Консультант Плюс.
14. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ // Справочная правовая система Консультант Плюс.
15. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 N 76-ФЗ // Справочная правовая система Консультант Плюс.

16. Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» от 25.07.2002 N 113-ФЗ // Справочная правовая система Консультант Плюс.
17. Указ Президента РФ от 12.07.2012 N 969 «О предоставлении священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу» // Справочная правовая система Консультант Плюс.
18. Указ Президента РФ от 10.11.2007 N 1495 (ред. от 22.01.2018) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // Справочная правовая система Консультант Плюс.
19. Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 N 1004 «Об утверждении Правил предоставления священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу и Правил прохождения священнослужителями специальной подготовки, необходимой для исполнения обязанностей по должности помощника командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими» // Справочная правовая система Консультант Плюс.
20. Приказ Министра обороны РФ от 12.10.2016 N 655 «Об организации работы с личным составом в Вооруженных Силах Российской Федерации» // Справочная правовая система Консультант Плюс.
21. Приказ Минтруда России от 10.05.2016 N 225н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики отдельных должностей работников воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации». // Справочная правовая система Консультант Плюс.
22. Владислав Цыпин, прот. Каноническое право. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – 864 с.
23. Международные акты о правах человека: Сб. документов / Сост. и автор вступ. ст. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. – М.: НОРМА–ИНФРА-М, 1998. – 784 с.
24. Немыкин А.А., прот., Михайлютин В.Ю. Методика работы православного священника по пастырскому окормлению военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов. Методическое пособие. Ростов н/Д: Антей, 2015. – 104 с.
25. Статья 63 Конституции СССР, принятой ВС СССР 07.10.1977: «Воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР – почетная обязанность советских граждан».

A.S. MARKOV,
I.A. SHEREMET

A.C. MARKOV,
И.А. ШЕРЕМЕТ

БЕЗОПАСНОСТЬ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

SOFTWARE SAFETY IN THE CONTEXT OF STRATEGIC STABILITY

Целью работы является исследование возможности повышения уровня международной безопасности в киберпространстве с учетом обеспечения безопасности функционированию программных систем. Основным методом исследования является анализ статистики сертификационных лабораторий в области информационной безопасности. Предложены два пути повышения уровня безопасности программ: путем поднятия уровня зрелости международных компаний разработчиков и путем повышения эффективности международного технического регулирования безопасности программной продукции. Показано, что внедрение международной системы менеджмента разработки безопасного программного обеспечения существенно повысит уровень безопасности функционирования программ за счет снижения числа уязвимостей и повышения оперативности их исправления. Сделан вывод, что доверие к программному обеспечению возможно только путем предоставления доступа к исходному тексту.

The aim of the paper is the research of the possibility of increasing the level of international security in cyberspace, taking into account the software security. The main research method is the analysis of statistics of information security certification laboratories. Two ways for increasing of the security level of software are proposed. The raising of the level of maturity of international development companies and the increasing the effectiveness of international technical regulation are reviewed. The importance of implementing a secure software development management system is shown. The conclusion that the trust of the software is possible only by providing access to the source code is done.

Ключевые слова: геополитика, киберконфликт, международная безопасность, информационная безопасность, информационно-коммуникационные технологии, киберпространство, техническое регулирование, система менеджмента, зрелость компании, цепочки поставок, программное обеспечение.

Keywords: geopolitics, cyber conflict, international security, information security, information and communication technologies, cyberspace, technical regulation, management system, company maturity, supply chain, software.

АКТУАЛЬНОСТЬ

В связи с развитием информатизации общества наблюдается смещение сферы национальных, в том числе военных активов и коммуникаций, в область киберпространства¹ [1–4]. В настоящее время ряд государств принял концепцию киберпространства как пятого театра военных действий, соответственно, более ста стран инициировали создание подразделений кибервойск, которые задействуются в проведении киберопераций военного и национального характера [5, 6]. Соответственно, в области международной безопасности весь-

ма актуальным становится исследование проблематики прогнозирования, предупреждения и сдерживания международных конфликтов в киберпространстве [7, 8].

Следует отметить, что в общем виде развитие киберконфликта проходит несколько фаз, среди которых можно выделить:

- выявление уязвимостей и проработка возможности их реализации с целью проведения кибератак различного назначения;
- обнаружение и реагирование на инциденты, как правило, связанные с проводимыми кибератаками;
- ликвидация последствий успешных кибератак.

Последние две фазы касаются, главным образом, вопросов ситуационного и кризисного менеджмента, и именно им уделяется основное

¹ Авторы придерживаются строгих определений, принятых международными сообществами по стандартизации, в которых участвует Россия, а именно: ИСО/ИСО, МЭК/ИЕС,МСЭ/ITU (в том числе ИСО/МЭК 27032).

внимание в рамках недавно инициированных международных переговоров и инициатив по проблеме международной безопасности в области киберпространства [9–11]. В то же время начальная фаза киберконфликта, напрямую связанная с безопасностью программ, в области международного права мало изучена и отдалена на откуп области технического регулирования [12], которая в разных странах имеет сугубо национальные черты. Более того, в области международного технического регулирования накопился ряд противоречий, связанных именно с недоверием к безопасности программной продукции, в разработке или испытаниях которой приняли компании иных стран.

В работе рассмотрены международные аспекты вопросы повышения безопасности программ в рамках разрешения проблемы международной безопасности в киберпространстве.

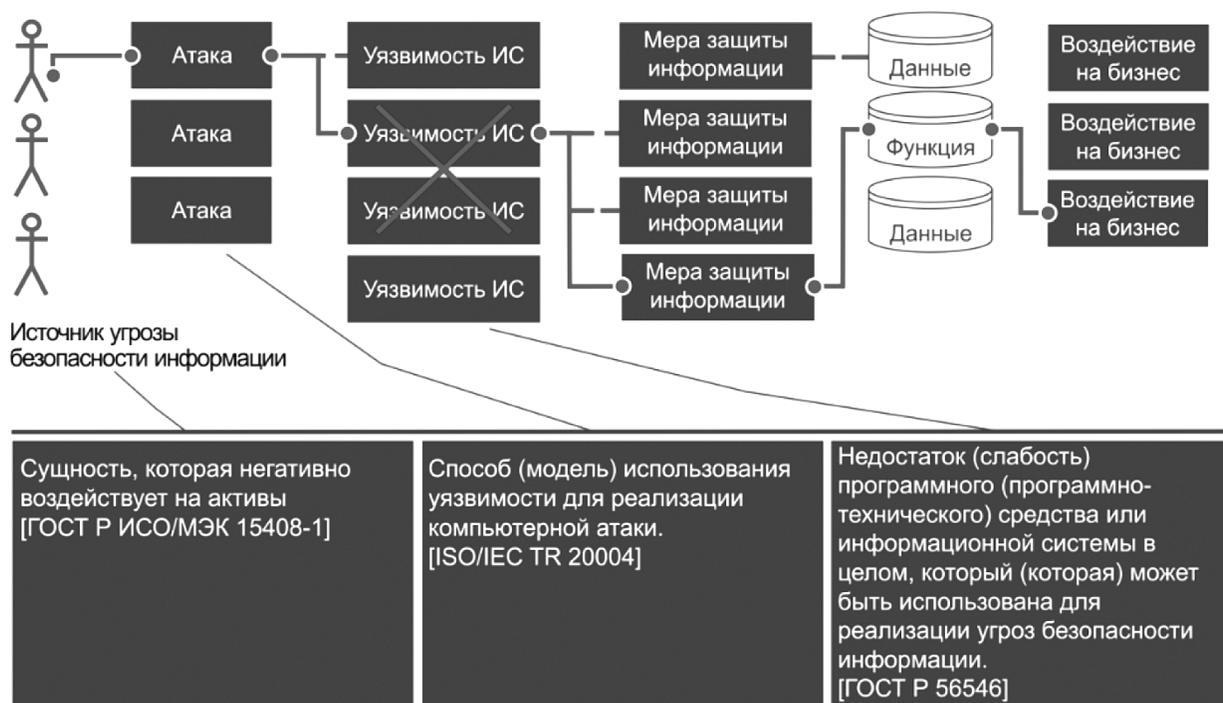
ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Когда говорят о безопасных программных системах, то, как правило, подразумевают, что такие системы разработаны с учетом мер, позволяющих снизить число уязвимостей, а в случае их обнаружения оперативно их устранить [13].

Следует указать на два фактора международной безопасности, касающихся безопасности программных систем:

1. Критическая структурная сложность программ обуславливает рост техногенного риска [14];
2. Использование информационных и коммуникационных технологий расширило спектр преднамеренных угроз, а именно в части удаленных (в том числе скрытых и недоказуемых) атак и угроз компрометации данных сверхбольшого объема [15].

Здесь следует обратить особое внимание на критическую структурную сложность программ, когда длина исходного текста на языке высокого уровня, например, операционной системы с приложениями, может достигать 5–20 Гб, соответственно, число логических операторов (узлов графа программы) может составлять порядка десятка миллионов, что находится весьма далеко за рамками когнитивных способностей человека-программиста или тестировщика. При этом в истории много примеров, когда ошибка кодирования или проектирования (то есть уязвимость, не идентифицируемая как преднамеренная) приводила к катастрофам и критическим ущербам [16].

Источник: OWASP Top Ten

Рис. 1. Концептуальная модель компьютерной атаки, реализующей уязвимость

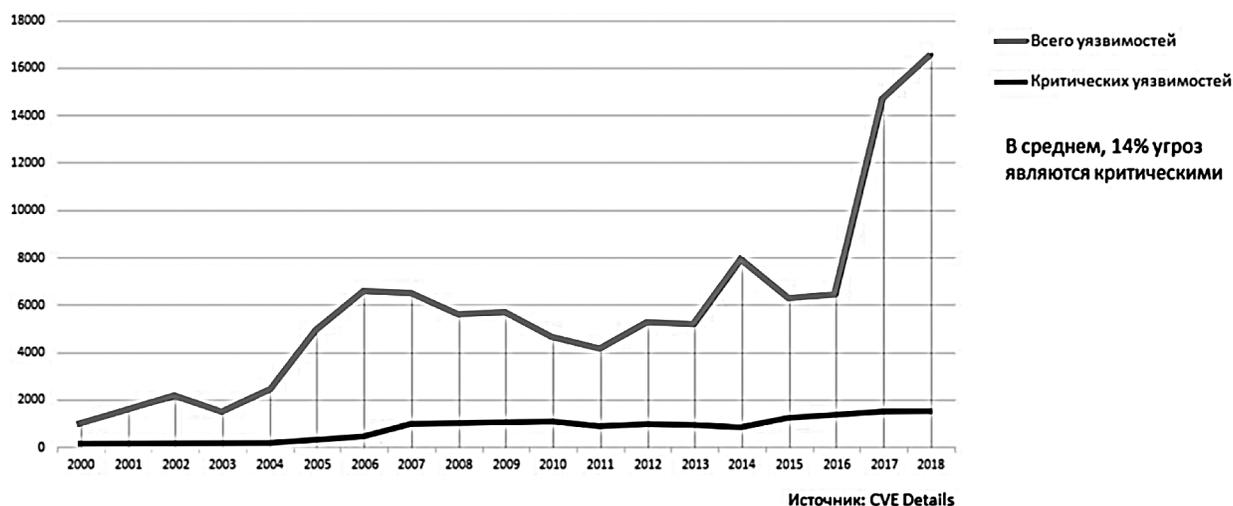

Рис. 2. Рост уязвимостей согласно международной базе CVE

Что касается второго фактора, то достаточно отметить, что подавляющее большинство современных компьютерных атак основано на использовании уязвимостей, при этом атакующему достаточно найти всего одну уязвимость в программном обеспечении для реализации соответствующей ей угрозы.

Отмечая собственно природу факторов теории информационной безопасности (дефект, уязвимость, угроза, риск), можно утверждать, что выявление и исправление уязвимостей исключает соответствующий ей инцидент (нарушение, атаку). Методы повышения безопасности систем, ориентированные на уязвимости и дефекты программ, имеют фактически априорный характер, и, соответственно, имеют ряд преимуществ относительно «реактивных» методов, ориентированных на уже произошедшее событие (инцидент) безопасности (рис. 1).

Как известно, современные формальные методы анализа и тестирования программ, за исключением экспертных методов, попадают в зону «проклятья размерности». Соответственно, несмотря на активные действия разработчиков программ, число уязвимостей не уменьшается (рис. 2 и 3). К слову, на сегодня объем открытой международной базы уязвимостей Mitre CVE превышает 100 000 уязвимостей, а объем российской базы (БДУ ФСТЭК России), ориентированной на внутренний рынок, — более 20 000 уязвимостей. Легко показать, что растет и число компьютерных атак, в том числе целенаправленных АРТ-атак (использую-

щих уязвимости нулевого дня), а также общий ущерб от них.

С учетом роста атак, использующих уязвимости, наблюдается два феномена: с одной стороны, расцветает черный рынок уязвимостей нулевого дня, с другой стороны, компании разработчики прибегают к услугам краудсорсинга, проводя открытые конкурсы (bugbounty) по выявлению уязвимостей в их продуктах.

На этом фоне мировое сообщество вместо того, чтобы консолидироваться в области повышения доверия к безопасности программ, пытается отгородиться от самой проблемы путем разного рода запретов. Это наглядно подтверждается следующим:

- в Европе наблюдается противоречие между требованиями по коллаборативной сертификации (на основе коллаборативных профилей защиты) и требованиями Евросоюза или отдельных национальных государств;

- в США введено ограничение на использование программной продукции, прошедшей сертификацию в Китае и России, в свою очередь Китай и Россия проводят ассиметричные меры;

- ряд стран придерживается выраженного импортозамещения, ведут черные списки поставщиков иностранной продукции или вводят ограничения по использованию импортной продукции и др.

Несмотря на то, что такая политика имеет место быть в определенных геополитических условиях, она мало конструктивна в плане по-

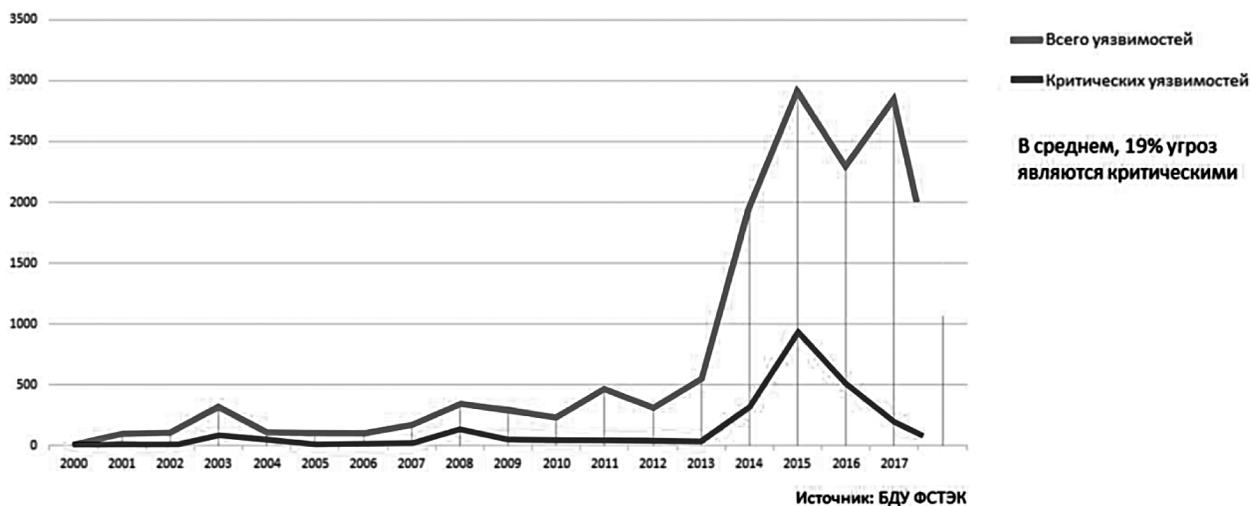

Рис. 3. Динамика уязвимостей в отечественных программных продуктах

вышения международной интеграции и безопасности, к примеру, противоречит консолидации стран по противодействию нелегитимной деятельности третьих сторон, в первую очередь криминального хакерского сообщества [17]. В итоге наблюдается и дискредитация международной системы технического и правового регулирования информационной и кибербезопасности.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОГРАММ

Проблематика безопасности ПО является весьма востребованной, об этом свидетельствуют как современные тенденции в области международной сертификации [18], так и изыскания Агентства перспективных исследований США (DARPA) [7, 19] (табл. 1).

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОГРАММНЫХ СИСТЕМ

Как отмечалось выше, одним из путей повышения уровня международной безопасности и обеспечения стратегической стабильности является повышение доверия к безопасности функционирования программных систем, в частности путем консолидации международного сообщества в направлении снижения степени уязвимости программ.

В настоящее время пути повышения доверия к безопасности программных систем видятся такими:

1. Повышение зрелости международных предприятий-разработчиков программ.
2. Повышение уровня международного технического регулирования и оценки соответствия в форме обязательной сертификации.

Таблица 1

Исследования DARPA по тематике уязвимостей программ

Научное направление	Целевое назначение
Проверка программных и аппаратно-программных средств (VET)	Контроль недеklarированных возможностей и закладок в программном обеспечении устройств (телефоны, факсы, принтеры и пр.)
Автоматический анализ программ в целях обеспечения кибербезопасности (APAC)	Создание средств автоматизации выявления НДВ и закладок в ПО для мобильных платформ (Android)
Большой кибервызов(CGC)	Академические соревнования по выявлению уязвимостей
Разработка устойчивых, адаптивных и безопасных вычислительных систем	Создание методов и инструментальных средств (среда разработки, среда верификации, среда выполнения) разработки компьютерных систем, устойчивых к атакам
Глубокий анализ и понимание групп программных комплексов	Повышение надежности ПО (часть работ посвящена созданию средств верификации, в том числе статических анализаторов)

ции программных средств с предоставлением доступа к исходным текстам (на этапе испытаний);

ПОВЫШЕНИЕ ЗРЕЛОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ-РАЗРАБОТЧИКОВ

Считается, что основной причиной уязвимостей программного обеспечения является низкая зрелость компаний-разработчиков, игнорирующих меры безопасности, связанные с проектированием, разработкой, производством, внедрением, поставкой и сопровождением программных продуктов. Так, авторами получена статистика, что уровень менеджмента (или зрелости²) компании существенно влияет на уровень безопасности разработанного, изготавливаемого или поставляемого программного обеспечения, а именно на степень отсутствия уязвимостей и возможности оперативного их исправления в случае выявления. Так, исследования испытательной лаборатории НПО «Эшелон» показали строгую обратную пропорциональность общего числа уязвимостей уровням зрелости компаний-разработчиков программ (рис. 4) [20].

К слову, по заявлению компании Microsoft, число уязвимостей в программном обеспечении снизилось более чем на 80% при введении соответствующей подсистемы менеджмента (Microsoft Secure Software Development Life Cycle) [21].

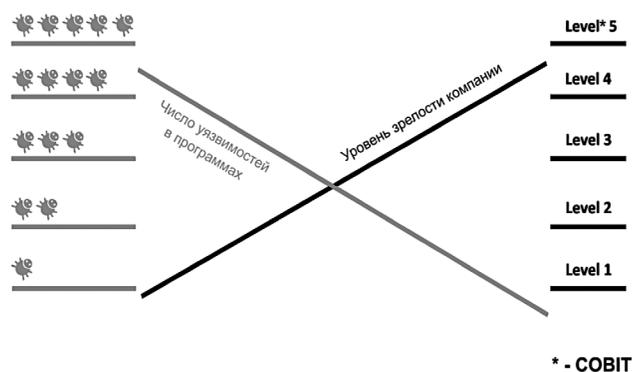

Рис. 4. Закон обратной пропорциональности «5 на 5»

² См.COBIT. URL: <https://cobitonline.isaca.org/>

Несмотря на то, что в настоящее время ряд международных и национальных организаций озабочены проблемой повышения эффективности менеджмента безопасной разработкой, исследования носят пока фрагментарный характер или ограничены внутренними «хорошими практиками» компаний-разработчиков программ. Например, в литературе хорошо проработаны угрозы цепочек поставок [22], в то же время ряд моментов, связанных с непреднамеренными угрозами, а также угрозами иных подэтапов жизненного цикла программ, зачастую описаны несколько лаконично. Данный вопрос нашел свое решение в системе технического регулирования в России в виде разработки национального стандарта – ГОСТ Р 56939–2016 «Защита информации. Разработка безопасного программного обеспечения. Общие требования», разработанного ТК-362. Идея

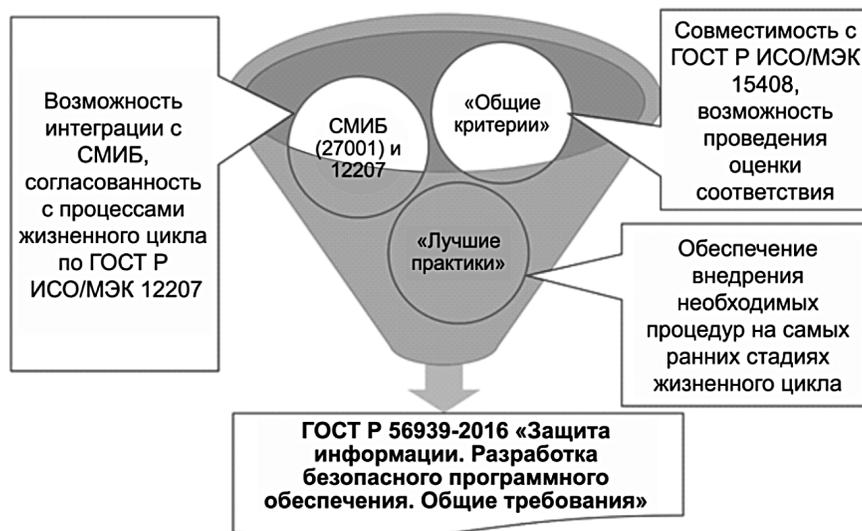

Рис. 5. Концептуальная модель формирования стандарта по разработке безопасных программ

национального стандарта и аспекты его гармонизации проиллюстрированы на рис. 5 и 6 [13].

Можно отметить, что одной из первых международных компаний, которая успешно прошла сертификацию подсистемы менеджмента информационной безопасности по ГОСТ Р 56939, стала компания «Лаборатория Касперского».

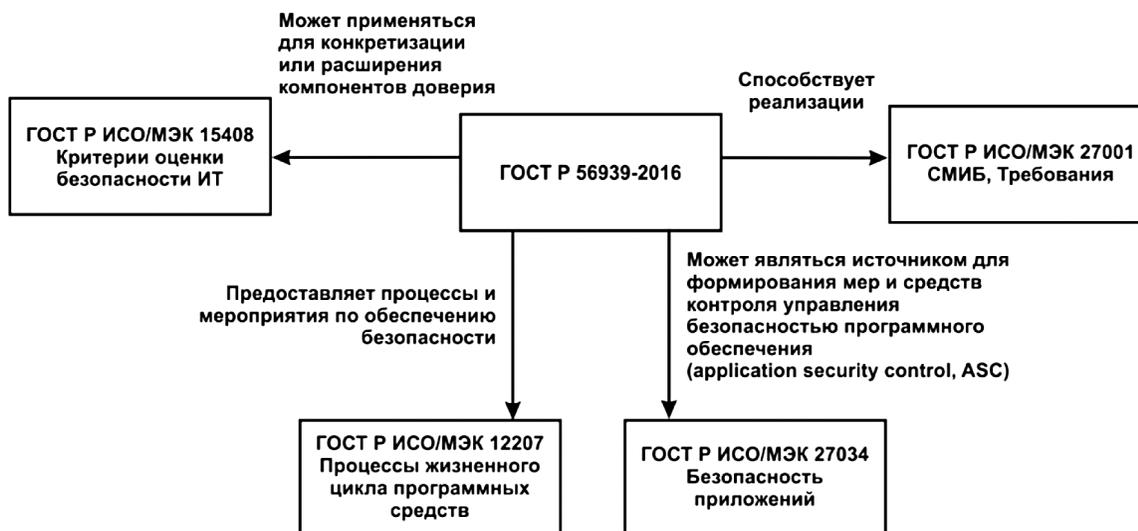

Рис. 6. Гармонизация стандарта по безопасной разработке

СЕРТИФИКАЦИЯ ПРОГРАММНЫХ СРЕДСТВ

В настоящее время в процессе сертификации программ по требованиям безопасности информации используются различные техники и способы тестирования. Это связано с тем, что ошибки и уязвимости имеют разную природу и разные характеристические признаки.

В то же время можно утверждать, что понятийный и методический аппарат тестирования программ по требованиям безопасности уже сложился и находится на соответствующем уровне итерационного развития [23]. Можно добавить, что современные подходы к выявлению уязвимостей опираются на концептуальный подход ISO / IECTR20004 (рис.7), в то же время существует множество руководств как

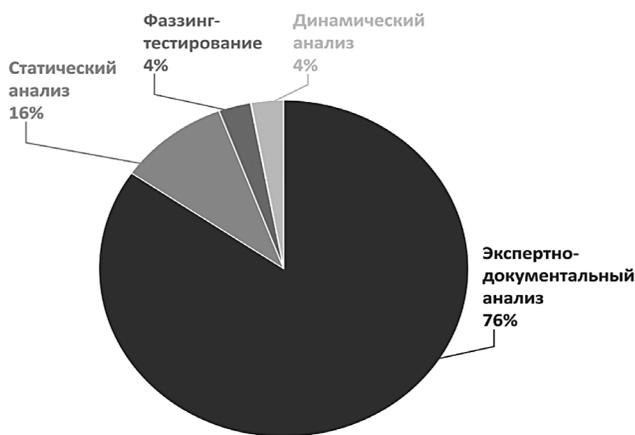

Рис. 7. Концептуальная модель выявления уязвимостей в процессе сертификационных испытаний программ

анализу кода, так и тестированию на проникновение и др.

Несмотря на использование множества различных методов и техник проверки программ, по мнению авторов, невозможно получить допустимый уровень доверия к программным ресурсам без предоставления доступа к исходным кодам. Наиболее наглядно это можно показать на примере «плавающих» ошибок и программных закладок, инициирование которых связано с редкими комбинациями входных данных, т.е. их невозможно найти методами тестирования по принципу «черного ящика», типа фаззинг-тестирования. Иначе говоря, только доступ к исходным текстам программ дает некоторую вероятность обнаружения любой уязвимости за счет экспертных знаний.

На рис. 8 приведена статистика по результативности базовых методов анализа безопасности программ [20].

Рис. 8. Результативность различных методов выявления уязвимостей

К сожалению, доступ к исходному коду в настоящее время является весьма diskutiruemым моментом. На промышленном уровне основной угрозой, которую видят компании-разработчики, является угроза кражи интеллектуальной собственности. В то же время опыт работы испытательной лаборатории показал, что давно известно решение, обеспечивающее строгое выполнение требований по безопасности кода, а именно создание автономного защищенного стенда в защищен-

ном помещении или «пустой комнаты» (clean-room). В таком помещении на территории заказчика (под контролем службы безопасности заказчика) организуется доступ к исходному коду программ именно на период испытаний. В рамках данного доступа в закрытой защищенной среде выполняется сборка программы, фиксируются ее контрольные суммы и проводятся необходимые проверки. Разумеется, без согласования со службой безопасности заказчика не допускается вынос какого-либо носителя информации, инициирование сеанса связи вовне и прочее. Все документальные подтверждения проведенных проверок и выводы обсуждаются и утверждаются заказчиком. Указанный подход характеризуется рядом преимуществ и гарантий, а именно:

- позволяет повысить безопасность программ за счет консолидации деятельности разработчиков и допущенных специалистов испытательной лаборатории;
- выявленные уязвимости будут исправлены в рамках сертификации в обязательном порядке, а информация об этом не будет известна третьей стороне;
- проверки абсолютно прозрачны, все действия (организация доступа, контроль и мониторинг работы, обсуждение результатов, подготовка отчетных документов и пр.) технически и нормативно обеспечиваются службой безопасности заказчика;
- появляется элемент доверия к программному продукту, так как всегда имеется вероятность обнаружить потенциально опасный код (или продемонстрировать его отсутствие), в чем в итоге заинтересованы обе стороны сертификации.

Указанный подход прошел апробацию во многих странах, в настоящий момент не зафиксировано ни одного компрометирующего его случая.

Следует заметить, что вопросы открытия доступа к исходным кодам для проведения испытаний понятны многим крупным компаниям-разработчикам программ. Так, компания Майкрософт открыла доступ к исходному коду своих программных продуктов в более, чем в 30 странах мира³, включая Россию. Не так

³ <https://blogs.microsoft.com/eupolicy/transparency-center/>

давно, компания «Лаборатория Касперского», расположенная в Москве, также предлагала открыть доступ к коду уполномоченным органам по сертификации США⁴.

ВЫВОДЫ

Представленное исследование позволяет сделать вывод о важной роли безопасности программного обеспечения в сфере военно-стратегической стабильности.

Наиболее перспективными видятся два направления повышения безопасности программ в области международной безопасности:

1. Изыскания в области конвергенции лучших практик в области технического регулирования с учетом предоставления доступа к исходным кодам на этапе испытаний;

2. Изыскания в области менеджмента информационной и кибербезопасности органи-

заций-разработчиков и поставщиков программных систем.

Проведенное исследование основано на 10-летнем опыте работы аккредитованной испытательной лаборатории и ее участии в более 20 международных проектах по проверке безопасности программ в Европе, Юго-Восточной Азии, Ближнем Востоке, Северной и Южной Америке [20]. Ряд работ был выполнен в рамках деятельности Технического комитета по стандартизации России ТК-362 «Защита информации», в обсуждении результатов участвовало более 100 организаций. Проблемные моменты обсуждались на круглых столах, инициированных министерствами иностранных дел ряда стран.

Результаты исследования могут быть полезны как в плане изучения проблематики глобальной стратегической стабильности в киберпространстве [7, 9–11, 24], так и в плане развития модельного законодательства союзных государств, релевантного цифровой экономике [2, 4, 25].

⁴ <https://www.reuters.com/article/us-usa-security-kaspersky-russia/kaspersky-lab-to-open-software-to-review-says-nothing-to-hide-idUSKBN1CS0Y1>

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бородакий Ю.В., Добродеев А.Ю., Бутусов И.В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века (Часть 1) // Вопросы кибербезопасности. 2013. № 1 (1). с. 2–9.
2. Кузнецов С.К., Лебедь С.В., Шеремет И.А. Противодействие угрозам кибербезопасности банковско-финансовой сферы Российской Федерации // Вестник Академии военных наук. 2017. № 2 (59). С.41–45.
3. Шеремет И.А. Противодействие информационным и кибернетическим угрозам // Вестник Академии военных наук. 2016. № 2 (55). с. 29–34.
4. Петренко С.А., Ступин Д.Д. Национальная система раннего предупреждения о компьютерном нападении. /Под общей редакцией С.Ф. Боева; вводные слова А.И. Смирнова и А.Г. Тормасова; вводная статья И.А. Каляева. – Иннополис: Издательский Дом «Афина», 2017. 440 с.
5. Гареев М.А., Турко Н.И. Война: современное толкование теории и реалии практики // Вестник Академии военных наук. 2017. № 1 (58). с. 4–10.
6. Паршин С.А., Горбачев Ю.Е., Кожанов Ю.А. Кибервойны -реальная угроза национальной безопасности? М.: КРАС АНД, 2011. -96 с.
7. Шерстюк В.П. XIV научная конференция Международного исследовательского консорциума информационной безопасности // Международная жизнь. 2017. № 14. с. 42–180.
8. Ремарчук В.Н., Бочарников И.В., Гушер А.И. и др. Эволюция форм, методов и инструментов противоборства в современных конфликтах / Под. ред. И.В. Бочарникова; предисловие Гареева М.А. –М.: Издательство «Экон-Информ», 2015, 218 с.
9. Загорский А.В., Ромашкина Н.П., Евсеев В.В., Карасев П.А. Проблемы информационной безопасности в международных военно-политических отношениях. Под ред. А.В. Загорского, Н.П. Ромашкиной. М.: ИМЭМО РАН, 2016, 183 с.
10. Крутских А.В., Стрельцов А.А. Международное право и проблема обеспечения международной информационной безопасности // Международная жизнь. 2014. № 11. с. 20–34.
11. Стрельцов А.А., Смирнов А.И. Российско-американское сотрудничество в области международной информационной безопасности: предложения по приоритетным направлениям // Международная жизнь. 2017. № 11. с. 71–81.

12. Марков А.С., Шеремет И.А. Теоретические аспекты сертификации средств защиты информации // Оборонный комплекс -научно-техническому прогрессу России. 2015. № 4 (128). с. 7–15.
13. Барабанов А.В., Марков А.С., Цирлов В.Л. 28 магических мер разработки безопасного программного обеспечения//Вопросы кибербезопасности. 2015. № 5. с. 2–10. DOI: 10.21681/2311–3456–2015–5–2–10.
14. Ахметханов Р., Артемьев В., Барабанов А. и др. Вероятностное моделирование в системной инженерии / Под ред. А.И. Костогрызова – IntechOpen, 2018. 287 с.
15. Ромашкина Н.П. Глобальные военно-политические проблемы международной информационной безопасности: тенденции, угрозы, перспективы // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 1 (29). с. 2–9.
16. Липаев В.В. Надежность и функциональная безопасность комплексов программ реального времени // Программная инженерия. 2013. № 8. с. 10–18.
17. Шеремет И.А. Угрозы техносфере России и противодействие им в современных условиях // Вестник Академии военных наук. 2014. № 1 (46). с. 27–34.
18. Барабанов А.В., Марков А.С., Цирлов В.Л. Международная сертификация в области информационной безопасности // Стандарты и качество. 2016. № 7. с. 30–33.
19. Петренко А.А., Петренко С.А. НИОКР агентства DARPA в области кибербезопасности // Вопросы кибербезопасности. 2015. № 4 (12). с. 2–22.
20. Барабанов А.В., Марков А.С., Фадин А.А., Цирлов В.Л. Статистика выявления уязвимостей программного обеспечения при проведении сертификационных испытаний // Вопросы кибербезопасности. 2017. № 2 (20). с. 2–8.
21. Головин С.А. Стандарты ИТ: на пути к шестому технологическому укладу // Стандарты и качество. 2017. № 4. с. 52–56.
22. Клянчин А.И. Каталог закладок АНБ (Spigel). Часть 1. Инфраструктура//Вопросы кибербезопасности. 2014. № 2 (3). с. 60–65.
23. Барабанов А.В., Марков А.С., Цирлов В.Л. Актуальные вопросы выявления уязвимостей и недеklarированных возможностей в программном обеспечении // Системы высокой доступности. 2018. Т. 14. № 3. с. 12–17. DOI: 10.18127/j20729472–201803–03
24. Бойко С.М. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности: регулирование и механизмы реализации // Международная жизнь. 2018. № 11. с. 23–35.
25. Юсупов Р.М., Бачило И.Л., Вус М.А., Макаров О.С. Разработки модельного законодательства для сферы информационной безопасности // Власть. 2015. № 11. с. 5–9.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АКТИВИЗАЦИИ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ПРОСТРАНСТВЕ ОДКБ

SOME ASPECTS OF ENHANCEMENT OF MILITARY AND ECONOMIC COOPERATION IN THE CSTO

В статье рассматриваются предпосылки и направления активизации военно-экономического сотрудничества на пространстве ОДКБ на основе анализа позитивного опыта Европейского союза. Помимо исследования институционально-правовых аспектов, особое внимание уделяется формированию оборонной идентичности как основе военно-экономической интеграции стран-участниц ОДКБ, проведению совместных военных действий, финансовым механизмам развития ВТС. Автор выделяет ключевые проблемы развития ОДК. В заключении приводятся рекомендации по укреплению военного потенциала ОДКБ.

The article focuses on the enhancement of military-economic cooperation in the CSTO basing on an analysis of the positive experience of the European Union. In addition to the analysis of institutional and legal aspects, special attention is paid to the formation of defense identity of the CSTO member states, the joint military actions, and the financial mechanisms for the development of the military-technical cooperation. The author highlights the key problems of the CSTO development. In conclusion, recommendations for strengthening the military capabilities of the CSTO are given.

Ключевые слова: военно-экономическое сотрудничество, ОДКБ, опыт Европейского союза, институционально-правовое регулирование, финансовые механизмы, европейская оборонная идентичность, коллективные силы быстрого реагирования, оборонные стандарты, военный потенциал.

Keywords: military-economic cooperation, the CSTO, the experience of the European Union, institutional and legal regulation, financial mechanisms, European defense identity, collective rapid reaction forces, defense standards, military potential.

Последние несколько лет санкционное давление на Россию со стороны развитых стран нарастает. Заморожены все официальные каналы взаимодействия с Европейским союзом. Если у России был с Европейским союзом до 2014 г. один из самых разветвленных механизмов двухстороннего взаимодействия (более двадцати секторальных диалогов, экспертные консультации по международным вопросам, правам человека, другим вопросам двусторонней повестки дня, каждые шесть месяцев саммиты на высшем уровне, один раз в год встречи постоянного совета партнерства на уровне высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности и министра иностранных дел России, и др.), то после введения санкций все эти форматы заморожены. При этом лучшим ответом на антироссийскую политику отдельных стран ЕС становится развитие военно-экономического сотрудничества на пространстве ОДКБ, для которого несомненную практическую ценность имеет позитивный опыт Европейского союза. В статье проводится анализ институциональных и организацион-

но-экономических аспектов интеграции военно-промышленного комплекса и выделяются механизмы и инструменты, имеющие перспективы применения для развития военно-экономической интеграции на пространстве ОДКБ.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Определяющее значение в процессах военно-экономической интеграции ЕС имеет сформированная система наднациональных институтов и принятых нормативно-правовых актов в области безопасности и обороны, ключевым элементом системы военного управления которой является: Европейское оборонное агентство (European Defence Agency) – главный наднациональный орган в сфере обороны и безопасности ЕС, действует с 2004 г., осуществляет общее развитие обороноспособности ЕС. Кроме того, отдельно выделяется Комитет по политике и безопасности (The Political and Security Committee, PSC) – структурное подразделение Совета ЕС, состоит из послов стран – членов ЕС; занимается реализацией ОВПБ и ЕПБО,

управляет кризисными операциями Европейского союза. Наконец, Военный комитет (The European Union Military Committee, EUMC) – структурное подразделение Совета ЕС, в ведении которого находится оперативное ведение военных операций, включает начальников генеральных штабов стран – членов ЕС [2].

Кроме того, в ближайшем будущем Европейский союз намерен создать Европейскую службу разведки и безопасности. В ее распоряжении будут наблюдательные дроны и спутники слежения, а также авиация. Структура может быть создана по аналогии с Управлением национальной безопасности США. Ее главные функции – поставлять разведанные для полиции, бороться с терроризмом и киберпреступностью, охранять внешние границы и морские пространства. Среди активных сторонников данного предложения – Франция, Германия, Италия, Испания, Польша, противником традиционно выступает Великобритания [3].

К ключевым документам, которые регулируют стратегические направления развития Европейского оборонного агентства, можно отнести следующие:

План реализации глобальной стратегии ЕС в сфере безопасности и обороны, 2016 (EU Global Strategy Implementation Plan on Security and Defence, 17 November 2016). Документ направлен на реализацию новой Глобальной стратегии ЕС. Для этого предлагаются следующие меры: новые политические цели и амбициозные задачи для европейцев, чтобы взять на себя большую ответственность за собственную безопасность и оборону; новые финансовые инструменты для укрепления обороноспособности стран-членов ЕС;

План действий в сфере европейской обороны, 2016 г. (European Defence Action Plan, 30 November Plan), предусматривает учреждение Европейского оборонного фонда (European Defence Fund), целью которого декларируется поддержка инвестиций в совместные исследования и совместную разработку оборонной техники и технологий. Предполагается, что в этом Фонде будет два «окна»: «окно исследований» предназначено для финансирования совместных исследований в области инновационных оборонных технологий, таких как радиоэлек-

троника, метаматериалы, программное обеспечение с криптографической защитой и робототехника. Комиссия ЕС выделила 25 млн евро на оборонные исследования из бюджета ЕС на 2017 г., при этом к 2020 г. финансирование достигнет 90 млн евро. После 2020 г. Комиссия ЕС намерена предложить целевую программу оборонных исследований с предполагаемым ежегодным бюджетом 500 млн евро. «Окно возможностей» будет выполнять функции финансового механизма, позволяющего участвующим странам – членам ЕС совместно закупать отдельные средства для снижения затрат;

Совместная декларация ЕС – НАТО, 2016 г. Документ направлен на дальнейшее укрепление отношений между ЕС и НАТО посредством совместной работы в соответствии с ценностями этих организаций;

Уведомление о постоянном структурированном сотрудничестве (Notification on permanent structured cooperation (PESCO), 2017 г.) – программа совместных инвестиций в военное оборудование, исследования и разработки Европейского союза [4]. Уведомление подписано 13 ноября 2017 г. Проект не поддержали Великобритания, Дания и Мальта;

Решение о постоянном структурированном сотрудничестве (Decision on permanent structured cooperation (PESCO), 2017 г.). Принято Советом ЕС 8 декабря 2017 г. как официальное решение о начале реализации программы PESCO. Документ включает: перечень участвующих государств; перечень амбициозных и более обязательных общих намерений участвующих стран, в том числе «регулярное увеличение бюджетов на оборону в реальном выражении для достижения совместных целей»; всеобъемлющее руководство PESCO, обеспечивающее согласованность и реализацию амбиций PESCO, дополненное конкретными процедурами управления на проектном уровне; административные меры, включая секретарские должности для PESCO, на проектном уровне и для организации финансирования;

Декларация о постоянном структурированном сотрудничестве (Declaration on permanent structured cooperation (PESCO), 2017 г.) [4]. Содержит перечень конкретных проектов, которые согласились развивать государства – члены PESCO.

Потенциал ЕС как отдельного военного актора на мировой арене после создания Европейского оборонного агентства в 2004 г., вступления в силу Лиссабонского договора в 2007 г. и запуска процедуры выхода Великобритании из ЕС в 2016 г. заметно возрос. Принцип «гибкой интеграции» стал главным в деятельности Европейского оборонного агентства, реализуемые этой структурой проекты которого можно разделить на два типа: по принципу «opt-in» (несколько стран реализуют инициативу совместно) и «opt-out» (государства в любой момент могут принять решение о выходе из проекта). Вместе с тем применение данного принципа имеет важный побочный эффект. Это усиливает проблему разнонаправленности интересов государств-членов и приводит к ослаблению общего потенциала ВПК Европейского союза.

Анализ институционально-правовых аспектов интеграции военно-промышленного комплекса Европейского союза позволяет выделить следующие направления совершенствования институционально-правовых механизмов, применимых для развития военно-экономической интеграции на пространстве ОДКБ: создание единой нормативно-правовой базы для установления единых принципов сотрудничества по всем направлениям ВТС; учреждение единой базы предприятий государств-членов по разработке, производству, модернизации, ремонту и утилизации ВВТ; формирование единой наднациональной институционально-правовой системы в области научного сотрудничества; создание единого механизма оказания военно-технической помощи в рамках ОДКБ; гармонизация действия государств-членов в области сотрудничества правоохранительных и судебных органов.

ОБОРОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВА ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Как и во всех наднациональных общеевропейских проектах, при формировании европейской идентичности проявляются противоречия при попытках совместить национальную и наднациональную идентичность граждан ЕС. В качестве главных объединяющих составляющих европейской идентичности можно выделить следующие типы факторов: вну-

триполитические (демократия и защита прав человека); внешнеполитические (отсутствие вооруженных конфликтов между европейскими странами); экономические (рыночная экономика и свобода предпринимательства); социальные (принципы социальной солидарности и сплоченности) [5]. В свою очередь, европейская оборонная идентичность становится своеобразной надстройкой над европейской идентичностью и основана на формировании наднациональных институтов в сфере обороны и безопасности (прежде всего, Европейского оборонного агентства) и в общей военной инфраструктуре.

Необходимость обретения новой объединяющей идентичности стоит перед наиболее успешными интеграционными объединениями на территории СНГ, прежде всего, ЕАЭС и ОДКБ. После распада СССР на постсоветском пространстве наблюдается идентификационный кризис, который стал следствием разрушения системообразующих основ советской идентичности. Осознание принадлежности к группам, реализующим разные социокультурные ценности, стало основным источником политических противоречий и привело к так называемым «конфликтам идентичности». Так, согласно некоторым исследованиям, большая часть всех насильственных конфликтов в середине 1990-х годов на постсоветском пространстве имела именно такую основу [6]. В этой связи критическое значение для ЕАЭС и ОДКБ приобретает необходимость формирования консолидирующего фундамента, который по опыту Европейского союза должен объединить все разнообразные социокультурные общности в рамках этих новых интеграционных инициатив. Это станет стимулом для развития экономических взаимосвязей между ЕАЭС и ОДКБ, укрепления военно-экономической интеграции и формирования оборонной идентичности этих объединений. Правовая основа оборонной идентичности на постсоветском пространстве уже заложена в принятой в ноябре 2014 г. Концепции оборонного сотрудничества СНГ до 2020 г.

ПРОВЕДЕНИЕ СОВМЕСТНЫХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РАМКАХ ОДКБ

Идея создания европейских сил быстрого реагирования (ЕСБР) впервые была озвучена

на саммите ЕС в Хельсинки в декабре 1999 г. Планировалось к 2003 г. сформировать корпус численностью до 50–60 тыс. чел., который был бы способен к мобилизации в срок до шестидесяти дней.

К 2017 г. ЕСБР в полной мере так и не были полностью укомплектованы согласно первоначально запланированным показателям и целям. Свои собственные боевые группы смогли сформировать Великобритания, Германия, Франция, Италия и Испания. В контексте миграционного кризиса 2015–2016 гг. Комиссия ЕС предлагает создать пограничный корпус численностью до 1,2 тыс. человек, который будет способен к развертыванию в течение двух-трех дней. Планируется, что европейские пограничные силы быстрого реагирования будут задействованы для предотвращения непредвиденной ситуации, если государства – участника Шенгенской зоны не смогут обеспечить контроль своих внешних границ в ситуации с неконтролируемым притоком мигрантов.

Кроме того, в июне 2018 г. была подписана Декларация о создании Европейских сил быстрого военного реагирования «первого звена». Согласно принятому документу, девять стран-участниц этого проекта (Франция, Великобритания, Германия и Дания, Эстония, Нидерланды, Бельгия, Испания и Португалия) могут использовать боевые группы для изменения ситуации «во имя глобального мира и безопасности» без получения согласия остальных государств-членов Европейского союза [7]. Новая военная инициатива дополнит и поддержит уже существующий оборонный пакт PESCO.

Формирование Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) в рамках ОДКБ во многом опирается на аналогичный опыт Европейского союза. Решение о создании КСОР было принято участниками ОДКБ в феврале 2009 г. В соответствии с документом они должны использоваться для «отражения военной агрессии, проведения специальных операций по борьбе с международным терроризмом, транснациональной организованной преступностью, наркотрафиком, а также в целях ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций».

По принципу комплектования КСОР опираются на опыт Европейского союза и комплектуются из военнослужащих этих государств.

Подобно Европейскому союзу, ОДКБ отказалась от идеи постоянной собственной армии.

Решение о создании КСОР одобрили пока только пять из семи государств-членов: Россия, Армения, Киргизия, Казахстан и Таджикистан. Это можно соотнести с практикуемой ЕС моделью «продвинутого сотрудничества».

К проблемам в реализации создания коллективных сил следует отнести: низкий уровень информационного обеспечения, значительное количество морально и физически устаревшего вооружения и военной техники, разноукомплектованность ВВТ и высокий уровень выработки технического ресурса, отсутствие требуемого уровня автоматизации управления [8]. Во многом эти проблемы характерны и для ЕСБР, однако, если в случае ЕС доминирующая роль в технологическом переоснащении армии принадлежит НАТО и США, для КСОР эта миссия во многом лежит на России как главном гравитационном центре интеграционных усилий в рамках ОДКБ.

Кроме того, для КСОР остался нерешенным ряд правовых вопросов, в том числе порядок принятия решений, порядок формирования этих сил, а также различные вопросы юрисдикции. В Европейском союзе все эти механизмы уже налажены и успешно функционируют. Таким образом, опыт Европейского союза может оказать значительную помощь при разработке соответствующих нормативных актов для ОДКБ [9].

ГАРМОНИЗАЦИЯ ОБОРОННЫХ СТАНДАРТОВ

Большинство современных стандартов, используемых в оборонном комплексе ЕС, носят гражданский характер. Оборонные стандарты разрабатываются точно и преимущественно на национальном уровне, при этом координация усилий государств – членов ЕС в этом направлении практически отсутствует, что увеличивает издержки с позиции формирования общеевропейского оборонного сектора.

Система общеевропейских стандартов В и ВТ пока только формируется. Европейское оборонное агентство признает, что для ее совершенствования необходимо принять ряд мер как на наднациональном уровне, так и со стороны государств-членов. Предложенные инициативы в

этой области сводятся к проведению работы по шести наиболее важным направлениям:

- качество стандартов;
- доступность стандартов для всех заинтересованных субъектов оборонного рынка ЕС;
- эффективное взаимодействие и координация всех заинтересованных субъектов оборонного рынка ЕС в области применения единых стандартов;
- обеспечение единых стандартов при составлении Европейских оборонных контрактов;
- обеспечение единых оборонных стандартов ЕС, основанных на ЕНД (EDSTAR), в рамках информационной системы EDSIS;
- гарантия полномочий Европейских организаций по стандартизации как ключевых субъектов в области регулирования единых оборонных стандартов ЕС.

Проблема гармонизации оборонных стандартов стоит и перед участниками ОДКБ. С 2012 г. идет работа по разработке единого стандарта вооружения и военной техники в рамках ОДКБ. Их основным разработчиком является Россия. Фактически создается не только единая форма для ОДКБ (пока такая форма есть только у Коллективных сил оперативного реагирования – КСОР), но и единые образцы вооружения и военной техники по аналогии с действующими стандартами НАТО. Таким образом, странам удастся повысить общий уровень используемой техники, так как в случае принятия общих стандартов возможность закупки несертифицированной, но дешевой продукции исчезнет. Кроме того, помимо защиты от незаконных закупок вооружения союзниками введенные стандарты техники позволят защитить отечественное военное производство от западных конкурентов, которые проводят активную экспансию в странах – участниках ОДКБ.

В рамках работы по гармонизации оборонных стандартов ОДКБ практически согласован перечень предприятий, специализацию которых было признано сохранить и всячески стимулировать в интересах военно-экономического сотрудничества 6 государств. В этот список вошли около 500 организаций: военных заводов, фабрик, конструкторских бюро, и большинство из них располагается на территории России. Вместе с тем одной из главных проблем остается то, что из-за нормативной базы

государства – члены ОДКБ не могут принимать участия в российской системе гособоронзаказа.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что, в отличие от НАТО, гармонизация оборонных стандартов в рамках ЕС пока находится на начальной стадии и по уровню развития вполне сопоставима с аналогичным процессом в рамках ОДКБ. Создаваемая система стандартов ВВТ Европейского союза может быть апробирована ОДКБ. Таким образом выявленные направления совершенствования работы по созданию единых стандартов ВВТ в ЕС могут найти практическое применение в рамках ОДКБ.

ФИНАНСОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ВТС

Исследование экспортных сделок России и стран ОДКБ и систематизация направлений развития ВТС со странами – участницами ОДКБ позволило выделить следующие финансовые механизмы развития ВТС: экспортное кредитование; предоставление безвозмездной помощи за определенные преференции, а также в рамках формирования единой системы ПВО-ПРО; покупка по льготным ценам; производственная кооперация.

Каждый из этих механизмов имеет свои преимущества. Так, экспортное кредитование дает возможность России влиять на страну-партнера в рамках ОДКБ, обеспечивая зону приверженности, с другой стороны, по кредиту гарантирован возврат, даже под минимальные проценты. Предоставление Россией безвозмездной помощи странам – участницам ОДКБ за определенные преференции лишают возможности получать финансовые ресурсы, с другой стороны, позволяют повысить свое влияние. Предоставление безвозмездной помощи в рамках формирования единой системы ПВО-ПРО К4 позволяет стране-поставщику обеспечивать оборону государств сферы своего влияния, но лишает возможности получить финансовые и иные ресурсы за поставленную военную продукцию. Производственная кооперация позволяет наладить тесные производственные связи со странами зоны влияния и обеспечивать их устойчивость, однако разрыв этих взаимоотношений, как в случае с Украиной, может привести к трудностям в производстве

военной продукции. Вместе с тем возможности применения некоторых финансовых инструментов ограничены, поскольку партнеры России по ОБКБ и ЕАЭС относятся к развивающимся странам с достаточно низким платежеспособным спросом и не могут покупать ПВН по рыночным ценам [10].

Несмотря на ряд критических замечаний в отношении ОДКБ (ни одна из стран – партнеров России не осудила антироссийские санкции, коллективные силы организации ни разу не принимали участия в урегулировании вооруженных конфликтов, выраженный перекос влияния в сторону России и др.), необходимо понимать и учитывать имеющиеся объективные факторы развития военно-экономической интеграции в рамках этого объединения. Страны постсоветского пространства еще находятся в стадии формирования своих идентичностей и с крайней осторожностью относятся к делегированию своего суверенитета

на наднациональный уровень. Эффективная интеграционная модель невозможна без завершения формирования столь же результативной национальной государственности [11]. По сути ОДКБ остается единственной военно-политической организацией, способной поддерживать коллективный мир и безопасность в регионе, и за относительно короткий период своего существования добилась немалых успехов. Гибкая внешнеэкономическая политика в сочетании с привлечением стран ОДКБ к российской программе импортозамещения, включая участие в технологических цепочках производства и вхождение в различные стратегические союзы и совместные проекты со странами ОДКБ, проведение совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по разработке и модернизации продукции военного назначения позволят повысить конкурентоспособность отечественного ОПК и укрепить военный потенциал ОДКБ.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Активизация военно-экономического сотрудничества на пространстве Организации договора коллективной безопасности и Евразийского экономического союза в контексте санкционной политики развитых стран и развития импортозамещения в РФ», проект № 18-010-01132/А.
2. Дегтерева Е.А. Особенности формирования оборонного сектора Европейского союза // Вестник академии военных наук. № 1 (42), 2013. с. 149–154.
3. Цилюрик Д. Евросоюз создает службу разведки и безопасности // Независимая газета. 30. 07.2013.
4. Declaration on PESCO projects by member states participating in PESCO. URL: <http://www.consilium.europa.eu/media/32020/draft-pesco-declaration-clean-10122017.pdf>.
5. Дериглазова Л.В. Деятельность Европейского союза по формированию европейской идентичности // Алтайская школа политических исследований. 2013.
6. Довженко М.В. Специфика урегулирования современных конфликтов в меняющемся мире // Мировая политика и ямеждународные отношения на пороге нового тысячелетия / Под ред. М.М. Лебедевой. М. : МОНФ, 2000. с. 126–131.
7. Девять стран ЕС подписали соглашение о создании сил быстрого реагирования. <https://regnum.ru/news/2437808.html>; ЕС может впервые задействовать силы быстрого реагирования в 2018 году. <https://www.kommersant.ru/doc/3553300>, 16.02.2018.
8. Корабельников А.А. Актуальные вопросы создания и применения воинских контингентов в составе коллективных сил оперативного реагирования организации договора о коллективной безопасности. <http://www.avnrf.ru/index.php/publikatsii-otdelenij-avn/nauchnykh-otdelenij/voennogo-iskusstva/206-aktualnye-voprosy-sozdaniya-i-primeneniya-voinskih-kontingentov-v-sostave-kollektivnykh-sil-operativnogo-reagirovaniya-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoj-bezopasnosti> .(режим доступа 04.12.2018).
9. Таранова А.П. Использование опыта Европейского союза при создании коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) // Интеграционное право: опыт Европы для постсоветского пространства: Международная научно-практическая конференция. – М. : РосНОУ, 2011. с. 207–212.
10. Дегтерева Е.А., Чернышева А.М. Финансовые механизмы обеспечения торговли продукцией военного назначения: зарубежный опыт и возможности его применения в рамках ОДКБ и ЕАЭС // Стратегическая стабильность, № 3 (84). 2018. с. 40–42.
11. Маркедонов С. Итоги саммита ОДКБ: почему не назначен новый генсек организации. <https://tj.sputniknews.ru/analytics/20181109/1027369649/ltogi-sammit-ODKB-novyy-gensek.html>, 09.11.2018.

A.S. ALEKSEEV,
V.I. POTAPOV

A.C. АЛЕКСЕЕВ,
В.И. ПОТАПОВ

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ МОРСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PROBLEMATIC ISSUES OF PROTECTION OF OBJECTS OF MARINE ECONOMIC ACTIVITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматриваются проблемные вопросы охраны объектов морской экономической деятельности России и предлагаются пути их решения.

The article discusses the problematic issues of protection of objects of the maritime economic activity of the Russian Federation and suggests ways to solve them.

Ключевые слова: Российская Федерация, охрана морских объектов, экономическая деятельность.

Keywords: Russian Federation, economic activity, objects of marine

В качестве объектов морской экономической деятельности Российской Федерации в статье рассматриваются:

- акватория Северного морского пути;
- магистральные газопроводы, идущие по дну Балтийского моря от Выборга и Усть-Луги (Российская Федерация) до Грайфсвальда (Германия) (Северный поток-1, Северный поток-2);
- магистральный газопровод, идущий по дну Черного моря с побережья Краснодарского края (Анапа) Российской Федерации до Люлебургаза (Турция) (Турецкий поток);
- нефтепровод, идущий от береговой черты Печорского моря до платформы «Приразломная»;

– инфраструктура ямальских предприятий по добыче, сжижению и поставкам природного газа;

– предприятия сжиженного газа на острове Сахалин;

– терминал по приему газа и плавучая регазификационная установка «Маршал Василевский» в Калининградской области.

Ведущие мировые державы в последнее десятилетие стремятся повысить свое влияние в Арктическом регионе, одновременно пытаются вытеснить Россию из зоны ее стратегических интересов.

Соединенные Штаты Америки полагают, что Северный морской путь должен стать от-

Рис. 1. Терминал по приему газа в Калининградской области

крытым для всего мирового сообщества. И если учесть, что американцы стремятся контролировать подобные магистрали (например, Панамский канал, Ормузский пролив, Суэцкий канал и т.д.), то велика вероятность того, что США намерены взять и Севморпуть под свой контроль. Противостояние между РФ и США, вызванное жесткой конкуренцией по продаже энергоносителей в страны Европы и Азии, по мнению авторов, неизбежно приведет к скрытому межгосударственному терроризму, целями которого станут указанные выше объекты морской экономической деятельности. Это обстоятельство диктует объективную необходимость принятия адекватных мер.

Для справки. Северный морской путь начинается в Баренцевом море, продолжается в акватории Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского и Чукотского морей. Навигация длится не более 3–4 месяцев. В ноябре моря замерзают; толщина льда достигает более 2,5 м и навигация прекращается. В отдельные годы на некоторых участках плавучие льды держатся и летом.

Большая часть акватории Севморпути постоянно находится либо в границах территориального моря, либо в границах исключительной экономической зоны или континентального шельфа РФ. И если на участки Севморпути,

находящиеся в территориальном море распространяется суверенитет РФ, то на участки, проходящие через исключительную экономическую зону и континентальный шельф, Россия имеет только ряд суверенных прав, среди которых нет права на ограничение прохода иностранных судов.

Ведущие мировые державы в последнее десятилетие стремятся повысить свое влияние в Арктическом регионе, одновременно пытаясь вытеснить Россию из зоны ее стратегических интересов. НАТО по-прежнему проводит маневры, учения и проявляет постоянный интерес к нашему северному региону. Активизировалась деятельность спецслужб США и их союзников по НАТО. Кроме военных сил и средств к ведению разведки привлекаются норвежские научно-исследовательские суда.

В настоящее время береговая оборона США ведет работы по созданию робототехнических комплексов, в том числе подводных, пригодных для использования в условиях Арктики, которые могут доставляться до места проведения операции подводными лодками. Такие подводные роботы могут нести как торпедное и высокоскоростное подводное ракетное, так и минное оружие. Это представляет серьезную угрозу для атомных ледоколов, выполняющих

Рис. 2. Акватория Северного морского пути

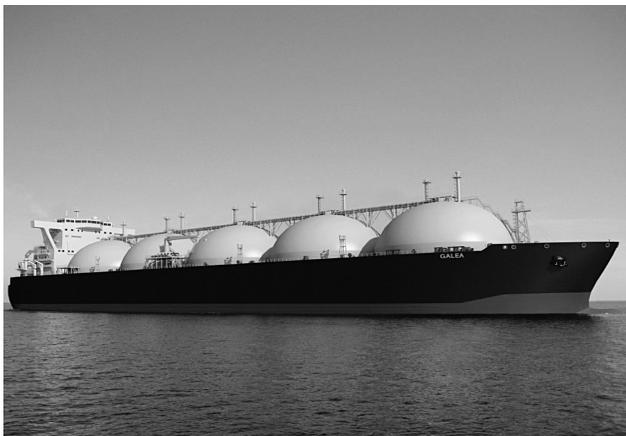

Рис. 3. Танкер-газовоз

проводку нефтеналивных судов, танкеров-газовозов и т.п. Некоторые танкеры-газовозы, так называемые супергазовозы, несут на борту от 300 тыс. кубометров сжиженного газа. Взрыв такого объема сжиженного газа эквивалентен десяткам ядерных взрывов, произведенных США в Хиросиме в 1945 году.

При реализации такого взрыва, ударная волна нанесет критические разрушения атомному ледоколу. Это позволит враждебному сообществу стран обвинить Россию в создании экологической катастрофы и выступить с предложением лишения Российской Федерации как прав на Севморпуть, так и ведения какой-либо деятельности в Арктике в целом.

Такая угроза диктует безусловную необходимость контроля подводной обстановки подо льдами с использованием основательных сетевых систем и отечественных робототехнических комплексов.

Следующим направлением террористических акций следует считать магистральные газопроводы – Северный и Турецкий потоки, трубопровод, идущий с берега на платформу «Приразломная», а также Приямальские и Сахалинские предприятия, занимающиеся сжиженным газом, Калининградский терминал по приему газа. Охрана этих объектов должна осуществляться путем развертывания систем подводного наблюдения с использованием оптоволоконных датчиков, а также подводными робототехническими комплексами военного назначения и беспилотными летательными аппаратами.

Рис. 4. Морская ледостойкая стационарная платформа «Приразломная»

При этом такие системы охраны (защиты) должны создаваться на средства владельцев этих предприятий.

Задача охраны объектов в подводной среде должна быть поставлена подразделениям ВМФ во взаимодействии с подразделениями других федеральных органов исполнительной власти и определенными должностными лицами самих объектов охраны.

Первоочередной задачей при охране объектов в подводной среде является задача обнаружения нарушителя, высокие результаты которого могут быть достигнуты при построении системы охраны в несколько рубежей. Такое построение позволит своевременно обнаружить и сопроводить нарушителя, а дежурным силам – быстро прибыть в точку нахождения нарушителя в самом начале его движения.

Для поражения подводных нарушителей необходима интеграция средств поражения с техническими средствами обнаружения. Это позволит повысить вероятность поражения, при этом возрастет и эффективность решения задачи охраны объектов морской экономической деятельности в подводной среде в целом. Этот вопрос можно решить применением в составе средств охраны автономных необитаемых подводных и беспилотных летательных аппаратов, входящих непосредственно в состав рубежа охраны.

Таким образом, в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в сфере морской экономической деятельности необходимо:

1. Дать всестороннюю оценку угроз со стороны враждебных, по отношению к России, государств, прежде всего США и некоторых страны Европы.

2. Определить и выполнить действия, направленные на нейтрализацию таких угроз и/или предпринять меры по их ослаблению, в первую очередь на акватории Северного морского пути и на маршрутах прохождения подводных магистральных газопроводов. Охрану трубопровода, идущего на платформу «Приразломная», а также предприятий сжиженного газа на Сахалине, Ямале и в Калининграде считать следующим направлением защитных действий.

3. Выполнение перечисленных действий потребуют дополнительных исследований по оценке эффективности вариантов оснащения

объектов морской экономической деятельности перспективными системами подводного наблюдения и беспилотными летающими и подводными робототехническими комплексами, а также определению их целесообразной номенклатуры.

4. Финансирование проведения необходимых исследований, создания и разработки вышеуказанных систем целесообразно возложить на владельцев охраняемых объектов.

5. Обслуживание предлагаемых систем охраны объектов морской экономической деятельности и контроль их использования целесообразно возложить на государственные силовые структуры стран – участников (собственников) проектов, объекты которых необходимо защищать с учетом территорий нахождения этих объектов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бартош А.А. Гибридные угрозы возникли в Арктике. [Электронный ресурс]: URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2016-12-02/1_928_arctic.html (Дата обращения: 22.12.2018).
2. Грейт В.В. Северный морской путь – территориальные воды России или международный транспортный путь? // Молодой ученый. – 2017. – № 13. – с. 430–433.
3. Кирсанов Д. Береговая охрана США будет использовать необитаемые подводные аппараты в Арктике. [Электронный ресурс]: URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5116820> (Дата обращения: 26.12.2018).
4. Кудинов Н.Н. Береговая охрана ФСБ – субъект обеспечения защиты и безопасности национальных интересов России в Арктике // Стратегия морской деятельности России и экономика природопользования в Арктике. IV Всероссийская морская научно-практическая конференция : материалы конференции. – Мурманск: Изд-во МГТУ, 2012. – с. 77–80.
5. Самофалова О. США положили глаз на Северный морской путь. // Взгляд. Деловая газета. [Электронный ресурс]: URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2016-12-02/1_928_arctic.html (Дата обращения: 26.12.2018).
6. Проект поставок СПГ в Калининградскую область [Электронный ресурс]: URL: <http://www.gazprom.ru/projects/kaliningrad-terminal/> (Дата обращения: 28.12.2018).

ПРИНЦИПЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЩЕВОЙСКОВЫХ ФОРМИРОВАНИЙ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК, ОСНАЩЕННЫХ РОБОТОТЕХНИЧЕСКИМИ КОМПЛЕКСАМИ ВОЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

PRINCIPLES FOR THE USE OF COMBINED ARMS FORMATIONS OF THE GROUND FORCES EQUIPPED WITH MILITARY ROBOTIC SETS

В статье рассматриваются принципы применения общевойсковых формирований при оснащении их робототехническими комплексами военного назначения с использованием функционального подхода.

The article relates principles for the use of combined arms formations when they are equipped with military robotic sets are considered using functional trends

Ключевые слова: принципы применения, общевойсковые формирования, закономерности вооруженной борьбы, робототехнические комплексы, беспилотные летательные аппараты, функциональный подход.

Keywords: principles for the use of combined, combined arms formations, patterns of warfare, robotic sets, unmanned aerial vehicles, functional trends.

Современный этап развития военной робототехники характеризуется активным переосмыслением первоначального опыта разработки и апробации отдельных образцов робототехнических комплексов военного назначения (РТК ВН) в боевых условиях, а также созданием теоретического и технологического задела для формирования на их основе подразделений, способных выполнять задачи совместно с общевойсковыми формированиями Сухопутных войск.

Создание подобных подразделений, вызывает необходимость разработки принципиальных подходов, обеспечивающих формирование единых взглядов на определение требований к перспективным образцам военной робототехники, развитие организационных структур, а также способов их самостоятельного и совместного с общевойсковыми формированиями применения [1, 2].

Сложившаяся на настоящее время система принципов тактики, несмотря на ее несомненную значимость, по мере усложнения взаимосвязей обуславливающих ход и исход воору-

женного противоборства в современных условиях, в силу своей общности, требует дальнейшего развития в части касающейся разработки положений, детализирующих механизмы формирования способов применения сил и средств, созданных на различной технологической основе.

Современный уровень развития технологий военной робототехники характеризуется тем, что уже в ближайшей перспективе будет возможно создание РТК ВН с комбинированными режимами управления, в которых за счет использования пакета программ обеспечивается самостоятельное выполнение поставленных задач во временных промежутках между управляющими воздействиями операторов в тех случаях, когда сложность задачи превышает возможности человека.

Исходя из этого, при определении принципов применения общевойсковых формирований необходимо выявить направления реализации новых функциональных возможностей, которые возникают при оснащении их РТК ВН.

Анализ закономерности зависимости хода и исхода вооруженной борьбы от соотношения

боевой мощи противоборствующих сторон с точки зрения функционального подхода, позволяет сделать вывод о принципиальной значимости в современных условиях достижения превосходства в реализации на конкретном этапе боя (боевых действий) одной или нескольких функций, определяющих его успех.

Следовательно, важнейшим принципом применения общевойсковых формирований в современных условиях, особенно в ходе противоборства с противником, имеющим равный или превосходящий уровень технологического развития, становится принцип функционального неравенства. Сущность принципа заключается в том, что цели применения общевойсковых формирований должны достигаться путем своевременного сосредоточения основных усилий на реализации тех функций, которые обеспечивают достижение и поддержание превосходства над противником в ходе выполнения боевой задачи.

Приоритетность реализуемой функции определяется исходя из требований обеспечения экстремума (максимума, если оцениваются выгоды, или минимума, если оцениваются затраты) целевого функционала в интересах выполнения задачи с учетом возможностей противодействия противника на конкретном этапе выполнения боевой задачи. При этом реализация остальных функций фиксируется на минимально достаточном уровне.

Как показывает опыт войн и вооруженных конфликтов [3,4,5], выбор приоритетных функций у противоборствующих сторон осуществляется асимметрично. Исходя из этого подхода, тенденция переноса основных усилий вооруженной борьбы на урбанизированную местность носит вполне закономерный характер. Обороняющаяся сторона, ввиду ограниченности ресурсов, нивелирует превосходство наступающей стороны в функциях информационного обеспечения, поражения и мобильности за счет реализации приоритетной функции защиты.

Кроме того, функциональное неравенство может достигаться и в рамках симметрично реализуемых функций, когда одна из сторон обладает превосходством в параметрах их реализации. Характерным примером достижения функционального неравенства при симметрич-

ной реализации функций является применение танковых подразделений ВС США в ходе операции «Буря в пустыне» в 1991 г. Превосходство американских танков M1A1 в функции информационного обеспечения, благодаря оснащению их тепловизорами, позволяло поражать танки Т-72 вооруженных сил Ирака в ночных условиях с дистанции 3200 м, тогда как они в этих условиях могли обнаружить танки противника только с дистанции 800 м [3]. Учитывая тот факт, что большинство танковых боев во время операции велось в условиях высокой запыленности и задымленности района боевых действий, а также ночью, достигнутое функциональное неравенство позволяло танковым подразделениям ВС США успешно выполнять поставленные задачи без создания численного превосходства.

Важным аспектом принципа функционального неравенства является требование соответствия способов выполнения задачи избранным приоритетам функционирования. Способы реализации функционального неравенства могут существенно отличаться по привлекаемым силам и средствам, последовательности действий и масштабу. В их основе может лежать использование уязвимых сторон противника для нанесения ему максимального ущерба, упреждение его в совершении маневра, вынуждение затрачивать значительные ресурсы или вводить ограничения на применение своих сил и средств.

Наглядным примером реализации принципа функционального неравенства являются способы действий вооруженных формирований «Исламского государства» (запрещено в РФ) в ходе проведения специальной операции группировки войск (сил) ВС РФ в Сирийской Арабской Республике. Суть этих способов заключается в хаотических обстрелах и внезапных нападениях на подразделения сирийской армии небольшими по численности, но хорошо слаженными маневренными группами. Достигаемый за счет этого эффект непрерывной атаки изматывал, деморализовал и лишал инициативы достаточно крупные воинские формирования сирийской армии при абсолютном их превосходстве в артиллерии и бронетехнике [6].

Учитывая, что процесс применения общевойсковых формирований связан с резкой сме-

ной приоритетов в реализации функций, активной борьбой за достижение и поддержание превосходства, значительным разнообразием сил и средств, обладающих различными возможностями, важное значение для реализации принципа имеет требование компенсации дефицита функций. Данное требование предусматривает необходимость взаимодополнения возможностей сил и средств в интересах достижения функционального неравенства.

Компенсация дефицита функций может осуществляться как за счет привлечения к реализации функционального неравенства резервов, средств усиления и поддержки, так и применения нестандартных способов. Так, при штурме г. Алеппо в ходе специальной операции группировки войск (сил) ВС РФ для поражения высокозащищенных опорных пунктов противника в условиях ограниченных возможностей артиллерии правительственных войск получила практика применения удлиненных зарядов разминирования УР -77. Незаконные вооруженные формирования для компенсации дефицита функции поражения широко применяли террористов – смертников на автомобилях.

Оснащение общевойсковых формирований РТК ВН, кроме существенного наращивания их возможностей во всем спектре функций, позволяет значительно расширить среду их реализации. Функциональное неравенство при применении РТК ВН достигается за счет:

- сосредоточения основных усилий РТК ВН на выполнении задач, связанных с прогнозируемо высоким уровнем потерь экипажных образцов вооружения и военной техники;

- выбора способов, обеспечивающих реализацию преимущества в скорости осуществления цикла «разведка – поражение», ситуационной осведомленности, уровне огневого и траекторного взаимодействия, а также устойчивости к воздействию неблагоприятных факторов обстановки при групповом применении РТК ВН;

- взаимодополнения возможностей РТК ВН и средств общевойсковых формирований при их совместном применении;

- применения РТК ВН в средах, недоступных (ограниченно доступных) для реализации функций силами и средствами общевойсковых

формирований (маловысотное околоземное пространство, подземные коммуникации, очаги пожаров и заражений).

Анализ закономерности зависимости хода и исхода вооруженной борьбы от соответствия сил и средств, способов их применения, задачам и сложившейся обстановке позволяет сделать вывод, что в условиях значительного разнообразия применяемых сил и средств и резких изменений обстановки, приоритетное значение приобретает скорость изменения структуры и уровня реализации основных функций.

Следовательно, применение общевойсковых формирований должно основываться на принципе структурной и функциональной реконфигурации, который предусматривает необходимость оперативного изменения боевого порядка и объема функциональной нагрузки на его элементы с учетом сложившейся обстановки.

Если в недалеком прошлом боевые действия представляли собой совокупность нескольких последовательных боев с промежутками между ними и необходимыми для ввода в бой резервов или восстановления боеспособности воинских частей и подразделений, то в современных условиях боевые действия должны приобрести форму непрерывных высокоскоростных действий с решительными целями.

Основу данного принципа составляют требования структурной гибкости и распределения функциональной нагрузки (маневра функциями).

Требование структурной гибкости предусматривает создание в составе боевого порядка элементов, отличающихся объемом выполняемых функций и соответствующих стоящим перед ними задачам. С учетом этого требования, боевой порядок общевойскового формирования должен включать как относительно устойчивые элементы, способные реализовать определенный ряд функций, так и варьироваемые (мобильные) элементы, с помощью которых осуществляется его адаптация к изменениям обстановки.

Требования распределения функциональной нагрузки (маневра функциями) предусматривает изменение функциональной нагрузки элементов боевого порядка без изменения их структуры.

Перспективные РТК ВН за счет конструктивно обеспеченной структурной и функциональной гибкости, которая достигается унификацией пунктов управления и возможностью интеграции разнотипных (разносредных) робототехнических средств в состав комплексов, позволяют реализовать требования принципа структурной и функциональной реконфигурации в составе общевойсковых формирований на качественно новом уровне.

Обладание актуальными данными о состоянии каждого робототехнического средства, статусе выполненных и стоящих в очереди задач, а также возможных алгоритмах действий, позволяет формировать из них новые элементы боевого порядка исходя из условий обстановки непосредственно в ходе боевых действий с автоматическим перераспределением задач между ними.

Таким образом, реализация принципа структурной и функциональной реконфигурации при применении РТК ВН достигается за счет:

- создания боевого порядка, обеспечивающего перераспределение робототехнических средств между пунктами управления РТК ВН и создание новых элементов в ходе выполнения поставленной задачи;

- централизации управления разнотипными по задачам и среде применения (на поверхности земли, в подземном пространстве, в зданиях и сооружениях, а также в воздушном пространстве) робототехническими средствами, действующими в составе РТК ВН в интересах перераспределения их функциональной нагрузки исходя из условий обстановки.

Анализ закономерности зависимости хода и исхода вооруженной борьбы от уровня взаимодействия войск сторон в разрезе функционального подхода, позволяет сделать вывод о первоочередной значимости объединения функционала сил и средств, привлекаемых к выполнению боевой задачи.

Исходя из этого способы применения общевойсковых формирований должны базироваться на принципе функциональной интеграции, который предусматривает комплексирование сил и средств, обладающих различным функционалом с целью повышения результативности процесса их функционирования.

Данный принцип в зависимости от избранного способа выполнения задачи реализуется

через требования многофункциональности, совместной автономности и комплексной реакции, предусматривающих получение различного эффекта.

Требование многофункциональности предусматривает совмещение нескольких функций в одном элементе боевого порядка с целью сокращения цикла реализации основной функции. Одним из направлений реализации указанного требования в настоящее время является создание разведывательно-ударных (огневых) комплексов. Интеграция в составе одного элемента боевого порядка средств разведки, управления и огневого поражения, как показывает опыт боевых действий в Сирийской Арабской Республике, позволяет значительно сократить время цикла «разведка – поражение», при одновременном снижении расхода ракет и боеприпасов [5].

Требование совместной автономности предусматривает создание элементов боевого порядка способных функционировать независимо, от внешних систем. В современных условиях данное требование реализуется путем создания боевого порядка на основе тактических групп, представляющих собой общевойсковые подразделения, усиленные подразделениями родов войск и специальных войск [7]. Функциональная интеграция разнородных подразделений в составе тактических групп позволяет им выполнять поставленные задачи в достаточно широком спектре условий без привлечения сил и средств старшего начальника.

Требование комбинированности реакций предусматривает интеграцию функций одного вида нескольких элементов боевого порядка с целью комплексирования результата их применения. Это требование в современных условиях реализуется путем сосредоточения огня нескольких средств (подразделений) для поражения наиболее важных целей, комплексирования эффекта от одновременного применения средств огневого и радиоэлектронного поражения, применения групповых способов защиты при отражении ударов воздушного противника, а также согласования ударов наносимых с фронта и на флангах (или в тыл) противника.

Несмотря на достаточно высокий уровень функциональной интеграции сил и средств общевойсковых формирований, который удалось

достигнуть за счет внедрения автоматизированных систем управления, в будущем кардинальное повышение их возможностей связывается с оснащением их многофункциональными РТК ВН.

По взглядам военных специалистов США [8], распределение задач разведки и поражения объекта между различными средствами зачастую приводит к снижению оперативности его поражения и, как результат, к утрате инициативы на поле боя. Компенсировать данный недостаток предусматривается за счет РТК ВН, способных действовать как в разведывательном, так и ударном варианте. Высокоскоростной обмен данными между робототехническими средствами в составе РТК ВН и многоканальность реализации функций позволяет им выполнять поставленные задачи в режиме разведывательно-огневого комплекса в сжатые сроки.

Функциональная интеграция РТК ВН и экипажных образцов вооружения и военной техники позволяет достигать таких преимуществ над противником, как большая дальность обнаружения целей и запас средств поражения (на РТК и экипажном образце), а также низкая вероятность поражения личного состава ввиду сокращения периода или полного исключения его пребывания в зоне досягаемости средств поражения противника. Сокращение цикла управления в функциональных модулях, состоящих из РТК и экипажных средств, может быть реализовано за счет автоматического формирования подсказок экипажам по выбору целей для поражения, а также их своевременном предупреждении об изменении обстановки, наличии заграждений и препятствий.

Данные подходы активно развиваются в вооруженных силах передовых государств мира. На современном этапе наиболее значимый опыт накоплен в области совместного применения пилотируемой и беспилотной авиации. Так, в сухопутных войсках США отрабатываются способы действий специализированных ударных вертолетов АН-64Е «Апач Гардиан» совместно с БЛА RQ-7В «Шедоу-200» и MQ-1С «Грей Игл» [8].

Требование совместной автономности с применением РТК ВН реализуется за счет синхронизации информации внутри группы, состоящей из нескольких однородных или разно-

родных робототехнических средств, способных определять и своевременно корректировать последовательность своих действий в процессе выполнения задачи исходя из складывающейся обстановки для достижения общей цели совместными усилиями.

Преимуществом данных систем является повышенная живучесть отдельных робототехнических средств за счет возможности обмена необходимыми данными внутри группы при выходе из строя или подавлении каких-либо систем (например, связи с пунктом управления, навигации или целеуказания).

Высокий уровень интеграции составных элементов РТК ВН на уровне программно реализованных алгоритмов позволяет достигать комбинированных реакций в сложной, динамично меняющейся обстановке, когда возможности человека не позволяют принять правильное решение.

Таким образом, реализация принципа функциональной интеграции при применении РТК ВН достигается за счет:

- группового применения многофункциональных РТК ВН как самостоятельно, так и совместно с экипажными образцами вооружения и военной техники;
- создания групп однородных (разнородных) робототехнических средств способных устойчиво функционировать в широком спектре изменения условий обстановки;
- организации в группах РТК ВН помехового, огневого и информационного взаимодействия, скоординированного с перемещением отдельных робототехнических средств по заданному алгоритму.

Анализ закономерности зависимости хода и исхода вооруженной борьбы от степени ее общности и взаимозависимости на различных уровнях позволяет сделать вывод, что она реализуется варьированием соотношения дедуктивных и индуктивных связей, определяющих результат функционирования формирования. Следовательно, применение общевойсковых формирований подчинено принципу синхронизации результатов, который предполагает, что в условиях высокой неопределенности обстановки достижение гарантированного результата, при реализации структурными элементами общевойскового формирования гибких стратегий,

требует определения ряда ограничений на режим их функционирования.

Принцип синхронизации результатов предусматривает учет как дедуктивных, так и индуктивных связей при выполнении поставленной задачи. При этом индуктивные связи учитываются через требование последовательного снятия неопределенностей, а дедуктивные – через требование поэтапного контроля реализации конечной цели.

Требование последовательного снятия неопределенностей определяется тем, что в условиях динамичной среды решающее значение при принятии решения имеет его целесообразность и быстрота, а не его оптимальность в глобальном

смысле. В то же время требование поэтапного контроля реализации цели позволяет определить приоритетный для данных условий критерий, который учитывается как ограничение за счет константности или пессимизации системы по другим критериям. Таким образом, процесс функционирования общевойсковой формирования управляется как поставленной боевой задачей (целями функционирования), так и состояниями его структурных элементов в ходе ее выполнения.

Высокая скорость реализации основных функций РТК ВН на основе заложенных алгоритмов вызывает необходимость синхронизации результатов их функционирования на программном уровне. Следовательно, реализация

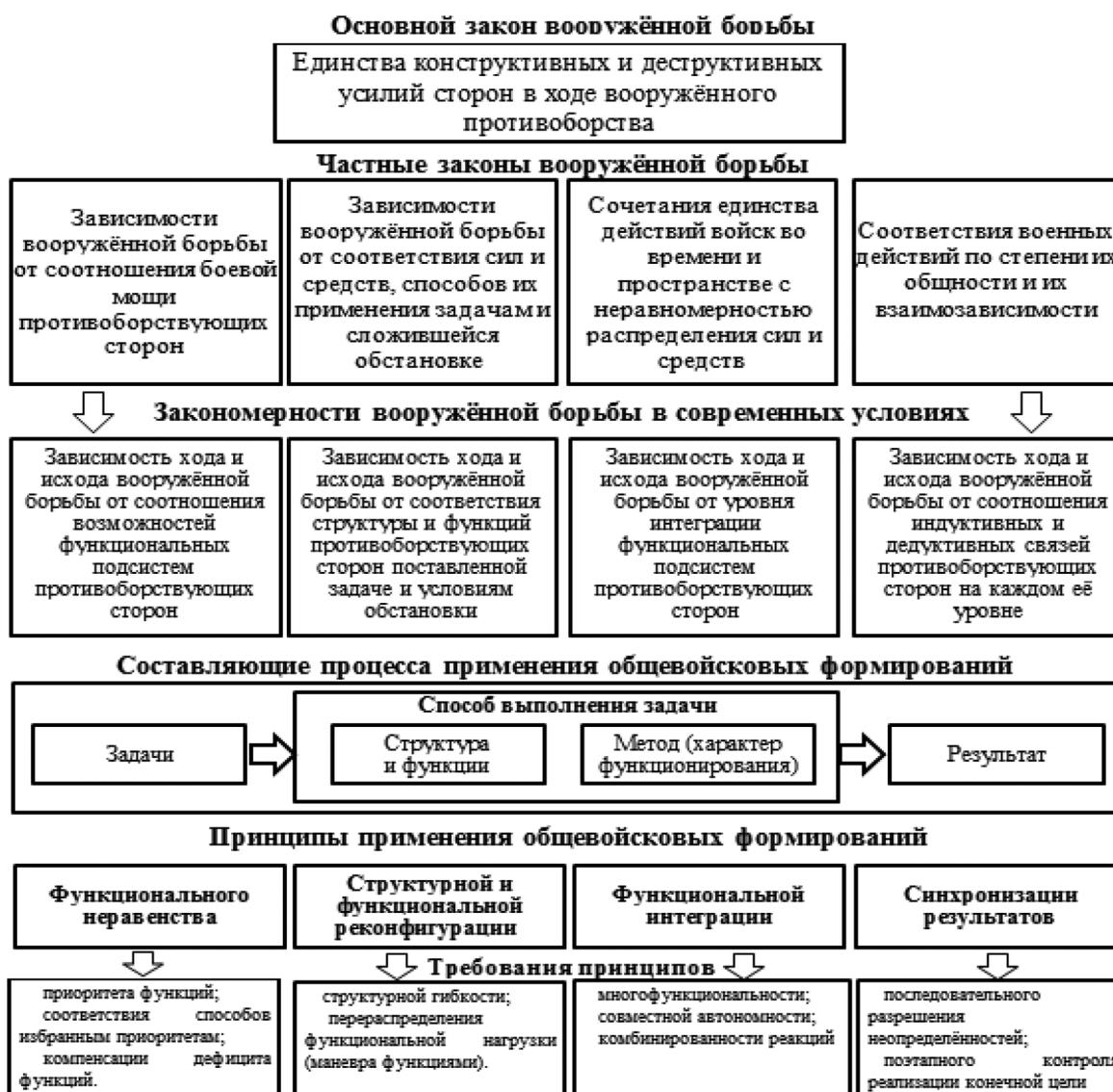

Рис. 1. Взаимосвязь принципов применения общевойсковых формирований, оснащенных РТК ВН с закономерностями вооруженной борьбы

принципа синхронизации результатов при применении РТК ВН должна достигаться за счет:

- формирования групп РТК ВН на основе оперативного моделирования возможных вариантов решения поставленной задачи;
- активации алгоритмов, обеспечивающих оптимизацию действий робототехнических средств в составе РТК ВН в конкретных условиях обстановки;
- выявления (прогнозирования) возможных угроз со стороны противника и своевременного оповещения о них РТК ВН и общевойсковых подразделений;
- автоматизированной актуализации приоритетных целей функционирования, соответствующим потенциально возможным ситуациям.

В обобщенном виде взаимосвязь обозначенных выше принципов применения общевойсковых формирований, оснащенных РТК ВН, с закономерностями вооруженной борьбы представлена на рис. 1.

Таким образом оснащение общевойсковых формирований такими новыми средствами вооруженной борьбы как РТК ВН позволит им в современных условиях эффективно выполнять боевые задачи по информационному обеспечению, управлению, объему и комплексности воздействия на противника, защите войск и их обеспечению.

Предложенные принципы, не входя в противоречие с существующими принципами тактики, дополняют их с позиции раскрытия функциональной стороны процесса применения общевойсковых формирований и позволяют

избежать ошибок при разработке требований к перспективным образцам военной робототехники, созданию организационно-штатных структур их подразделений, а также определению способов их применения.

Наращивание возможностей общевойсковых формирований при оснащении их РТК ВН на современном этапе наиболее вероятно за счет комплексирования возможностей экипажных и роботизированных образцов вооружения и военной техники по признаку функционального предназначения, что позволит создавать боевые системы, обладающие такими новыми интегральными свойствами, как:

- адаптивность к внешней среде и решаемым боевым задачам за счет оперативного варьирования составом и характеристиками робототехнических комплексов;
- многосредность (в воздухе, на поверхности земли и в подземной инфраструктуре) реализации функций;
- самоорганизация в короткие сроки при реализации основных функций и процессов с использованием пакетов программ;
- возможность функционирования в неопределенной не картографированной среде;
- боевая и функциональная устойчивость в условиях противодействия противника и агрессивной среды;
- приспособленность к использованию современных систем сбора, обработки информации и управления;
- непрерывность реализации технических характеристик.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Дульнев П.А. Применение робототехнических комплексов при штурме города (укрепленного района) // Вестник академии военных наук. – 2017. – № 3(60). – с. 26–32.
2. Дульнев П.А., Ильин Л.Н. Некоторые подходы к развитию системы вооружения соединений нового облика Сухопутных войск // Вестник Академии военных наук. – 2012. – № 1(38). – с. 126–134.
3. Усиков А.В., Бурутин Г.А., Гаврилов В.А., Ташлыков С.Л. Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Вторая половина XX – начало XXI века. М.: Воениздат, 2008. 764 с.
4. Военная операция США и их союзников против Ирака в 2003 г. Уроки и выводы. М.: Генеральный штаб ВС РФ, 2003. 128 с.
5. Матвеевский М.М. Особенности организации и управления огнем поражением противника по опыту боевых действий в Сирийской Арабской Республике. Опыт боевых действий в Сирии. // Арсенал Отечества. – 2017. – № 6(32).
6. Троценко К.А. Ударная и огневая тактика – от безыдейности к развитым основам боя и операции. // Военная мысль. – 2018. – № 9.
7. Боевой устав Сухопутных войск ч. II Батальон, рота. Саратов: Типография Регион, 2014. 800 с.
8. Стрельников Д., Сидоров А., Мгимов Ю. Совместное применение пилотируемой и беспилотной авиации США в первой половине XXI века. // Зарубежное военное обозрение. – 2018. – № 4.

A.A. RAHMANOV,
S.V. YAGOLNIKOV

A.A. PAXMANOV,
C.B. ЯГОЛЬНИКОВ

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННО-НАУЧНОГО КОМПЛЕКСА
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

**PROBLEMS OF DEVELOPMENT FOR MILITARY-SCIENTIFIC
COMPLEX OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND WAYS OF THEIR SOLUTION**

В статье рассмотрены проблемы развития военно-научного комплекса Вооруженных Сил Российской Федерации. Проведен анализ и выявлены причины возникновения проблем. Предложены пути и механизмы их решения.

In the paper problems of the development for their military-scientific complex of the Armed forces of the Russian Federation are considered. Analysis is performed and causes are exposed for the occurrence of the problem. Ways and mechanisms of their solution are offered.

Ключевые слова: военно-научный комплекс Вооруженных Сил Российской Федерации, научно-исследовательская организация Министерства обороны Российской Федерации, военно-учебные заведения Министерства обороны Российской Федерации.

Keywords: military-scientific complex of the Armed forces of the Russian Federation, scientific-research organization of the Ministry of the Defense of the Russian Federation, military-educational institutions of the Ministry of the Defense of the Russian Federation.

Развитие науки и технологий является одним из приоритетных направлений при решении задач обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Последние достижения науки и техники лежат в основе строительства, развития и применения Вооруженных Сил как важнейшего инструмента достижения превосходства над вероятным противником. При этом основными приоритетами развития и совершенствования научно-производственного комплекса страны являются:

– сосредоточение усилий и ресурсов на устойчивом развитии науки, технологий, образования в интересах обеспечения национальной безопасности;

– формирование системы научного и технологического прогнозирования и реализация научных и технологических приоритетов, усиление интеграции науки и образования;

– повышение качества военного образования и подготовки научных и научно-педагогических кадров, а также наращивание военно-научного потенциала;

– оснащение Вооруженных Сил, других войск и органов вооружением, военной и специальной техникой (ВВСТ) на основе развития научно-технического потенциала страны, концентрации ее финансовых и материально-технических ресурсов, повышения эффективности их использования с целью достижения уровня, достаточного для решения возложенных на военную организацию государства задач;

– активизация инновационно-инвестиционной деятельности, позволяющей проводить постоянное качественное обновление научно-технической и производственно-технологической базы;

– создание, поддержание и внедрение военных и гражданских базовых и критических технологий, обеспечивающих создание, производство и ремонт находящихся на вооружении и перспективных образцов ВВСТ, а также по-

звolyающих обеспечить технологические прорывы и опережающий научно-технологический задел в целях разработки принципиально новых образцов ВВСТ;

- стимулирование развития инноваций, наукоемкой продукции, перспективных технологий общего, двойного и специального назначения;

- эффективная координация научных исследований и развития национальной инновационной системы в интересах обеспечения национальной безопасности в сфере науки, технологий и образования;

- формирование системы целевых фундаментальных и прикладных исследований.

В реализации данных приоритетов ключевую роль играет военно-научный комплекс Вооруженных Сил, осуществляющий получение новых знаний в области обороны и безопасности Российской Федерации и их реализацию в интересах развития военной организации государства, внедрения и эффективного использования научных достижений и инновационных разработок в практике войск (сил), при разработке, создании и совершенствовании ВВСТ, подготовке личного состава Вооруженных Сил.

В настоящее время военно-научный комплекс Вооруженных Сил в целом обеспечивает проведение полного спектра исследований по научному обеспечению решения задач органов военного управления в области строительства, развития и применения Вооруженных Сил, формированию требований к перспективным системам вооружения, сопровождению их разработки и создания.

В то же время современные геополитические преобразования, происходящие на фоне стремительного изменения характера современных войн и вооруженных конфликтов, развития и внедрения ведущими странами мира прорывных технологий при создании новейших систем вооружения сформировали ряд новых угроз и вызовов национальной безопасности Российской Федерации, основными из которых являются:

- интенсивное развитие европейского и тихоокеанского сегментов национальной системы противоракетной обороны США и попытки нейтрализации имеющегося у России ядерного потенциала;

- дестабилизация военно-политической ситуации в сопредельных Российской Федерации государствах;

- угрозы международной стабильности со стороны крупных террористических организаций;

- активное освоение космического и киберпространства в военных целях;

- навязанная США и странами НАТО гонка вооружений на фоне введения в отношении Российской Федерации санкций, ограничивающих в том числе возможности предприятий оборонно-промышленного комплекса по созданию современных систем вооружения.

Эти угрозы определяют новые задачи, стоящие перед военно-научным комплексом Вооруженных Сил. Вместе с тем имеющийся научно-технический задел и потенциал научных организаций Министерства обороны, сформированный в 70–80-х годах прошлого века, на сегодняшний день практически исчерпан, а подходы, реализуемые при проведении научных исследований, морально устарели.

Таким образом, на сегодняшний день сформировался разрыв между теоретическими знаниями, получаемыми в результате проводимых исследований, и практикой войск, обусловленный отставанием развития военно-научного комплекса Вооруженных Сил от фактического положения дел в Вооруженных Силах, а также отсутствием опережающего научно-технического задела в области решения вновь возникающих задач в сфере обеспечения национальной безопасности.

Этим обусловлена актуальность организации развития военно-научного комплекса Вооруженных Сил, стратегической целью развития которого является формирование в Вооруженных Силах эффективной системы проведения научных исследований, осуществляющей опережающий научно-технический задел в области обороны и безопасности государства, обеспечивающей его реализацию при строительстве, развитии и применении Вооруженных Сил, создании перспективных и принципиально новых систем вооружения.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Формирование стратегического прогноза по актуальным научным направлениям с уче-

том основных приоритетов в тематике исследований и закрепление этих направлений за ведущими научно-исследовательскими организациями.

2. Развитие в Вооруженных Силах системы организации научной работы и управления военно-научным комплексом, предусматривающей высокую оперативность постановки и решения задач научно-исследовательскими организациями (НИО) и возможность сосредоточения усилий на приоритетных научных проектах.

3. Обеспечение наращивания кадрового и научного потенциала организаций военно-научного комплекса Вооруженных Сил, повышение престижа научной работы в Вооруженных Силах, воспитание нового поколения военных ученых.

4. Создание инфраструктуры НИО и вузов, обеспечивающей проведение научных исследований на современном уровне.

5. Разработка и своевременная актуализация нормативной правовой базы Министерства обороны в части организации научной работы и функционирования военно-научного комплекса.

В состав военно-научного комплекса Вооруженных Сил входят органы военного управления, осуществляющие постановку задач на проведение исследований в интересах обороны, реализацию и внедрение полученных результатов, а также НИО и научные подразделения вузов Министерства обороны, непосредственно проводящие исследования в рамках научной работы, осуществляемой в Вооруженных Силах.

Руководство военно-научным комплексом и научной работой в Вооруженных Силах осуществляет начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

В рамках проводимой в Вооруженных Силах научной работы НИО и вузы решают следующие задачи:

– исследование и прогнозирование характера военных угроз безопасности Российской Федерации и упреждающей научно-практической проработки важнейших проблем в области военной и военно-технической политики в интересах обеспечения обороноспособности государства;

– определение перспектив и обоснование направлений строительства и развития Воору-

женных Сил, решение проблем их подготовки и применения, развития военной теории и практики, повышения боеготовности и боеспособности войск (сил), выработка новых форм и способов вооруженной борьбы;

– обоснование направлений развития и совершенствования вооружения, военной и специальной техники, разработка способов их применения, эксплуатации, ремонта и утилизации, требований и предложений по их унификации и стандартизации;

– обоснование документов Плана обороны Российской Федерации, программ и планов развития системы вооружения Вооруженных Сил;

– подготовка научных и научно-педагогических кадров;

– исследование вопросов морально-психологического обеспечения деятельности войск (сил), обучения и воспитания личного состава;

– исследование вопросов военной педагогики и психологии, содержания и организации образовательного процесса.

Существующая структура военно-научного комплекса Вооруженных Сил в целом является достаточной и не требует кардинальных изменений, а входящие в ее состав НИО и вузы имеют необходимый потенциал для обеспечения эффективной проработки перспективных научных направлений.

Вместе с тем имеется ряд проблемных вопросов функционирования военно-научного комплекса Вооруженных Сил, препятствующих его дальнейшему эффективному развитию, основными из которых являются:

– отрыв научной работы в Вооруженных Силах от практики войск и органов военного управления;

– низкая обеспеченность НИО и научно-исследовательских подразделений вузов кадрами высшей квалификации, отсутствие молодых специалистов, недостаточная фондовооруженность и оснащенность современной лабораторно-экспериментальной базой;

– отсутствие устойчивых практических связей между НИО и вузами Министерства обороны, информационного взаимодействия с научными организациями других федеральных органов исполнительной власти, институтами Российской академии наук и предприятиями оборонно-промышленного комплекса;

– несоответствие имеющейся нормативной правовой базы Министерства обороны в сфере организации и выполнения научной работы современным условиям и структуре Вооруженных Сил.

Следствием этого на сегодняшний день стало снижение качества проводимых военно-научным комплексом Вооруженных Сил исследований и глубины проработки научных задач, что не в полной мере соответствует потребностям Генерального штаба и органов военного управления по научному обоснованию планов строительства, развития и применения Вооруженных Сил, недостаточное качество военно-научного сопровождения Государственной программы вооружения и Государственных оборонных заказов.

Развитие военно-научного комплекса Вооруженных Сил и повышение эффективности научной работы требует проведения качественных преобразований в системе организации научных исследований в интересах обороны и безопасности и обеспечения деятельности НИО и вузов. Эти преобразования должны быть сосредоточены по ряду ключевых направлений:

– сохранение и развитие научного потенциала и научных школ в НИО и вузах, наращивание их возможностей по проведению научных исследований, развитие лабораторно-экспериментальной базы;

– совершенствование руководства научными исследованиями в Министерстве обороны, формирование и развитие системы взаимодействия между НИО для обеспечения совместного получения актуальных научных результатов;

– совершенствование нормативной правовой базы, регламентирующей проведение научных исследований.

Реализацию указанных направлений целесообразно проводить с учетом следующих подходов.

1. В части сохранения и развития научного потенциала и научных школ в НИО и вузах, наращивания их возможностей по проведению научных исследований, развития лабораторно-экспериментальной базы:

– поэтапное увеличение доли военнослужащих в НИО до уровня не менее 40% от штатной численности с учетом возможностей

по комплектованию должностей квалифицированными кадрами;

– организация целевой подготовки и повышения квалификации офицерских кадров для НИО в профильных вузах;

– формирование системы подготовки специалистов для замещения должностей научных сотрудников из числа гражданского персонала в НИО на базе вузов Минобрнауки России;

– совершенствование существующих и разработка новых механизмов материального стимулирования военнослужащих и лиц гражданского персонала в НИО, исходя из их квалификации и вклада в получение актуальных научных результатов;

– целевое развитие лабораторно-экспериментальной базы НИО и научно-исследовательских подразделений вузов, исходя из фактической потребности для реализации параметров Государственной программы вооружения и Государственных оборонных заказов;

– реконструкция имеющихся и строительство новых объектов инфраструктуры НИО, оптимизация размещения их структурных подразделений.

2. В части совершенствования руководства научными исследованиями в Министерстве обороны, формирования и развития системы взаимодействия между НИО для обеспечения совместного получения актуальных научных результатов:

– создание в органах военного управления структурных подразделений, отвечающих за организацию научной работы и руководство деятельностью НИО и научно-исследовательских подразделений вузов, повышение статуса Военно-научного комитета Вооруженных Сил Российской Федерации и военно-научных комитетов видов и родов Вооруженных Сил Российской Федерации;

– перераспределение функций по руководству военно-научным комплексом Вооруженных Сил и организации научных исследований между Военно-научным комитетом Вооруженных Сил Российской Федерации и органами военного управления, в чьем подчинении находятся НИО и вузы;

– уточнение задач, возлагаемых на НИО и научно-исследовательские подразделения вузов, по направлениям военно-научного сопро-

вождения разработки и создания образцов (систем, комплексов) ВВСТ;

– организация планирования научной работы в Вооруженных Силах и определение направленности научных исследований, исходя из потребности органов военного управления в обеспечении реализации документов Плана обороны Российской Федерации, Государственного оборонного заказа и планов деятельности органов военного управления.

3. В части совершенствования нормативной правовой базы, регламентирующей проведение научных исследований:

– уточнение действующих и разработка новых нормативно-правовых актов Министерства обороны, регламентирующих деятельность НИО и научно-исследовательских подразделений вузов и организацию научной работы в Вооруженных Силах;

– выработка предложений по внесению изменений в федеральные законы Российской Федерации, нормативно-правовые акты Правительства Российской Федерации в части организации научной деятельности в Министерстве обороны, подготовки научных и научно-педагогических кадров, порядка прохождения военной службы в НИО (в том числе альтернативной);

– обеспечение нормативно-правового регулирования взаимодействия организаций военно-научного комплекса Вооруженных Сил с внешними организациями – научными организациями других федеральных органов исполнительной власти, Российской академией наук, научно-технологическим комплексом предприятий и организаций оборонной промышленности.

Особо необходимо обратить внимание на проблемы развития НИО Минобороны. Реализуемые в Министерстве обороны Российской Федерации «Концепция развития военно-научного комплекса Вооруженных Сил Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу», «Планы...» и «Программы...», направленные на развитие военно-научного комплекса Вооруженных Сил Российской Федерации, а также попытки реформирования в целях «оптимизации» научно-исследовательских организаций Министерства обороны Российской Федерации с параллельным введением

в действие Федерального закона об образовании (ФЗ от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ) не смогли переломить негативных тенденций, связанных с уходом из НИО высококвалифицированных ученых, ослаблением научных школ и научного потенциала НИО Минобороны в целом.

Это обусловлено следующим.

1. Значительным сокращением количества и низкими штатными категориями ученых-военнослужащих в структурах НИО (штатные категории: младший научный сотрудник – капитан; научный сотрудник – капитан; старший научный сотрудник – майор; начальник лаборатории – майор; начальник отдела – подполковник) до уровня, когда военнослужащие или полностью отсутствуют в штате НИО или их численность составляет единицы процентов. При такой численности и низких штатных категориях военнослужащих в НИО нет преимущественности и перспектив их роста. Поэтому после защиты диссертаций в НИО военнослужащие стремятся к службе в вузах, где должностные категории выше и имеется перспектива служебного роста. После сокращения (увольнения) ученые-военнослужащие, как правило, утрачивают связь с НИО.

2. Уход из НИО высококвалифицированных сотрудников из числа гражданского персонала в связи с тем, что уровень оплаты аналогичной работы в организациях оборонной промышленности и коммерческих структурах в 2–3 раза выше.

В настоящее время выпускники гражданских вузов не стремятся связывать свою трудовую деятельность с НИО Министерства обороны, где оплата труда на первичной научной должности – младшего научного сотрудника не превышает 12 тыс. руб. в месяц, за исключением НИО, расположенных в г. Москве и г. С.-Петербурге.

3. Ликвидация в НИО адъюнктур, которые необходимы для подготовки научных кадров (военнослужащих) высшей квалификации (кандидатов наук)(ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ.Ст.31, п. 1, п.2.), лишение НИО права представлять научных сотрудников к присвоению ученых званий доцента и профессора(Постановление Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2013 г. № 1139, раздел I. п.3.), а также возможности приема кандидатского экзамена по специальности (приказ Минобрнауки Российской Федерации от 28 марта 2014 г. № 247, п. 5).

4. Существенное снижение материальной заинтересованности сотрудников НИО в связи с отсутствием должностей руководящего состава научно-исследовательских подразделений (из числа гражданского персонала: заместитель начальника отдела, начальник отдела, заместитель начальника управления, начальник управления) в перечне должностей на денежные выплаты в соответствии с указом Президента РФ от 7.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», а также решением Министра обороны Российской Федерации от 24.01.2018 г. об ограничении премирования сотрудников НИО за счет платной деятельности в сумме не более 50 тыс. руб. в месяц.

5. Низкий уровень финансирования программ по развитию лабораторно-экспериментальной базы НИО, на которые фактически выделяется не более 10–15% от потребного объема.

В настоящее время основная тяжесть научной работы легла на бывших военнослужащих и ветеранов НИО из числа гражданского персонала (средний возраст которых 55–60 лет и старше).

Если не создать условий для притока в НИО молодых сотрудников (военнослужащих и гражданского персонала) в ближайшее время, то сохранение и дальнейшее развитие научного потенциала и научных школ НИО будет проблематично.

Учитывая роль и место НИО в обеспечении обороноспособности Российской Федерации, очевидно, что первоочередными неотложными мерами по сохранению и развитию научного потенциала и научных школ НИО Минобороны России должны являться следующие мероприятия:

1. Увеличение количества военнослужащих – научных сотрудников в структурах НИО до 40% от общей численности и повышение их штатных категорий до уровня не ниже чем в вузах Минобороны России.

2. Создание условий для существенного повышения материальной заинтересованности сотрудников НИО в результатах своей работы путем снятия ограничения в 50 тыс. руб. при премировании по платной деятельности. Разрешить НИО Минобороны России участвовать в

конкурсах на выполнение системных проектов в рамках Государственного оборонного заказа.

3. Внесение необходимых изменений в Федеральный закон об образовании, позволяющих возобновить подготовку адъюнктов в НИО, восстановить право НИО представлять научных сотрудников к присвоению ученых званий доцента и профессора, а также возможности приема кандидатского экзамена по специальности.

4. Введение в организационную структуру штата гражданского персонала НИО Минобороны России категории ведущих научных сотрудников, а также проведение соответствующей корректировки наименований должностей отдельных категорий руководителей («заместитель начальника отдела – старший научный сотрудник», «начальник отдела – ведущий научный сотрудник», «заместитель начальника управления – ведущий научный сотрудник», «начальник управления – главный научный сотрудник»).

5. Осуществление финансирования программ по развитию лабораторно-экспериментальной базы НИО на уровне, обеспечивающим не только ее техническое поддержание, но и качественное развитие, в том числе за счет платной деятельности.

Реализация перечисленных мероприятий в ближайшее время позволит без существенных затрат сберечь и поддержать существующие НИО Минобороны России, восстановить и развить в них систему подготовки научных кадров высшей квалификации и научные школы, а также поддерживать научный потенциал в НИО на необходимом уровне и обеспечить своевременное и качественное решение всех возложенных на НИО задач по укреплению обороноспособности Российской Федерации.

В целом рассмотренные мероприятия по развитию военно-научного комплекса Вооруженных Сил Российской Федерации позволят сформировать в Вооруженных Силах систему проведения научных исследований, обеспечивающих опережающий научно-технический задел в области обороны и безопасности Российской Федерации и его реализацию при строительстве, развитии и применении Вооруженных Сил, разработке и создании перспективных систем вооружения, подготовке специалистов в интересах войск.

V.B. STASHKOV,
D.A. DIMONOV,
E.V. YUMASHEVA

В.Б. СТАШКОВ,
Д.А. ДИМООНОВ,
Е.В. ЮМАШЕВА

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННОГО СПЕЦИАЛИСТА В ВОЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

UP TO ISSUE UPON L CONCEPT OF SKILLED SPECIALIST MAKING-UP IN MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTION

В статье предложен вариант модели перспективного военного образовательного учреждения на концептуальном уровне, отражающей картину последовательного формирования существенных свойств объекта (военного специалиста). Концепция модели с системных позиций раскрывает содержание ключевых моментов образовательного процесса в их взаимодействии. Она отображает существенные стороны образовательной деятельности с выходом на прикладной аспект деятельности вуза и внедрение современных образовательных технологий.

Article says variant of long-range military educational institution model, on conceptual level reflected pattern of fundamental object (military technician) attribute cascade shaping and them communications about. Model concept detected educational activity content key moments in interaction and it describes with system-defined position fundamental content of educational activities of higher education with output on applied aspect institute activity, and ultimately, feeding-in present-day educational technologies.

Ключевые слова: концепция, модель, образовательная организация, эффективность, категория, уровень, компонент, образовательные технологии.

Keywords: concept, model, educational institution, efficiency, category, level, component, educational technologies.

Система работы военного вуза направлена на формирование военного специалиста как центрального объекта его деятельности в строгом соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) и других руководящих документов [1–5]. Все аспекты образовательной деятельности вуза взаимосвязаны по цели и ориентированы на приобретение каждым конкретным обучаемым знаний, умений и навыков, определенных требованиями ФГОС по соответствующим направлениям и специальностям.

Как показывает практика, руководство деятельностью вуза (образовательной, научно-исследовательской, производственной) может быть эффективным только при системном подходе к решению многофакторной задачи управления, охватывающей различные аспекты обеспечения качества подготовки военного специалиста на всех этапах его формирования.

До настоящего времени превалировал традиционный взгляд на построение системы работы военной образовательной организации, когда субъектом проектирования воспроизводятся рутинные черты образовательной де-

ятельности гражданского вуза, произвольно дополняющиеся армейской атрибутикой. При таком подходе:

- не гарантируется системность в осуществлении образовательной деятельности;
- не обеспечивается инвариантность военного аспекта системы формирования квалифицированного специалиста и единство подходов к формированию офицера-специалиста, независимо от специализации образовательного учреждения;
- системно не обеспечивается выбор компонентов и обоснование уровней формирования специалиста, а также объективность и адекватность их взаимосвязей в прикладном аспекте.

Что же касается перспективного вуза, то в отношении построения его системы работы данный подход неприемлем в принципе.

Преодоление указанных недостатков авторы видят в разработке такой концепции образовательной деятельности вуза, в которой:

- органически воплощены объективные принципы деятельности военной образовательной организации как единой системы, при

безусловном соблюдении требований ее адекватности и универсальности;

- выделены существенные компоненты формирования профессиональных качеств военного специалиста, их место и роль в образовательном процессе;

- прописаны детерминированные взаимосвязи между этими компонентами внутри организационной структуры вуза в части организации образовательного процесса на всех этапах подготовки военного специалиста: от формирования социального заказа (ФГОС) до выпуска офицера.

В данной работе приведен вариант концепции системы деятельности постоянного состава вуза по подготовке квалифицированного военного специалиста, которая изначально задумывалась авторами как универсальное средство моделирования системы работы перспективного вуза.

Авторская концепция основывается на оригинальной модели деятельности военного образовательного учреждения, базирующейся на универсальных педагогических принципах и категориях. В предложенной авторами модели в общей постановке представлены существенные прикладные моменты образовательной деятельности военного вуза на уровне категорий и компонентов формирования военного специалиста. Как и всякая модель, она с системных позиций отражает отдельные стороны моделируемого объекта (процесса) в рамках допущений и обобщений, корректность которых должна быть обеспечена.

В концепции модели управления образовательной деятельностью перспективного вуза реализованы следующие принципы моделирования [1]:

1. Модель системы работы перспективного вуза должна адекватно отображать детерминированную совокупность взаимосвязанных по цели существенных для образовательного процесса объектов этой системы.

2. Поведение элементов моделируемой системы на определенном уровне детализации должно описываться с использованием единого понятийного аппарата и быть внутренне непротиворечивым.

3. Рассмотрение объекта как комплекса взаимосвязанных элементов, процессов, объектов, категорий и др. (принцип системности).

4. Содействие всех частей системы тому ее элементу, который в определенный момент выполняет важнейшую роль (принцип целостности).

5. Выявление возможностей педагогических работников образовательных организаций вуза для определения их максимально полного участия в совместной образовательной деятельности (принцип информативности).

Характерными чертами заложенной в модели авторской концепции последовательного формирования существенных свойств военного специалиста, обеспечивающими ее универсальность, являются:

- инвариантная взаимосвязь ее существенных компонентов и ресурсов;

- системно реализованная в ней возможность внедрения на ключевых направлениях деятельности современных педагогических технологий.

Управляемыми параметрами в задаче оптимизации являются технологии обучения с выходом на современные эффективные формы образовательного процесса и номенклатура ресурсов (в соответствии с ГОСТ Р ИСО 9004:2001). К ресурсам можно отнести работников, инфраструктуру, информацию и финансовые ресурсы.

В рамках предлагаемой модели органы, осуществляющие практическое руководство военным образованием (МО, ГУК, УВО и т. д.), вообще говоря, могут быть объединены под категорией «внешние факторы». Они определяют порядок организации работ через формирование комплекса директивных документов по подготовке офицерских кадров на основе требований ФГОС к квалифицированному военному специалисту.

Применимость такой модели будет зависеть от того, насколько полно и корректно она будет описывать содержание и взаимосвязь основных аспектов деятельности военной образовательной организации.

Очевидно, модель системы работы вуза будет эффективной, если она:

- корректно отражает общую картину и структуру организации и обеспечения образовательного процесса;

- методически обеспечивает адекватное содержательное наполнение ее компонентов в ча-

сти формирования профессиональных качеств офицера-специалиста;

– открыта для внедрения в практику образовательной деятельности эффективных технологий обучения, передовых педагогических методов.

Тогда творческая функция субъекта, на практике реализующего предложенную модель, по существу, заключается:

– во-первых, в обосновании позиций, характеризующих различные аспекты формирования военного специалиста (категории, уровни, компоненты) и их взаимосвязи, исходя из предназначения и особенностей учебного заведения;

– во-вторых, в содержательном наполнении элементов образовательного процесса, существенных для подготовки квалифицированного военного специалиста в военной сфере.

Для успешного решения субъектом моделирования комплексной задачи подготовки офицера большое значение, безусловно, имеют корректный отбор и полнота первичной информации о проектируемом (модернизируемом) объекте.

Для этой цели используются, в частности, информационные блоки, заимствованные авторами из традиционной системы формирования офицерских кадров:

1. Элементы педагогической системы вуза, в первую очередь, постоянный (руководящий и научно-педагогический) состав и переменный состав.

2. Основные виды деятельности вуза (учебная, воспитательная методическая и научная работа, а также все виды обеспечения) [3–5].

3. Условия реализации новых образовательных технологий.

4. Основные аспекты формализации организации работы вуза.

Концепция модели представлена авторами как сочетание вербальной и функциональной составляющих единого целого – модели образовательной деятельности вуза.

Авторы раскрывают только общую структуру вербальной модели системы работы руководящего состава и научно-педагогических работников перспективного вуза. Функциональный аспект, отражающий формализованную совокупность согласованных по цели компонентов

жизненного цикла перспективного вуза, представлен отдельно.

А) Вербальная модель организации деятельности перспективного вуза.

В рамках предложенной концепции в вербальной модели организации перспективного вуза в тезисном виде представлены категории и уровни профессиональной деятельности военных специалистов, а также компоненты обучения курсантов в военных вузах.

Категории профессиональной деятельности военных специалистов.

1. Служебно-боевая категория в современных условиях охватывает:

– способность к принятию решений, организации взаимодействия и всестороннего обеспечения действий подразделений;

– навыки использования логических заключений при анализе информации, владения методами классификации и прогнозирования типовых ситуаций и т. п.

2. Организационно-коммуникативная категория предполагает наличие навыков:

– организации и сплачивания коллектива для выполнения задач;

– установления правильных отношений в ходе выполнения служебных задач при работе с подчиненными, с начальниками, сослуживцами и т. д.

3. Психолого-педагогическая категория ориентирована на формирование системы взглядов, убеждений, позиций, раскрывающих сущность воспитательной деятельности, в том числе в нестандартных ситуациях.

Уровни профессиональной компетентности военного специалиста.

1. Функциональный уровень актуализирует требование наработки практического опыта, включающего профессионально важные знания, умения, навыки и алгоритмы действий.

2. Реализация личностного уровня замыкается на мотивации обучаемых, их активном положительном отношении к профессиональной подготовке, на развитии свойств личности и ее способностей.

3. Интегративный уровень рассматривает профессиональную подготовку в контексте синтеза обучения, воспитания, развития курсантов, формирования профессиональных и

личностных компетенций, стремления курсантов к постоянному профессиональному росту и самосовершенствованию.

Компоненты формирования военного специалиста.

1. Мотивационно-целевой компонент служит для формирования личностного смысла, сопряженного с реализацией алгоритмов исполнения стандартных и нестандартных действий в предстоящей профессиональной деятельности (государственный заказ на подготовку специалиста).

2. Структурно-содержательный компонент определяет средства, методы и формы образовательной деятельности преподавательского состава при получении знаний обучаемым, выработке у него необходимых умений и навыков, учитывает специфику деятельности военного специалиста.

3. Функционально-деятельностный компонент является основой обучения курсантов. Здесь происходит поэтапная систематизация образовательной деятельности. Каждый из этапов соотносится с определенным набором методов, приемов и форм образовательной деятельности, а также имеет свое педагогическое обеспечение.

4. Оценочно-результативный компонент представляет собой средство оценки выполнения требований образовательного процесса и полноты усвоения основной профессиональной образовательной программы в контексте основных компонентов профессиональной подготовки будущих офицеров, каждый из которых характеризуется низким, средним и высоким уровнями.

Б) Функциональная модель системы работы военного вуза.

На стадии оптимизации функциональной модели деятельности конкретного военного образовательного учреждения субъектом определяются:

– во-первых, организационные и педагогические условия, компоненты образовательного процесса, обязательные для полноценного формирования квалифицированного специалиста;

– во-вторых, детерминированные связи и отношения между элементами образовательного процесса (управление, преподавательский

и инженерно-технический состав, обучаемые, учебная база и т.д.).

Концепция модели в функциональном аспекте (функциональная модель) на операционном уровне отражает объективно действующие существенные взаимосвязи представленных в вербальной модели компонентов образовательного процесса вуза.

Она представляет собой формализованную совокупность согласованных по цели компонентов жизненного цикла, отражающую деятельность вуза на основе обеспечения взаимодействия нескольких процессов, направленных на получение заданного результата.

Это, на наш взгляд, позволит в ходе внедрения предложенной модели:

– представить возможные варианты организации управления в зависимости от содержания деятельности объекта управления (вуза) с учетом поставленных целей, имеющихся ресурсов и достигаемого результата;

– обосновать примерный состав и назначение элементов организационно-штатной структуры (ОШС) перспективного вуза (руководство, структурные подразделения, должностные лица и др.);

– определить направления деятельности вуза, внутри которых целесообразно внедрить элементы информационно-образовательной среды (ИОС).

В модели в общем виде представлены основные моменты, определяющие деятельность вуза и выводящие в итоге на внедрение современных технологий обучения и модернизацию содержания военного образования как такового.

Функциональная модель системы работы руководящего состава и педагогических работников перспективного вуза в виде структурной схемы представлена на рис. 1.

Сущность предлагаемой функциональной модели работы вуза, реализующей общественный запрос к полноте и качеству подготовки военного специалиста, заключается в следующем:

1. Система работы руководящего состава и педагогических работников перспективного вуза (училища) рассматривается с системных позиций как единое целое, все составляющие которого замыкаются на достижении общей цели.

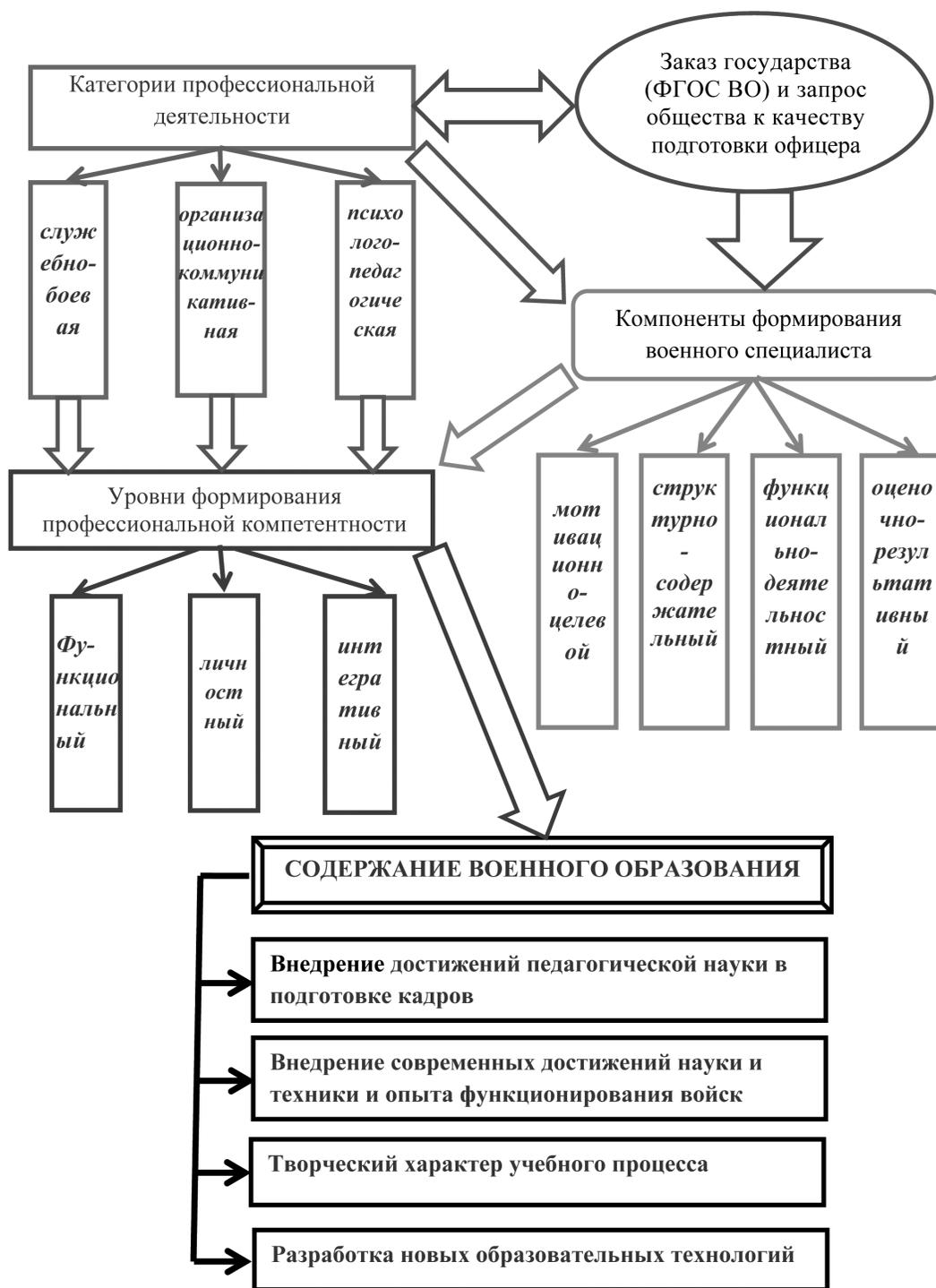

Рис. 1. Функциональная модель системы работы руководящего состава и научно-педагогических работников перспективного вуза

2. Структурные элементы моделируемой системы в рамках решения задачи – исполнения государственного заказа и общественного запроса к качеству подготовки военного специалиста – взаимосвязаны по условию: «каждый с каждым», т.е. в каждом элементе

модели в функциональном плане прослеживаются определенные стороны всех других элементов.

3. Обоснование обозначенных категорий профессиональной деятельности, уровней и компонентов формирования военного специ-

алиста целиком определяется социальным запросом к качеству подготовки офицера.

4. Уровни формирования профессиональной компетентности выпускника должны соответствовать требованиям ФГОС и рассматриваются как сочетание в объекте (в форме личностных качеств, компетенций, навыков и т.п.) обозначенных категорий профессиональной деятельности и компонентов формирования военного специалиста.

5. Набор и последующее конкретное наполнение компонентов формирования военного специалиста определяются заказом государства и особенностями будущей профессиональной деятельности выпускника вуза.

6. Содержание образовательной деятельности вуза и направления ее развития представляются как воплощение структурных составляющих моделируемой системы в творческой деятельности постоянного состава вуза, и обоснование внедрения в практику ее эффективных форм и элементов ИОС.

Предложенная модель представляет для субъекта моделирования реальную ценность как инструментарий при обосновании оптимальной организационной структуры вуза:

- при дальнейшей детализации компонентов образовательного процесса;
- при установлении концептуальных взаимосвязей и содержательном наполнении конкретных компонентов образовательного процесса, а также при реализации его прикладного аспекта в проектируемом (модернизируемом) вузе;

– для обоснования реальных направлений и вариантов внедрения современных технологий обучения и т. д.

Авторы основывали свои суждения на постулате о том, что управление вуза и преподавательский состав решают взаимосвязанные по цели самостоятельные задачи (управление, преподавание, обеспечение всех видов деятельности). Как известно, назначение и функции должностных лиц вуза, осуществляющих и обеспечивающих учебный процесс, определены в ОШС, в должностных инструкциях и иных локальных актах вуза. При этом квалификационные требования и содержание обязанностей данных лиц детерминированы и целиком обусловлены содержанием конкретных категорий, уровней и компонентов организации образовательного процесса, отраженных в модели, т.е. соответствующим образом в них прослеживаются.

Эффективность предложенной концепции определяется тем, с какой глубиной субъектом моделирования раскрыты ее структурные элементы на этапе разработки (модернизации) системы работы конкретного вуза, применительно к его особенностям.

Субъект, реализующий предлагаемую модель, в каждом конкретном случае сможет сформировать объективное суждение о том, на что в прикладном аспекте должна быть ориентирована система управления образовательного учреждения, чтобы вуз был способен добиваться поставленных целей и развиваться.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Иванов В.А. Соловьев В.М. О концепции формирования единого информационного пространства университетского комплекса. Инновационные методы и технологии в условиях новой образовательной парадигмы // Сборник научных трудов, Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. – 2012. – с. 52–56.
2. Организация и ведение образовательного процесса в высшем военно-учебном заведении: Сборник методических рекомендаций – М.: РИЦ ГШ ВС РФ, 2003. – 135 с.
3. Приказ МО РФ от 20 июня 2002 г. № 236 «О мерах по реализации Постановления Правительства РФ от 27 мая 2002 г. № 352». – М., 2002, – 28 с.
4. Приказ МО РФ от 15 сентября 2014 г. № 670 «О мерах по реализации отдельных положений статьи 81 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273–ФЗ Об образовании в РФ». – М., 2014. – 35 с.
5. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273–ФЗ «Об образовании в РФ» (с изменениями и дополнениями). – М.: 2012, – 25 с.

E.YU. SUHOVETSKAYA,
A.V. VINOGRADOV,
A.L. SNIGIREV

Е.Ю. СУХОВЕЦКАЯ,
А.В. ВИНОГРАДОВ,
А.Л. СНИГИРЕВ

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ КУРСАНТОВ ВУЗОВ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PEDAGOGICAL SUPPORT OF THE LEGAL EDUCATION OF CADET OF HIGH SCHOOL OF THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассмотрены вопросы педагогического обеспечения правового воспитания курсантов вузов войск национальной гвардии Российской Федерации. Авторами проведен анализ концепции компетентностного обучения и воспитания курсантов. Проведенное исследование позволило сконструировать и реализовать модель правового воспитания на основе компетентностного подхода в военном институте.

Discusses how to ensure legal education of cadets of pedagogical universities National Guard troops of the Russian Federation. The authors of the analysis of the concept of competence-based education and training of cadets. This study made it possible to design and implement a model of legal education on the basis of competence-based approach at a military Institute.

Ключевые слова: правовое воспитание, курсанты, войска национальной гвардии, компетентностный подход.

Keywords: legal education, students, National Guard troops, competence approach.

Коренные преобразования в различных областях общественной жизни, к сожалению, происходят на фоне роста преступности, характеризующейся быстротой и непредсказуемостью развития и масштабом последствий, в предотвращении которой именно войска национальной гвардии Российской Федерации играют важную роль.

Директор Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации — главнокомандующий войсками, генерал армии В.В. Золотов справедливо отмечает: «В последнее время различные террористические организации все чаще бросают открытый вызов обществу, предпринимают активные действия по дестабилизации обстановки в государстве. Одним из ответов на эту угрозу стало создание Федеральной службы войск национальной гвардии РФ, чьи подразделения способны эффективно решать возложенные на них задачи в любом регионе страны» [1].

В данных условиях социальной нестабильности государство и общество закономерно формируют социальный заказ на профессионально подготовленные кадры, которые будут готовы к качественному и эффективному выполнению

возложенных на них служебно-боевых задач и способны к быстрому и целесообразному принятию решений в сложных условиях.

В соответствии с п.4 ст.24 ФЗ «О войсках национальной гвардии РФ» военнослужащие (сотрудники) национальной гвардии должны иметь необходимую правовую подготовку. Учитывая, что образовательная функция предполагает необходимость соответствия современным требованиям, заданным действующим законодательством, в настоящее время повышается значимость освоения блока юридических дисциплин в системе подготовки офицерских кадров для Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации [2].

Принимая во внимание задачи, возложенные на войска национальной гвардии, становится очевидно, что выпускникам военных образовательных организаций необходимо обладать высоким уровнем сформированности компетенций в области правоохранительной деятельности.

В результате освоения программы специалитета выпускник в сфере правоохранительной деятельности должен обладать: способностью соблюдать и защищать права и свободы

человека и гражданина (ПК-8); способностью реализовывать мероприятия по получению юридически значимой информации, проверять, анализировать, оценивать ее и использовать в интересах предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений (ПК-11); способностью осуществлять профилактику, предупреждение правонарушений, коррупционных проявлений, выявлять и устранять причины и условия, способствующие их совершению (ПК-12); способностью осуществлять действия по силовому пресечению правонарушений, использовать для решения профессиональных задач специальную технику, оружие, специальные средства, применяемые в деятельности правоохранительного органа, по линии которого осуществляется подготовка специалистов (ПК-14); в педагогической деятельности должен обладать способностью осуществлять правовое воспитание (ПК-24) [3].

Профессиональные компетенции для эффективного выполнения служебно-боевых задач будущими офицерами войск национальной гвардии приобретаются в процессе обучения и воспитания.

На совещании с руководством Минобороны России в ноябре 2018 года Президент Российской Федерации В.В. Путин среди основных задач, наряду с совершенствованием боевой подготовки и перевооружением войск, определил необходимость уделять самое серьезное внимание воспитательной работе с личным составом. Это в полной мере относится и к Росгвардии [4].

В связи с этим педагогическое обеспечение правового воспитания будущих офицеров войск национальной гвардии выступает как актуальная научно-практическая проблема, целесообразность решения которой очевидна.

Как показывает практика, успешное решение служебно-боевых задач офицеров войск национальной гвардии зачастую зависит от уровня их правовой воспитанности, формирование которой интенсивно происходит в период обучения в военном вузе. Современный взгляд на образовательную деятельность в вузах войск национальной гвардии России позволяет увидеть, что правовое воспитание необходимо осуществлять комплексно, на основе компетентностного подхода. Тем не менее, несмотря

на значительную проработку проблемы правового воспитания курсантов военных вузов (Арсентьева Л.Г., Безносков Д.С., Бондуровский В.В., Глоба В.В., Давыдов П.П., Даничев Н.В., Канунникова Н.Г., Кейзеров Н.М., Кононов А.Н., Корякн В.М., Крыгина И.А., Олейников В.С., Прокон Н.С., Паршин В.Н., Ращупкин В.Г., Сальников В.П., Шумилин В.Н., Щеглов А.В. и др.), рассмотрение ее в вузах войск национальной гвардии с учетом компетентностного подхода в исследованиях представлено недостаточно.

Высшая военная школа в этом отношении интенсивно перестраивается в соответствии с требованиями времени. Проведенный анализ трудов ученых в области военной педагогики и психологии свидетельствует о необходимости оптимизации системы психолого-педагогического обеспечения военно-профессиональной деятельности в процессе подготовки офицерских кадров [5].

Основой парадигмы правового воспитания будущего офицера войск национальной гвардии, необходимой для его дальнейшей служебной деятельности, должен стать переход от концепции приобретения правовых знаний к концепции формирования компетенций, развивающих личность курсанта, дающих ему возможность успешно применять на практике полученные в военном вузе юридические знания в соответствии с требованиями общего и военного законодательства.

Выделенные аспекты названной концепции, присущей современному образовательному процессу военного вуза, определили проблему исследования, которая заключается в необходимости конструирования модели правового воспитания будущих офицеров войск национальной гвардии на основе компетентностного подхода, а также создания педагогических условий совершенствования правового воспитания.

В современных военно-педагогических исследованиях отмечается: «Моделирование процесса военно-профессиональной подготовки предполагает создание модели, отражающей динамику функционирования элементов системы исследуемого процесса. В модели должны быть отражены сведения о том, что требуется сегодня от специалиста, и какие задачи встанут перед ним в ближайшем будущем» [6].

Модель правового воспитания будущих офицеров войск национальной гвардии на основе компетентностного подхода — это совокупность всех основных частей, элементов процесса правового воспитания, обеспечивающих его определенный порядок и организацию, охватывающая, с одной стороны, различные категории обучаемых, с другой — деятельность педагогов по осуществлению данной функции. В систему правового воспитания входят такие элементы, как субъекты (органы, организации, специально уполномоченные государством лица, которые осуществляют деятельность по правовому воспитанию), объекты (отдельные курсанты или группы обучаемых), совокупность мероприятий, направленных на формирование компетенций и осуществляемых в определенных формах с использованием специальных средств и методов обучения, воспитания и морально-психологической подготовки к различным видам служебно-боевой деятельности.

Механизм правового воспитания на основе компетентностного подхода — внутреннее устройство процесса формирования профессиональных компетенций, «механика перевода» квалификационных требований офицера войск национальной гвардии в высокий уровень сформированности правовой воспитанности личности. В механизме правового воспитания представляется возможным выделить следующую последовательность: требования к компетенциям военнослужащих войск национальной гвардии РФ, выраженные в системе уставных норм; обязанности, формы и средства формирования профессиональных компетенций, которые необходимо обогатить правовыми знаниями, умениями и навыками, содержащимися в образцах будущей профессиональной деятельности.

При этом понятие «форма» выступает как внешнее выражение, оформление педагогического воздействия, его определенная внешняя организация, а «средство» представляет собой канал, источник профессиональной информации, с помощью которого осуществляется правовое воспитание в вузах войск национальной гвардии Российской Федерации.

В профессиональном обучении курсантов, как показывает исследование, необходимо:

— сконструировать и использовать в образовательной деятельности адекватную модель правового воспитания будущих офицеров на основе компетентностного подхода;

— активно использовать потенциал технологии правового воспитания;

— предусматривать гибкость обучения, т.е. адаптивность системы к потребностям будущей профессиональной деятельности;

— проводить тщательный отбор материала, предлагаемого к изучению, и подготовку планов и сценариев занятий, проводимых с использованием современных методов обучения;

— применять активные методы обучения (сочетание традиционных лекций с проведением деловых игр, тематических дискуссий, учебно-практических конференций, с применением в их процессе информационно-компьютерных технологий т.д.).

Опыт внедрения модели показал, что система может эффективно действовать, если созданы благоприятные педагогические условия.

К числу наиболее важных условий, выявленных опытно-экспериментальным путем, относятся:

а) повышение качества правовой воспитанности курсантов средствами обучения на основе компетентностного подхода;

б) подготовленность педагогических работников к правовому воспитанию курсантов;

в) организация методического обеспечения правового самовоспитания курсантов.

К другим условиям относятся усиление административных, материальных и социальных мотивов к добросовестной учебной деятельности.

Внедрение результатов исследования носило стадийный характер. На первом этапе исследования в практику внедрялись для апробации отдельные компоненты модели и создавались адекватные педагогические условия. Основу оптимизации предлагаемой модели составляли гуманизация отношений, включавшая улучшение коммуникации педагогов и курсантов, развитие системы переподготовки и повышения квалификации преподавателей, внедрение технологий правового воспитания в образовательную деятельность вузов Росгвардии.

Основными компонентами всех образовательных систем являются цель, содержание,

средства, методы, организационные формы и результат. Рассматривая процесс правового воспитания курсантов на основе компетентностного подхода как воспитательную систему определенного уровня, мы представляем сконструированную модель как сложную систему, состоящую из определенных взаимосвязанных элементов: цели, принципов, формируемых структурных компонентов военно-профессиональных компетенций — когнитивного, мотивационно-ценностного, рефлексивно-оценочного и профессионально-деятельностного, условий и технологии реализации, результата, отвечающего определенным требованиям высокой правовой культуры.

Цель разработанной модели определена как формирование высокого уровня правовой воспитанности будущих офицеров войск национальной гвардии. Под сформированностью правовой воспитанности будущих офицеров подразумевается способность и готовность применять правовые знания, умения, навыки и личные качества военнослужащего для успешной деятельности по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности». Она представляет собой творческую деятельность, соответствующую прогрессивным достижениям в правовом обеспечении национальной безопасности, благодаря которой и происходит постоянное профессиональное правовое обогащение будущего офицера войск национальной гвардии и достижение социальных целей.

Структурными элементами модели выступают: правовая ориентированность сознания, правовые знания, навыки и умения профессиональной деятельности, адекватная рефлексивно-оценочная и профессиональная деятельность субъектов образовательного процесса. Элементы, образующие профессиональную деятельность, одновременно выступают составными компонентами нескольких различных систем (общества в целом, войск национальной гвардии как профессиональной группы, коллектива, личности).

Сформированность правовой воспитанности выступает как результат целенаправленной, систематической деятельности, включающей содержание, средства, методы и формы профессионального обучения, воспитания и саморазвития, адекватные будущей служебной

деятельности выпускника вуза войск национальной гвардии.

Взаимодействие структурных элементов определяется действием выделенных нами принципов — культуросообразности, преемственности, интеграции, конкретно-исторического и комплексного подхода, координации и гуманизации, научности.

Принцип культуросообразности означает культуросообразность компонентов модели формирования правового воспитания. Эту закономерность подтверждает опыт наиболее успешных воспитательных систем. В данном случае модели системы воспитания предопределяются длительным этническим опытом, накопленным в российском суперэтносе и российской высшей военной школой.

Принцип преемственности требует такой организации правового воспитания, при котором то или иное мероприятие является логическим продолжением ранее проводившейся работы. Воспитательный процесс всегда обращен к целостной личности. Но в каждый отдельно взятый момент решается конкретная педагогическая задача. Связь и преемственность этих задач обеспечивает переход воспитуемых от простых к более сложным формам поведения и деятельности. Преемственность предполагает построение определенной системы и последовательности в правовом воспитании, так как его сложные задачи не могут быть решены в короткий срок.

Принцип преемственности заключается в установлении стабильной связи между отдельными сторонами и этапами профессионального обучения и воспитания. Проявляясь в преемственности образовательной деятельности вуза и дальнейшей профессиональной деятельности будущих офицеров, принцип преемственности формирует условия для военно-профессионального развития личности выпускника в ходе дальнейшего обучения в структуре дополнительного образования, повышения квалификации, военной академии или академии Генерального штаба ВС Российской Федерации.

Принцип конкретно-исторического подхода означает адекватность компонентов системы правового воспитания современному социокультурному контексту. Данный принцип предполагает адекватность сформированности ком-

петенций личности выпускника современным социокультурным условиями и действующим в сфере правового обеспечения национальной безопасности факторам.

Принцип комплексного подхода означает реализацию всех принципов и средств правового воспитания в неразрывном единстве. Интегрируются традиционные и инновационные подходы в процессе правового воспитания. Комплексность обеспечивает целостность педагогического процесса и его результата, устанавливает связь усваиваемых правовых знаний, умений, навыков, личностных качеств, ведет к усилению универсальности элементов педагогического процесса и гармонизации взаимосвязей между ними, способствует их объединению в рамках механизма правового воспитания.

Принцип гуманизации в рамках исследуемой нами проблемы рассматривается в двух направлениях. Во-первых, как основа гуманизации взаимоотношений между участниками процесса формирования профессиональных компетенций: признание ценности человека как личности, сотрудничество и сотворчество превалирует над авторитарными воздействиями, утверждая субъект – субъектные отношения. Во-вторых, реализация данного принципа предполагает гуманизацию образовательного процесса: гуманность целей, методов, средств обучающих и развивающих воздействий на всех этапах процесса правового воспитания курсантов.

Формирование правовой воспитанности будущих офицеров войск национальной гвардии – это сложный, поэтапный процесс, который зависит от организации соответствующих условий, под которыми нами подразумеваются теоретические и практические ориентиры, установки, способы, средства правового воспитания.

Значимым элементом модели являются формируемые структурные компоненты профессиональных компетенций личности – когнитивный, рефлексивно-оценочный, мотивационно-ценностный и профессионально-деятельностный.

Высокий уровень правовой воспитанности предполагает наличие определенной правовой теоретической базы. В связи с этим в структуре когнитивного компонента модели мы вклю-

чили правовые знания, психолого-педагогические знания, специальные военные знания, которыми курсанты должны овладеть в рамках изучения дисциплин, входящих в обязательную часть (базовую) и часть, формируемую участниками образовательных отношений (вариативную). Это обеспечивает возможность реализации программ специалитета, имеющих различную направленность (специализацию) в рамках одной специальности. Критериями сформированности когнитивного компонента служат полнота и системность правовых знаний, показателями которых являются: правильность применения знаний, их взаимосвязь и перенос (применение знаний в различных правовых ситуациях).

Рефлексивно-оценочный компонент представляет собой правовую психологию личности, ее отношение к социальной группе военнослужащих войск национальной гвардии, ее самооценку и самопознание с позиций профессиональной деятельности. Критериями сформированности служат: положительный эмоциональный настрой на правовую культуру, отвечающую уставным требованиям, стремление углубить знания, совершенствовать личностные правовые качества и профессиональные правовые умения, необходимые для реализации будущей служебной деятельности, развития саморегуляции и самоконтроля.

Мотивационно-ценностный компонент модели предполагает определенную направленность качеств личности выпускника, наличие установки на целенаправленную деятельность по правовому обучению, воспитанию и самовоспитанию, основанную на гуманном отношении и личностной готовности курсантов к данному виду деятельности. Критерием его сформированности является иерархия правовых ценностей и профессиональных ориентаций выпускника.

Профессионально-деятельностный компонент профессиональных компетенций представляет собой целостное образование личности, которое интегрирует рефлексивно-оценочный, ценностный и когнитивный компоненты. Содержание данного компонента выражается во внутренних (аналитических, прогностических, проективных и рефлексивных) и внешних (организаторских и коммуникативных) умениях.

Критериями сформированности профессионального компонента являются: эффективное применение полученных правовых знаний и умений, целесообразность, четкость, точность, своевременность выполнения профессиональных обязанностей, владение профессиональными умениями, необходимыми для реализации служебной деятельности по должностному предназначению, творческий подход будущего офицера войск национальной гвардии к их реализации.

Формирование предложенных структурных компонентов модели реализовывалось посредством:

- ориентации направленности цикла правовых знаний на изучение вопросов организации профессиональной деятельности в соответствии с действующим законодательством и войсковой практикой;

- внедрения технологии правового воспитания в образовательный процесс;

- активизации научно-исследовательской и методической работы педагогов в данном направлении;

- практики курсантов, организованной в соответствии с будущей специальностью в конкретных подразделениях Федеральной службы войск национальной гвардии (территориальных органах) по предназначению выпускника.

На основе сконструированной модели формирования предложена технология правового воспитания, которая подразумевает совокупность научно обоснованных методов и форм организации образовательного процесса, направленного на поэтапное формирование правовой воспитанности курсантов.

Использование технологии предполагает, что ее реализация обеспечит адекватный уровень правовой воспитанности выпускников (результативный компонент). Результатом является высокий уровень правовой воспитанности как интегральное образование личности, включающее: рефлексивно-оценочные качества, комплекс профессиональных мотивационно-ценностных отношений; комплекс правовых, педагогических и методических знаний; комплекс правовых умений и навыков, необходимых для будущей профессиональной деятельности.

Представленные части результативного компонента модели предполагают оценку уров-

ней их сформированности. Критериями определения уровня сформированности правовой воспитанности являются: развитие структурных компонентов, целостность и степень их взаимосвязи. Мы исходили из того, что каждый компонент может быть сформирован на четырех уровнях: оптимальном, допустимом, критическом и недопустимом. В основу определения уровня положены показатели сформированности компонентов модели, при определении которых мы исходили из того, что они должны представлять собой стандартные признаки, с помощью которых можно достаточно точно оценить уровень правовой воспитанности. В качестве совокупности критериев определения эффективности оценки сформированности показателей мы адаптировали для нужд нашего исследования уровневые критерии оценки компонентов педагогических систем И.К. Шалаева [7].

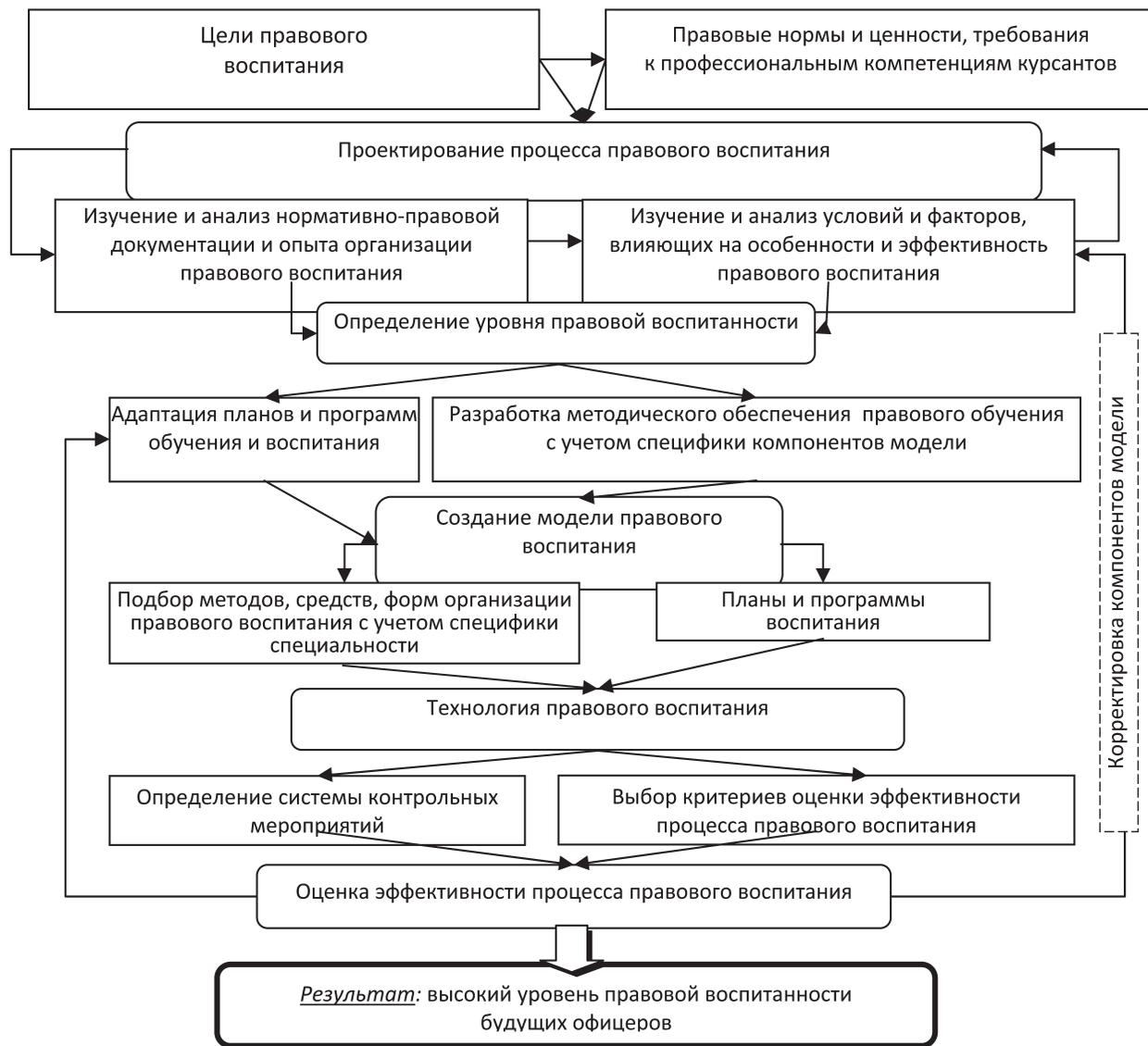
Разработанная нами модель правового воспитания будущих офицеров войск национальной гвардии, являясь теоретической конструкцией, потребовала своего практического воплощения и была реализована в образовательной деятельности вузов войск национальной гвардии РФ.

Механизм реализации модели правового воспитания курсантов на основе компетентностного подхода осуществлялась в последовательности, представленной на рис. 1.

Среди форм процесса правового воспитания курсантов войск национальной гвардии следует отметить профессиональное образование (юридическую подготовку по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности»); формирование личностных качеств в ходе воспитательной работы (лектории и кинолектории правовых знаний, тематические вечера по российскому законодательству, общественные юридические консультации).

Процесс формирования правовой воспитанности в рамках реализации модели дополняет освоение учебной составляющей воспитательной работой:

- проведение собраний с целью разъяснения законодательства в сфере военного образования, прав и обязанностей, правил внутреннего распорядка;

Рис. 1. Механизм реализации модели правового воспитания будущих офицеров войск национальной гвардии РФ на основе компетентного подхода

- активная профессионально-ориентационная деятельность;
- встречи с сотрудниками военных следственных органов, представителями военного суда и военной прокуратуры, офицерами юридической службы воинских частей войск национальной гвардии;
- работа электронной библиотеки, где курсанты имеют возможность изучать военную, специальную и правовую литературу, осваивать социальные и гуманитарные дисциплины;
- культурно-досуговые мероприятия (правовые викторины, конкурсы, вечера вопросов и ответов, встречи с командованием вуза и др.).

Реализация модели рассчитана на три этапа:

- подготовительный этап направлен на выявление уровня сформированности личностно-мотивационной сферы курсантов, выявление их вовлеченности в правовую сферу, их теоретической правовой осведомленности и подготовленности, реализации норм правового поведения;
- основной этап предусматривает приобретение правовых теоретических знаний, умений и практических навыков формирования профессиональных личностных качеств. Отличительной особенностью этого этапа является развитие у курсантов индивидуальных

правовых знаний, качеств и способностей, наличие которых придает их учебной деятельности профессионально значимый смысл и профессиональную ориентированность. На этой сформированной базе вырабатываются умения и навыки работы в команде, приобретаются военно-управленческие качества, готовность и способность исполнять обязанности помощника командира воинской части по правовой работе;

– заключительный этап ориентирован на побуждение курсантов к дальнейшему правовому самообразованию, самовоспитанию, са-

мосовершенствованию, к творческому применению правовых знаний, умений и навыков в повседневной жизнедеятельности и выбору конкретной сферы в будущей служебной деятельности в войсках национальной гвардии [8].

Таким образом, проведенный анализ педагогического обеспечения правового воспитания курсантов показал, что добиться высокого уровня правовой воспитанности возможно путем реализации модели, предусматривающей модернизацию учебно-воспитательной деятельности вузов войск национальной гвардии РФ на основе компетентностного подхода.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Лысюк С.С., Поспелов В.М. Краповый берет – вчера и сегодня. – М., 2017. – 334 с.
2. Сигирев А.Л., Шухова Н.В. Правовая подготовка выпускников вузов войск национальной гвардии Российской Федерации по противодействию и профилактике вооруженной преступности // Вестник академии военных наук. – 2017. – № 4. – с. 89–95.
3. Виноградов А.В., Суховецкая Е.Ю. Правовое воспитание как условие формирования профессиональной готовности будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации к правоохранительной деятельности // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2018. – № 3(16). – с. 169–175.
4. Рябчиков Н.Н. Задачи по профилактике преступлений и происшествий // Войсковой вестник. – № 6. – с. 29–34.
5. Королев Л.М. Психолого-педагогическое сопровождение системы профессиональной подготовки военно-авиационных кадров // Вестник академии военных наук. – 2017. – № 3. – с. 62–64.
6. Астапенко В.А., Савченко Ю.А. Методические основы построения перспективной модели военно-профессиональной подготовки специалистов боевого управления авиацией // Вестник академии военных наук. – 2017. – № 1. – с. 100–105.
7. Шалаев И.К. Мотивационное программно-целевое управление: основы теории и экспертиза эффективности: монография / И.К. Шалаев. – Барнаул: БГПУ, 2004. – 318 с.

V.F. LATA,
V.A. ANNENKOV,
V.F. MOISEEV

В.Ф. ЛАТА,
В.А. АННЕНКОВ,
В.Ф. МОИСЕЕВ

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО: СИСТЕМА ТЕРМИНОВ И ОПРЕДЕЛЕНИЙ

INFORMATIONAL COUNTERMEASURES: AGAINST THE SYSTEM OF TERMS AND DEFINITIONS

В статье предложен вариант формирования системы терминов и определений по информационному противоборству (борьбе) и содержание основных из них.

This article offers some versions for forming the system of terms and definitions on informational countermeasures (warfare) and allow the main contents of them.

Ключевые слова: информация, информационная борьба, информационное противоборство, информационная сфера, информационное оружие, информационный ресурс.

Keywords: information, informational warfare, informational countermeasures, informational sphere, informational weapon, informational resource.

Поле битвы будущего — это прежде всего информация

Николай Огарков [1]

Для описания языком дипломатии сложных процедур взаимодействия договаривающихся сторон, когда речь идет об уничтожении сложнейших технологических систем, требуется не только преодоление языкового барьера, но и адекватность понятийного аппарата применительно к объекту уничтожения, носителями которого и являются ученые и инженеры — создатели оружия.

Юрий Соломонов [2]

Информация на всех этапах исторического развития являлась объектом борьбы, которая велась практически во всех войнах [3, 4]. По мере становления информационного общества, глобализации информационных процессов и демократизации самого общества, при участии в социально-политической жизни все больших человеческих масс, стало очевидным,

что в социальной сфере сформировалось новое явление, основным содержанием которого является информационная борьба (ИБ). Эта борьба ведется постоянно как в мирное, так и в военное время, как между государствами (причем не только между государствами-противниками, но и между государствами-союзниками) при защите ими собственных интересов в ходе борьбы за зоны политического влияния, за рынки сбыта, за спорную территорию, за укрепление оборонной сферы и т.д.), так и внутри каждого государства в ходе борьбы за власть и деньги, за возможность управлять большими массами людей, за контроль над производством и за доходы от реализации произведенных продуктов.

Наиболее широкий взгляд на данную проблему предполагает непреходящее присутствие ИБ в той или иной форме на всем протяжении истории человечества, с момента возникновения вооруженной борьбы как таковой. Еще в древности полководцы, мыслители отмечали важность достижения победы без сражений. Сегодня правомерно утверждать, что XXI век

будет эрой информации, и что при прочих равных условиях достижение государством стратегических преимуществ будет зависеть от имеющихся у него информационных возможностей. В последнем контексте современная актуализация данного явления, вызванная, прежде всего, внедрением современных информационных технологий и формированием мирового информационного пространства, является лишь дальнейшим этапом развития ИБ.

Опыт ведения войн и вооруженных конфликтов последних лет заставил военных специалистов обратиться к глубокому анализу этого явления, а именно к анализу результатов воздействия информационных средств на функционирование боевых систем и комплексов, а также на способность вооруженных сил страны в целом вести боевые действия в современных условиях. В последние годы в печати появилась масса публикаций по проблематике информационного противоборства (борьбы) ИП(б) [5–13], что привело к появлению в военном лексиконе таких новых терминов и понятий, как информационная борьба, информационное противоборство, «информационная война», информационное оружие, информационный ресурс, информационное пространство, информационная сфера, информационная безопасность и др. Почти каждый из авторов дает свое определение тому или иному понятию. Это значительно затрудняет разработку единого понимания как проблемы в целом, так и ее составляющих, поскольку различное толкование сходных базовых терминов применительно к информационной сфере не позволяет правильно сформулировать «дерево» целей и четко установить этапы и сроки выполнения поставленных задач. В связи с чем назрела практическая потребность в формировании единой системы терминов, понятий и определений в сфере информационного противоборства, которая, с одной стороны, охватывала бы термины, понятия и определения, уже устоявшиеся в этой области, а с другой — была бы внутренне непротиворечивой.

В ряде работ [10, 12] предложен подход к формированию системы основных терминов, определений и понятий в области ИП(б), суть которого сводится к следующим положениям:

1. В качестве базовых терминов, определений и понятий необходимо использовать определения, не вызывающие принципиальных противоречий у многих исследователей, занимающихся различными аспектами ИП(б).

2. Содержание базовых терминов со временем необходимо будет уточнять и конкретизировать с учетом результатов исследований по более узким направлениям ИП(б). Попытки же получить сразу однозначные определения будут вносить неизбежную путаницу, противоречия и неоправданное создание все новых терминов, устраивающих исследователей.

3. Система терминов должна эволюционировать от общих (достаточно признанных) к специальным (уточняющим) терминам, образуя иерархическую структуру.

4. За первое базовое понятие в области ИП(б) следует взять понятие «информация» (от латинского *informatio* — разъяснение, изложение), которое без преувеличения можно отнести к важнейшим системологическим и философским категориям, поскольку оно на современном этапе одновременно включает три основных аспекта: обыденный, естественно — научный и философский.

В обыденном понимании информация — это сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые различными потребителями (человеком, другими живыми организмами или специальными техническими устройствами) для обеспечения целенаправленной деятельности.

В естественно-научном смысле информацию можно определить как свойство материи, состоящее в том, что в результате взаимодействия объектов между их состояниями устанавливается определенное соответствие. Чем сильнее выражено это соответствие, тем полнее состояние одного объекта отражает состояние другого объекта, тем больше информации один объект содержит о другом. При этом материальными носителями информации являются сигналы, в качестве которых используются состояния физических полей или объектов, а соответствие между сигналом и содержащейся в нем информацией устанавливается по определенным правилам.

В философском понимании понятие информация в настоящее время приобрело смысл

самостоятельной категории. Она рассматривается как фундаментальное свойство материи, являющееся аспектом свойства отражения.

Из множества определений термина информация остановимся на рассмотрении следующих определений.

Информация (в широком смысле) — свойство объектов (процессов) окружающего материального мира порождать разнообразие состояний, которые посредством отражения передаются от одного объекта к другому (пассивная форма) и средство ограничения и разнообразия и организации, т.е. управления, дезорганизации и др. [10].

Информация (в узком смысле) — сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления.

Рассмотрение вопросов подготовки и ведения боевых действий показывает, что для ИП(б) интерес представляет более узкое определение информации [10, 14].

А именно информация — это сведения об объектах и процессах любой природы, в том числе:

- обладающие определенной, зависящей от времени, полезностью для некоторого лица, принимающего решение (прагматический аспект);

- отражающие существенные (с точки зрения этого лица) свойства объектов или процессов с определенной степенью точности и достаточности (семантический аспект);

- представляемые с помощью определенной знаковой системы (синтаксический аспект);

- материально существующие с помощью вещественно-энергетических носителей (электромагнитные излучения, бумага, магнитные носители и т.п.).

Такое уточнение не противоречит данным выше определениям. Оно конкретизирует их и позволяет выделить основные уровни информационной борьбы:

- вещественно-энергетический — борьба на уровне носителей информации, то есть все виды скрытия информации и уничтожения информационных систем, каналов и информации в них;

- синтаксический — борьба на уровне структур знаковых систем, то есть все виды кодирования, использование шифров и т.п.;

- семантический — борьба на уровне смыслового содержания информации, то есть предоставление противнику бессмысленной или недостоверной информации (дезинформация);

- прагматический — борьба на уровне полезности информации, то есть либо изменения целей противника по отношению к использованию информации, либо предоставление ему бесполезной информации.

Информация существует и движется в некоторой части материального мира, которая называется информационной средой. Не следует путать геофизическое понятие «среда» и понятие «сфера», которое определяет границы взаимодействия сторон в конкретной «среде» (средах).

Движение информации в пространстве и во времени проявляется через процессы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, накопления, распространения и принятия решения, которые будем называть информационными процессами, а пространство, в котором они проявляются — «информационным пространством».

В [6] отмечается, что в информалогическом аспекте понимание термина «информационное пространство» базируется на определении информационной сферы.

Определим информационную сферу как часть информационной среды, в которой возникают, развиваются, существуют и исчезают информационные процессы, которые в свою очередь являются следствием взаимоотношений конкретных сторон (государств, коалиций государств, министерств, ведомств и др. субъектов) при решении конкретных задач.

Согласно [15], информационная среда информационной сферы включает следующие элементы (объекты):

- субъекты информационного взаимодействия или воздействия (люди, организации, системы);

- информацию, предназначенную для использования субъектами информационной сферы;

- технические средства, реализующие информационные технологии;

- информационную инфраструктуру, обеспечивающую возможность осуществления обмена информацией между субъектами;

— общественные отношения, складывающиеся в связи с формированием, передачей, распространением и хранением информации, и систему их регулирования.

Учитывая изложенное выше, содержание понятия «информационная сфера» можно определить как совокупность элементов информационной среды (информации, информационной инфраструктуры, субъектов информационного взаимодействия (воздействия), технических средств, реализующих информационные технологии, и механизмов регулирования соответствующих общественных отношений), размещенных на определенной территории и обеспечивающих формирование и существование информационных процессов, которые являются следствием взаимоотношений конкретных сторон (государств, коалиций государств, министерств, ведомств и др. субъектов) при решении конкретных задач.

Из изложенного выше следует, что понятия «информационная сфера РФ» и «информационное пространство РФ» являются синонимами, поскольку в них однозначно определены границы.

Для решения конкретных задач необходимы и определенные сведения, касающиеся как своих войск, так и противника, а также сведения о характеристиках среды, в которой взаимодействуют стороны. Эти сведения (информация), для удобства пользования ими, собирают в базы данных и соответствующим образом (с помощью технических средств, реализующих соответствующие информационные процессы) обеспечивают доступ к ним органов управления (лиц, принимающих решения), т.е. создают информационную систему.

Совокупность объединенных по определенному правилу информационных систем в некоторую надсистему для получения структурированной по определенному правилу информации в информационной сфере, предназначенной для органов управления (лиц, принимающих решение) для решения конкретных задач будем называть информационным полем.

В Военной доктрине РФ [16] стоит задача по «качественному совершенствованию средств информационного обмена на основе единого информационного пространства Вооруженных Сил, других войск и органов как

части информационного пространства Российской Федерации».

Уточним содержание и соотношение понятий «информационная сфера ВС РФ», «информационное пространство ВС РФ» и «единое информационное пространство ВС РФ». Выше было показано, что понятия «информационная сфера ВС РФ» и «информационное пространство ВС РФ» можно считать синонимами. А вот понятие «единое информационное пространство ВС РФ» имеет свои особенности (специфику), которые обеспечивают взаимодействие органов военного управления различного уровня при решении широкого круга задач в различных условиях обстановки.

Учитывая изложенный выше подход к формированию системы терминов, а также содержание терминов и определений, используемых в [16], содержание этого понятия можно определить следующим образом: единое информационное пространство ВС РФ — это информационное пространство ВС РФ, которое является частью информационного пространства РФ и представляет собой совокупность информационных полей, каждое из которых создано и функционирует на основе единых принципов и по общим правилам, обеспечивая информационное взаимодействие органов военного управления различного уровня (как по вертикали так и по горизонтали) в интересах стоящих перед ними задач в различных условиях обстановки и в соответствии с действующими нормативными правовыми документами.

При освещении взаимодействия противоборствующих сторон в информационном пространстве достаточно широко используется термин «кибернетическое пространство». Вначале это словосочетание использовалось в произведениях научной фантастики для описания прямого общения между мозгом и компьютером. В середине 1990-х годов в связи с глобальной информатизацией общества (развитием всемирной компьютерной сети) возникла принципиально новая среда взаимодействия противоборствующих сторон, которая получила название «кибернетического пространства».

Кибернетическое пространство не может быть признано видом реального физического

пространства. Оно существует лишь в нашем сознании, претендуя на отражение реального пространства, как вид виртуального пространства. Слово «виртуальный» (от латинского *Vir-tus* – сила, способность) – означает «могущий быть», но в действительности не имеющий места, существующий лишь потенциально.

Успешная практическая деятельность говорит о том, что кибернетическое (виртуальное) пространство достаточно адекватно отражает реальное пространство. Оно является элементом информационной среды и представляет собой среду особого рода, отличается от других сред (моря, суши, воздуха, космоса) своим искусственным, рукотворным созданием и нуждается в непрерывных усилиях по своему поддержанию.

Киберпространство как среда взаимодействует с другими средами является своего рода «связующей средой» для всех остальных сред, обеспечивая формирование единого образа обстановки, поскольку формируется и поддерживается такой образ непосредственно в киберпространстве. Киберпространство, не обладает протяжением, но оно непосредственно связано с реальным пространством, поскольку его инфраструктура (например, серверы) размещена в этом пространстве, а также в нем отображается образ реального пространства.

Из изложенного выше следует, что киберпространство – это вид виртуального пространства, которое достаточно адекватно отображает элементы реальной искусственно созданной информационной среды, как совокупности информационных структур, включающих телекоммуникационные сети, вычислительные системы, процессоры и контроллеры, встроенные в технические средства, играет роль «связующей среды» для всех остальных сред (море, суша, воздух, космос), обеспечивая формирование единого образа обстановки.

В средствах массовой информации и в нормативных правовых документах широко используются термины «информационная борьба», «информационное противоборство», «информационная война», «сетевая война». В одних случаях их применение связано с данью моде, а в других – с возрастанием роли и значения информационной составляю-

щей в отношениях между сторонами (государствами). Однако употребляя эти термины, авторы по-разному трактуют их содержание.

Термин «информационная война» появился в середине 1980-х годов в связи с новыми задачами вооруженных сил США, активно начал употребляться после проведения операции «Буря в пустыне» в 1991 году, а официально был закреплен в директивах министерства обороны США от 21.12.1992 года и Комитета начальников штабов ВС США TS 3600.1 как совокупность действий, предпринимаемых для достижения информационного превосходства в поддержке национальной военной стратегии посредством воздействия на информацию и информационные системы противника, при одновременном обеспечении безопасности и защиты собственной информации и информационных систем.

Раскрывая содержание понятия «информационная война» и обосновывая целесообразность его использования при описании нового явления, следует помнить, что ключевым словом этого понятия является слово «война». А война – это общественно-политическое явление, особое состояние общества, связанное с резкой сменой отношений между государствами, с переходом к применению вооруженного насилия для достижения политических целей. Состояние войны наступает с началом военных действий и прекращается с их окончанием. Согласно статье 18 закона «Об обороне», «Состояние войны объявляется федеральным законом в случае вооруженного нападения на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации». Наряду с вооруженной борьбой, которая составляет основное содержание войны, в военное время и предшествующий период могут также применяться экономические, дипломатические, идеологические, информационные и другие «невоенные» средства, которые в военное время принимают более ожесточенный характер [16].

Рассматриваемое нами явление имеет свою специфику (особенности):

– действия в рамках этого явления ведутся постоянно (в мирное время, в кризисных ситуа-

циях, при подготовке и в ходе войны), в различных сферах жизнедеятельности, как правило, специализированными (как военными, так и гражданскими) структурами и с использованием специфических действий и специальных средств;

- основная цель – достижение информационного превосходства путем влияния на информацию и информационные системы противостоящей стороны (противника) при одновременной защите собственной информации и своих информационных систем;

- объекты информационной сферы могут выступать и как объекты нападения и как объекты защиты;

- скрытность воздействия на противостоящую сторону и возможность масштабного применения специальных средств;

- возможность прямого воздействия на психику человека.

Масштабность применения, решительность целей, универсальность (возможность применять для решения широкого круга задач), эффективность воздействия, использование в различных сферах человеческой деятельности – все это позволило некоторым политикам и политологам говорить об этом явлении как об «информационной войне». Но это не война в классическом понимании этого слова, поскольку отсутствует ее главная составляющая – вооруженная борьба. Наиболее корректно говорить об этом явлении как об информационном противоборстве (информационной борьбе в военном деле). Об этом же говорит и президент академии военных наук генерал армии М.А. Гареев. Так, в [17, 18] он отмечает, что «В связи с наращиванием в международном противоборстве масштабов и эффективности информационных, ... и других невоенных средств воздействия, ... некоторыми учеными и политическими деятелями ставится вопрос о пересмотре сущности войны и некоторых фундаментальных основ науки о войне. «...предлагается пересмотреть определение самого понятия о войне, полагая, что любое международное противоборство, в том числе ... информационными средствами, является войной». «...предлагают, например, любое кибернетическое вмешательство в интернет и другие информационные акции считать равносильным объявлению войны, а такие ак-

ции осуществляются постоянно, то тогда все страны окажутся в состоянии перманентной войны друг с другом».

При определении содержания терминов «информационное противоборство» и «информационная борьба», видимо, следует исходить из необходимости учета следующих составляющих (элементов) этого явления:

- это, с одной стороны, характеристика взаимоотношений (противоречий) между сторонами в информационной сфере и одновременно совокупность действий (мероприятий), направленных на их разрешение;

- с другой – это совокупность (комплекс) мероприятий, проводимых определенными силами в информационной сфере с использованием специальных средств;

- проводимые мероприятия соответствуют единому замыслу и плану, направлены на достижение определенной цели (достижение информационного превосходства в сфере управления) и проводятся непрерывно как в мирное, так и в военное время;

- мероприятия, проводимые в рамках ВС РФ, согласуются с государственными органами;

- проводимые мероприятия обеспечивают специфическое воздействие на объекты противника или защиту своих объектов и, в конечном счете, обеспечивают достижение поставленной цели, т.е. достижение информационного превосходства.

Тогда понятие «информационное противоборство» можно определить, как состояние отношений между сторонами в информационной сфере, основным содержанием которых являются специфические воздействия на информационные объекты сторон и мероприятия по их защите от специфических воздействий противостоящей стороны с целью достижения информационного превосходства при решении задач по реализации своих интересов.

А под «информационной борьбой» будем понимать совокупность действий и мероприятий, проводимых войсками по единому замыслу и плану для завоевания (удержания) информационного превосходства за счет специфических воздействий на информационные объекты противника и защиты своих информационных объектов от его специфических воздействий.

Из изложенного выше, по мнению авторского коллектива, следует:

– термин «информационная война» целесообразно исключить из использования в официальных нормативных правовых документах, так как это не война в классическом понимании этого слова, поскольку отсутствует ее главная составляющая – вооруженная борьба;

– термин «информационное противоборство» целесообразно использовать при рассмотрении взаимоотношений между государствами в информационной сфере при их стремлении достичь информационного превосходства при решении задач по реализации (осуществлении) своих интересов;

– применительно к вооруженным силам целесообразно использовать термин «информационная борьба», который подчеркивает специфику информационного противоборства при подготовке и ведении военных (боевых) действий.

Термин «сетевая война» в нашей литературе появился в конце 1990-х годов в результате не совсем точного перевода английского термина «centric network – warfare». Более точный перевод соответствует понятию «сетевое обеспечение военных действий». Следовательно, речь не идет о каком-то новом виде войны, а о сетевом подходе (принципе) к подготовке и ведению военных действий. Согласно этому подходу, командование, воинские подразделения, каждый танк и солдат должны быть объединены в рамках боя (операции) одной информационной сетью. Это позволяет оперативно обмениваться информацией, а также получать все необходимые сведения о противнике. Реализация такого подхода позволяет повысить боеспособность и эффективность применения всех воинских подразделений.

От неточного перевода идет и неточное понимание или даже непонимание сути проблемы. И все же термин «сетевая война» уже прижился, и задача теперь заключается не в том, чтобы его изменить, а в том, чтобы его правильно понимать и употреблять. Понятие «сетевая война» является синонимом понятия «сетевое обеспечение военных действий».

Сетевое обеспечение военных действий есть совокупность взаимосвязанных по цели, задачам, месту и времени технических и организационных мероприятий, проводимых в войсках в мирное и военное время, по объединению сетей управления и связи, сетей разведки и средств поражения в единую военно-техническую систему с помощью целевого информационного поля.

Сетевое обеспечение военных действий значительно повышает боевые возможности войск при ведении военных (боевых) действий за счет своевременного обеспечения необходимой информацией распределенных в географическом пространстве на театре военных действий (ТВД) органов управления (лиц, принимающих решения) различного уровня и средств поражения.

Объектом воздействия в рамках информационного противоборства (борьбы) является информационный ресурс (ИР). Проведенный анализ показывает, что содержание этого термина в различных источниках [5–8, 19] трактуется по-разному, но в основном все сводится к совокупности массивов документированной информации (документов), то есть к информации уже полученной, объективированной и зафиксированной на материальном носителе.

Распространение определения ИР с таким содержанием на военную область недопустимо сужает смысл исследуемого понятия и представляется недостаточно практичным. Ведь самый значительный объем документированной информации является лишь частью всей информации, циркулирующей в органах управления и различных технических системах. Так, передаваемые распоряжения и команды (сигналы) по линиям связи, информация, например, от космических систем разведки, навигации и метеобеспечения не укладываются в понятие документа. Кроме того, в этом определении не учтены такие важные аспекты ИР, как возможности генерации, свойства делимости и воспроизводимости информации, сами технические системы, обеспечивающие информационные процессы, а также использующий эти системы персонал и лица, принимающие решения.

Уточним содержание понятия «информационный ресурс» применительно к военной об-

ласти. Основную смысловую нагрузку в этом понятии несет слово «ресурс». В словаре [20] указывается, что данный термин имеет французское происхождение (от фр. *ressource* «вспомогательное средство»), т.е. все, что используется целевым образом, в том числе это может быть все, что используется при целевой деятельности человека или людей и сама деятельность. Другими словами, это «совокупность средств, позволяющих с помощью определенных преобразований получить желаемый результат». То есть информационный ресурс – это совокупность элементов, размещенных в информационной сфере, которые обеспечивают формирование и протекание информационных процессов, т.е. формируют информационные возможности, которые, в свою очередь, определяют и обеспечивают государству (субъекту взаимодействия) достижение перед другими субъектами взаимодействия стратегических преимуществ при отстаивании своих интересов, а своим вооруженным силам вести военные (боевые) действия в современных условиях.

Тогда в содержание понятия «информационный ресурс» применительно к военной сфере следует включить информационные системы (включая человека-оператора и людей, принимающих решения), информационные каналы (образуемые системами-источниками информации, системами-получателями информации, а также среду существования (распространения) носителей информации) и собственно информацию, находящуюся и циркулирующую в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, банках данных), которые являются элементами информационного ресурса. Элементы информационного ресурса будем называть информационными объектами.

То есть информационный объект – это элемент информационного ресурса (организационные и технические системы, специальные устройства, лицо, принимающее решение и др.), обеспечивающий протекание информационных процессов, в том числе и процесс принятия решения. В зависимости от состава информационные объекты подразделяются на информационно-технические и информационно-психологические. К информационно-техническим объектам относятся инфор-

мационные объекты, в состав которых входят информационно-технические системы и средства, созданные человеком, а к информационно-психологическим объектам – информационные объекты, связанные с деятельностью человека, т.е. органы управления различного уровня, лица, готовящие и принимающие решения, операторы и обслуживающий персонал и др. субъекты.

Такая интерпретация ИР позволяет более четко определить цели ИП(б) и выбрать объекты противостоящей стороны и средства специфического воздействия на них для нарушения их нормального функционирования, а также обеспечить информационную безопасность (защиту) информационных объектов собственного ИР в интересах завоевания (удержания) информационного превосходства. Воздействие на информационные объекты обеспечивает поражение ИР противника. Тем самым решается задача, связанная не только с нарушением информационных процессов, но и с воздействием на саму информацию (ее достоверность, полноту, целостность, своевременность получения и др.). Защита же информационных объектов от специфических воздействий обеспечивает нормальное функционирование ИР в целом. В ходе ИП(б) на информационный ресурс (информационные объекты) оказывается специфическое воздействие, которые будем называть информационным.

Информационное воздействие – это воздействие на ИР (информационные объекты), целью которого является нарушение информационных процессов, в том числе и процесса принятия управленческого решения.

Информационное воздействие формируется и осуществляется с помощью специальных средств или устройств, которые в одних источниках получили название «информационное оружие» (ИО), а в других – «средства информационного противоборства (борьбы)». Причем эти понятия, особенно понятие ИО, трактуется по-разному, например, как:

1. Совокупность средств, применяемых для нарушения (копирования, искажения или уничтожения) информационных ресурсов на стадиях их создания, обработки, распространения и (или) хранения. А объектами его воздействия являются: программное и информаци-

онное обеспечение; программно-аппаратные, телекоммутиационные и другие средства информатизации и управления; каналы связи, обеспечивающие циркуляцию информационных потоков и интеграцию систем управления; интеллект человека и массовое сознание.

2. Средства уничтожения, искажения или хищения информационных массивов, добывания из них необходимой информации после преодоления систем защиты, ограничения или воспреещения доступа к ним законных пользователей, дезорганизации работы технических средств, вывода из строя телекоммуникационных сетей, компьютерных сетей, всего высокотехнологического комплекса обеспечения жизни общества и функционирования государства.

3. Совокупность информационных технологий, способов и средств информационного воздействия, предназначенных для ведения информационной войны.

4. Способы и средства информационного воздействия на технику и людей с целью решения конкретных задач.

Каждое из этих определений не в полной мере отражает содержание рассматриваемого понятия, поскольку:

- способ не может рассматриваться как инструмент воздействия на технику и людей (определения 3 и 4);

- в определении 3 используется понятие «информационная война», которое само является некорректным;

- информационные технологии в «чистом виде» не подходят под понятие «информационное оружие», поскольку согласно Федеральному закону [14] это «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов»;

- во всех представленных понятиях не в полной мере отражено предназначение оружия. Это средство для достижения и поддержания информационного превосходства в информационной сфере, а не только для нарушения (уничтожения, искажения или хищения информации) информационных ресурсов, то есть полностью исключена защитная функция.

Анализ содержания известных и апробированных понятий различного вида оружия [21,

22] позволил сформулировать понятие «информационное оружие» как совокупность технических, программных и иных специальных средств, конструктивно предназначенных для формирования информационных воздействий с целью нарушения информационных процессов за счет воздействия на элементы информационного ресурса (информационные объекты) особым образом организованных потоков излучений энергии различной физической природы или определенным образом подобранной и структурированной информации.

В настоящее время вместо понятия ИО целесообразно использовать понятие «средство информационного воздействия» (СИП), которое гораздо шире содержания понятия информационное оружие. Это объясняется тем, что информационное воздействие может быть сформировано не только специально созданным для этого средством.

Тогда под СИП следует понимать любые средства (техническое устройство, лингвистический и программный продукты, медикаментозный препарат и др.), с помощью которых можно сформировать и осуществить информационное воздействие на ИР (элементы информационного ресурса) противостоящей стороны или защитить свой информационный ресурс (элементы информационного ресурса) для достижения (поддержания) информационного превосходства в информационной сфере.

С учетом изложенного выше к СИП относятся:

- средства радиоэлектронной борьбы, включая средства технической дезинформации;

- специальные программные и другие средства воздействия на автоматизированные системы управления и электронно-вычислительную технику;

- психотропные генераторы;

- специальные фармакологические средства и иные средства воздействия на население противной стороны;

- средства массовой информации (в том числе синтезаторы аудио и видео – сообщений), создание голографических изображений в атмосфере.

Информационная борьба ведется с целью достижения информационного превосходства

в информационной сфере, в том числе и в сфере управления. Под информационным превосходством в сфере управления будем понимать превосходство: в своевременности, достоверности, полноте получения информации всеми органами управления; в скорости и качестве ее переработки и своевременности принятия решения; в своевременном и достоверном доведении принятых решений (приказов) до исполнителей и достоверном контроле за их исполнением.

Достижение информационного превосходства в сфере управления обеспечивается:

- наращиванием ИР и поддержанием его в состоянии, позволяющим принимать адекватные обстановке решения, также обеспечивать морально-психологическую устойчивость лиц, принимающих решение, и всего населения в интересах достижения политических целей;

- нейтрализацией (предотвращением или снижением) информационных воздействий противной стороны по ИР;

- согласованным с министерствами и ведомствами воздействием на информационный ресурс противостоящей стороны, обеспечивающим принятие политическим руководством желательных для РФ решений в политической, военной, технической, экономической и других областях.

Для определения степени защиты ИР (информационных объектов) от информационных воздействий широко используется понятие «информационная безопасность». Она стала важнейшей составляющей национальной безопасности всех ведущих стран мира, в том числе и РФ.

Уточним смысловое содержание этого термина. Ключевое слово здесь – безопасность.

Безопасность – это состояние объекта защиты (информационного объекта), когда воздействие на него вредных факторов (потоков вещества, энергии и информации) не превышает максимально допустимых значений, а объектами защиты являются как информационный ресурс в целом, так и его отдельные элементы. Тогда информационная безопасность – состояние объекта защиты (информационного объекта), при котором воздействие на него вредных факторов (информационных воздействий) не нарушает его нормального функционирования (отдельных элементов информационного объекта).

Вредный фактор – негативное воздействие на человека (оператора или лица, принимающего решение), которое приводит к ухудшению самочувствия, заболеванию или летальному исходу человека (оператора), а также на техническую систему, которое снижает ее функциональные возможности или выводит ее из строя.

Из вышеизложенного следует, что информационная безопасность государства (вооруженных сил государства) – это состояние защищенности его информационного ресурса (информационных объектов) от информационных воздействий, от преднамеренных и ошибочных действий персонала, участвующего в сборе, обработке, хранении и передаче информации, а также в подготовке и принятии решений в любой обстановке (в мирное и военное время).

Информационная безопасность обеспечивается либо устранением информационных угроз, либо при их наличии – обеспечением достаточной защищенности от них.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гареев М.А. Война и современное международное противоборство // НВО, 1998, № 1.
2. Соломонов Ю.С. Стратегическая цель. М.: ООО «Издательский дом А4», 2014. – 496 с. + 16 с. цв. вкл.
3. Волковский Н.Л. История информационных войн. В 2 ч. Ч 1/ СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. – 512 с.
4. Волковский Н.Л. История информационных войн. В 2 ч. Ч 2/ СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. – 736 с.
5. Барынкин В.М., Родионов М.А. Военно-теоретический труд «Понятийный аппарат теории информационного противоборства (информационной борьбы)». М.: ВАГШ, 1998. 91 с.
6. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. М.: МИФИ, 2003. – 338 с.
7. Прокофьев В.Ф. Тайное оружие информационной войны: атака на подсознание. Изд. Второе, расширенное и доработанное. Серия «Информационные войны». М.: СИНТЕГ, 2003. 408 с.

8. Панарин И.Н. Информационная война, PR и мировая политика. – М.: Горячая линия – Телеком, 2006. – 352 с.
9. Воронцова Л.В., Фролов Д.Б. История и современность информационного противоборства. – М.: Горячая линия – Телеком, 2006. 192 с.
10. Анненков В.И., Моисеев В.Ф., Баранов С.Н., Сергеев Н.А. Безопасность и противоборство в информационной сфере. – М.: РУСАВИА, 2010. – 447 с.
11. Новиков В.К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн. М.: Горячая линия – Телеком, 2011. – 264 с.
12. Анненков В.И., Баранов С.Н., Моисеев В.Ф., Харлахуп С.С. Сетецентризм: геополитические и военно-политические аспекты современности / Под общ. ред. проф. Анненкова В.И. Учебник. – М.: РУСАВИА. 2013.-496 с.
13. Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. – М.: Горячая линия-Телеком, 2018. – 496 с.
- ФЗ от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ
14. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
15. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 05 декабря 2016 г. № 646.
16. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.
17. Гареев М.А. Итоги деятельности Академии военных наук за 2012 год и задачи Академии на 2013 год // Вестник Академии военных наук. 2013. № 1(42), с. 8–21.
18. Гареев М.А. Система знаний о войне и обороне страны на современном этапе // Вестник Академии военных наук. 2013. № 2(43), с. 7–14.
19. Словарь терминов и определений в области информационной безопасности. Изд. 2-е, дополн. и перераб. М.: ВАГШ, 2008. 341 с.
20. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Мн.: Современный литератор, 2006. – 976 с.
21. Советская военная энциклопедия: [в 8 томах]. Т 8. М.: Воениздат, 1980. 687 с.
22. Федеральный закон от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии».

V.K. NOVIKOV,
S.V. GOLUBCHIKOV

В.К. НОВИКОВ,
С.В. ГОЛУБЧИКОВ

ФОРМЫ РАДИОЭЛЕКТРОННОЙ БОРЬБЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ELECTRONIC WARFARE FORMS IN MODERN CONDITIONS

Рассматриваются вопросы обоснования форм радиоэлектронной борьбы и даются их определения. Определены требования и условия обоснования форм радиоэлектронной борьбы Вооруженных Сил Российской Федерации.

In the article the problems of justifying the forms of electronic warfare are discussed and their definitions are given. The article also contains certain requirements and conditions for justifying the forms of electronic warfare of the Armed Forces of the Russian Federation.

Ключевые слова: радиоэлектронная борьба, формы радиоэлектронной борьбы, способы радиоэлектронной борьбы.

Keywords: electronic warfare, electronic warfare forms/forms of electronic warfare, types of electronic warfare.

Появление новых и разнообразных средств и технологий информационно-технических и информационно-психологических угроз (воздействий) и их источников (внутренних и внешних), применение которых возможно как в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии, так и в военное время в рамках нового технологического уклада — информационного, базирующегося на нано-, био-, информационно-телекоммуникационных технологиях и ядерной энергетике требует рассмотреть новые формы радиоэлектронной борьбы (РЭБ), которые бы соответствовали современным условиям ведения вооруженной борьбы.

Известно, что создание, развитие сил и средств для ведения боевых (военных) действий в мире осуществляется по двум основным направлениям:

- создание средств и технологий и определение сил по их применению, а далее обоснование форм и способов их совместного применения;

- обоснование форм и способов военных (боевых) действий, а под их реализацию — создание средств и технологий и определение сил по их применению.

Способы радиоэлектронной борьбы являются важной, но не единственной характеристикой применения сил и средств РЭБ. Способы РЭБ имеют внешнее выражение и, как обычно говорят, «выливаются» в различные

формы, отражающие организационную сторону использования сил и средств РЭБ для достижения ее целей и решения задач. Если способы РЭБ отвечают на вопрос, каким образом силы и средства РЭБ оказывают воздействие на противника, то формы РЭБ отвечают на другой вопрос: как действия организованы. Следовательно, способы и формы РЭБ — разные стороны одного и того же процесса. Они находятся в неразрывной взаимосвязи. Их нельзя смешивать между собой, отрывать друг от друга и тем более противопоставлять.

В общем случае формы военных (боевых) действий представляют собой структуру и упорядоченную совокупность связанных между собой боевых действий, направленных на достижение единой цели [1–3].

В свою очередь, форма применения сил и средств определяется целями, задачами, составом сил и средств, оперативным (боевым) построением, составными элементами, пространственно-временными характеристиками и другими параметрами.

По современным взглядам, военные (боевые) действия вооруженных сил в военных конфликтах могут проводиться в форме стратегического развертывания, стратегических операций по отражению воздушно-космического нападения противника, операции стратегических ядерных сил, стратегической воздушной операции, оборонительных, контрнаступа-

тельных и наступательных операций на ТВД, стратегических операций на океанских ТВД, операций, сражений, боевых действий, боев и ударов [2,3].

Из приведенных основных форм военных (боевых) действий следует, что они обладают различной степенью общности и тем самым учитывают не все особенности применения различных видов, командований и родов войск (сил) Вооруженных Сил Российской Федерации.

Исходя из вышеизложенного, можно дать определение, что следует понимать под формами радиоэлектронной борьбы.

Формы РЭБ представляют собой структуру или упорядоченную совокупность связанных между собой действий непосредственно сил и средств радиоэлектронной борьбы, сил и средств, выделяемых в интересах РЭБ, направленных на повышение эффективности (достижение успеха) выполнения боевых задач объединением (соединением, частью, подразделением) Вооруженных Сил Российской Федерации.

Основными формами применения сил и средств радиоэлектронной борьбы могут быть (рис. 1):

- радиоэлектронное прикрытие;
- радиоэлектронный удар;
- радиоэлектронно-огневой удар;

- радиоэлектронный бой;
- радиоэлектронно-огневой бой;
- радиоблокада;
- радиозавеса;
- электронная атака;
- радиоэлектронная дезинформация;
- радиоэлектронная маскировка;
- наблюдение;
- радиоэлектронно-психологический удар.

При обосновании форм РЭБ в качестве отправной точки воспользуемся формами ведения РЭБ в ВС США, к которым относятся (рис. 2):

- радиоэлектронный удар;
- поражающий радиоэлектронный удар;
- радиоэлектронно-огневой удар;
- радиоэлектронная блокада;
- удар средствами нелетального и летального оружия [4, 5].

При обосновании форм РЭБ будем учитывать определенные признаки и условия, которые можно разделить на:

- общие признаки и условия обоснования форм РЭБ (стратегические и оперативно-тактические);
- частные признаки и условия обоснования форм РЭБ (технические).

К общим признакам и условиям обоснования форм РЭБ (стратегические и оперативно-тактические) относятся:

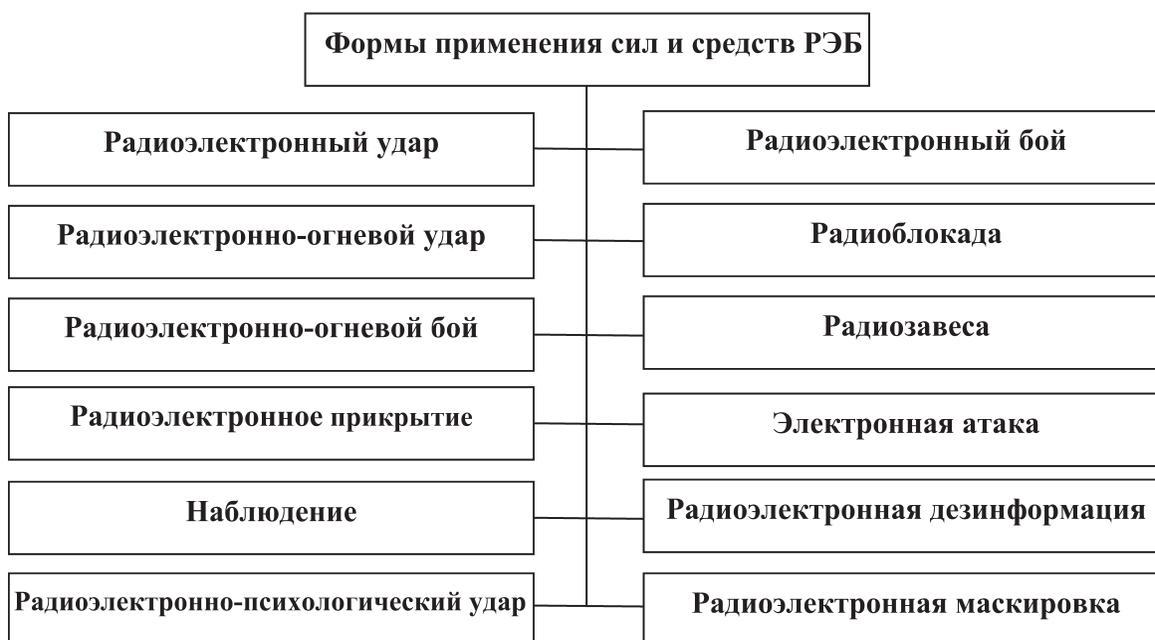
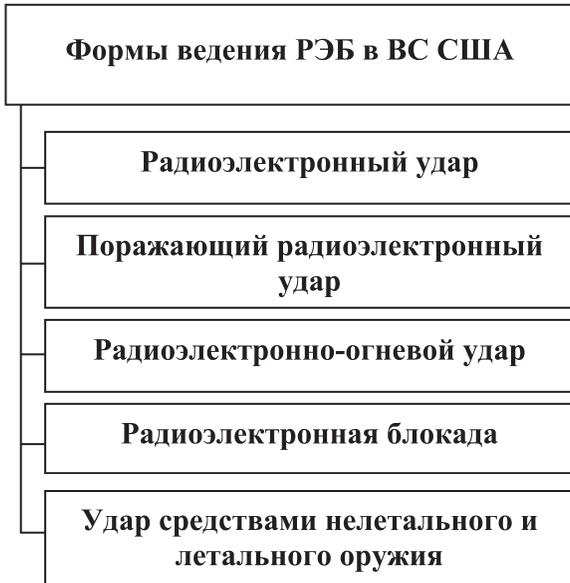

Рис. 1. Формы радиоэлектронной борьбы

Рис. 2. Формы ведения радиоэлектронной борьбы в ВС США

- уровень целей и решаемых задач;
- состав привлекаемых войск (сил), средств;
- размах действий в пространстве;
- продолжительность действий;
- содержание действий войск (сил) (формы, способы (приемы) действий, проявляемые в конкретных формах применения);
- масштаб маневра;
- уровень согласования действий;
- уровень управления силами и средствами.

К частным признакам и условиям обоснования форм РЭБ (технические) относятся:

- объект воздействия (защиты) – приемник и передатчик радиоэлектронных средств (РЭС), элементы радиоэлектронной аппаратуры, программное обеспечение (системное, прикладное, специальное), канал связи, среда распространения электромагнитных, акустических, гидроакустических и иных волн, органы ощущения и тело военнослужащего; диапазон используемых частот; мощность воздействия;
- программное обеспечение для создания деструктивных (вредоносных) программ.

На основании вышеизложенного дадим определения форм РЭБ.

Радиоэлектронное прикрытие объектов и войск (сил) – совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту и времени радиоэлектронных ударов, боев, радиозавес и радиоблокад, а также мероприятий радиоэлек-

тронной дезинформации и маскировки, компьютерных атак, осуществляемых по единому замыслу и плану силами и средствами РЭБ объединения, соединения, части и подразделения совместно с силами и средствами РЭБ соединений и частей других видов и родов войск ВС с целью прикрытия вооружения, военной техники, военных объектов (В, ВТ, ВО) и войск от разведки техническими средствами, прицельных ударов при применении противником обычных средств поражения и средств радиоподавления и функционального поражения в установленный период времени.

Радиоэлектронный удар – специфическая форма применения сил и средств РЭБ объединения, соединения, части и подразделения, а также сил и средств РЭБ других видов и родов войск Вооруженных Сил, заключающаяся в кратковременном мощном радиоэлектронном поражении элементов радиоэлектронной аппаратуры или подавлении приемников РЭС, поражении программного обеспечения, применяемых в технических средствах разведки, информационных системах и средствах управления войсками и оружием, системах и средствах радиоэлектронного подавления и функционального поражения противника.

Например, радиоэлектронный удар наносится соединениями, частями, подразделениями РЭБ по радиоэлектронным объектам (приемники радиолокационных средств (РЭС), программное обеспечение, элементы радиоэлектронной аппаратуры) высокоточного оружия противника при нанесении им ударов по объектам, расположенным на территории Российской Федерации, в ходе войны с применением обычных средств поражения. В ходе войны с применением ядерных средств поражения радиоэлектронный удар наносится по информационным системам противоракетной обороны (ПРО) противника путем применения активных и пассивных средств преодоления ПРО.

Радиоэлектронно-огневой удар – форма совместного применения сил и средств РЭБ с силами и средствами огневого поражения частей и подразделений и с силами и средствами объединений (соединений, частей, подразделений) воздушно-космической обороны (ВКО) и противовоздушной обороны (ПВО), а также

других видов Вооруженных Сил Российской Федерации, заключающаяся в кратковременном, мощном воздействии огневыми средствами и средствами радиоэлектронного поражения или подавления, применяемых по единому замыслу и плану на радиоэлектронные объекты противника, используемые в разведке техническими средствами и информационных системах и средствах управления войсками (силами) и оружием противника с целью их поражения (уничтожения) или подавления.

Радиоэлектронный (радиоэлектронно-огневой) удар может быть классифицирован:

- по количеству привлекаемых средств – одиночный, групповой, массированный;
- по количеству и типам подавляемых радиоэлектронных объектов – сосредоточенный, избирательный, сосредоточенно-избирательный;
- по времени нанесения удара – первый, второй, последующий;
- по очередности поражения или подавления радиоэлектронных объектов – одновременный, последовательный;
- по решаемым задачам – тактический, оперативный, стратегический;
- по типу применяемых средств поражения или подавления – информационный (помеховый), силовой, информационно – силовой, информационно – психологический.

Радиоэлектронный бой – совокупность согласованных по цели, задачам, месту и времени радиоэлектронных ударов, проводимых силами и средствами РЭБ объединения, соединения, части, подразделения совместно с силами и средствами РЭБ других видов и родов войск Вооруженных Сил по единому плану и замыслу в течение сравнительно короткого времени с целью радиоэлектронного поражения (уничтожения) элементов радиоэлектронной аппаратуры, поражения программного обеспечения или подавления РЭС, применяемых в технических средствах разведки, информационных системах и средствах управления войсками и оружием, системах и средствах радиоэлектронного подавления и функционального поражения противника.

Радиоэлектронно-огневой бой – совокупность согласованных по цели, задачам, месту и времени радиоэлектронно-огневых ударов,

проводимых силами и средствами РЭБ и силами и средствами огневого поражения собственных частей и подразделений и силами и средствами объединений (соединений, частей, подразделений) ВКО и ПВО, а также других видов Вооруженных Сил Российской Федерации, по единому замыслу и плану в течение сравнительно короткого промежутка времени с целью поражения (уничтожения) или подавления радиоэлектронных объектов, применяемых в информационных системах и средствах управления войсками и оружием противника.

Радиоблокада – форма применения сил и средств РЭБ совместно с силами и средствами радиопомех и радио- и радиотехнической разведки других частей и подразделений объединения (соединения) в взаимодействии с силами и средствами РЭБ и радио- и радиотехнической разведки (Р и РТР) других видов и родов войск ВС, проводимая по единому замыслу и плану и заключающаяся в радиоизоляции окруженных объединений, соединений, частей, подразделений, в том числе диверсионно-разведывательных групп (ДРГ), десантов и других вооруженных формирований противника или нарушении их внешних связей на длительный промежуток времени.

Радиозавеса – форма применения сил и средств РЭБ совместно с силами и средствами радиопомех и радио- и радиотехнической разведки других частей и подразделений объединения (соединения) в взаимодействии с соединениями (частями) других видов Вооруженных Сил Российской Федерации, командований и родов войск, проводимая по единому замыслу и плану и заключающаяся в создании массированных радиопомех в определенном диапазоне частот работы РЭС, используемых ДРГ и десантами, окруженными группировками войск противника, в ограниченном пространстве и на длительный промежуток времени.

Радиоэлектронная дезинформация – создание активных и пассивных ложных радиоэлектронных объектов и информационных средств АСУ и ЭВТ с целью введения в заблуждение разведки техническими средствами противника.

Радиоэлектронная маскировка – скрытие от технических средств разведки противника радиоэлектронных объектов и информационных средств АСУ и ЭВТ, применяемых

в системах управления войсками (силами) и оружием, вооружении, военной технике и военных объектах.

Электронная (компьютерная) атака – стремительное, решительное скоординированное действие на информационно-телекоммуникационную систему управления войсками и оружием, сеть ЭВМ, с целью захвата контроля над ними либо их дестабилизации, либо отказа в обслуживании, либо в поражении (подавлении).

Радиоэлектронно – психологический удар специфическая форма применения сил и средств РЭБ, а также сил и средств РЭБ объединений (соединений, частей, подразделений) других видов ВС и родов войск, заключающаяся в кратковременном, мощном воздействии на органы ощущения и тело военнослужащего (-их) средствами СВЧ излучений, света и звука.

Наблюдение – форма применения сил и средств комплексного технического контроля (КТК) объединения (соединения, части), а также сил и средств КТК объединений (соединений, частей, подразделений) других видов ВС и родов войск, представляющая согласованное по целям, задачам, месту и времени применение сил и средств КТК по контролю излучений искусственного и естественного происхожде-

ния, возникающих при применении В, ВТ, ВО и технических средств передачи и обработки информации (ТСПИ) на соответствие установленным обязательным требованиям и нормам, определенным в нормативных правовых актах министра обороны Российской Федерации, организационно-распорядительных документах командующего (командира, начальника).

Применительно к мирному времени, периоду непосредственной угрозы агрессии военному времени выбирается та или иная форма применения сил и средств РЭБ.

Таким образом, приведенные формы радиоэлектронной борьбы позволяют развивать средства и технологии РЭБ и силы по их применению, а их реализация на практике создаст условия для гарантированного выполнения задач, поставленных Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации и министром обороны Российской Федерации, установленных Военной доктриной Российской Федерации – стратегического сдерживания в целях обеспечения предотвращения развязывания любых войн и военных конфликтов против Российской Федерации, и мирнодинамичного социально-экономического развития на длительную перспективу [6, 7].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гузенко В.Ф., Морареску А.Л. Радиоэлектронная борьба. Современное содержание. – Радиоэлектронная борьба в Вооруженных Силах Российской Федерации – 2017. Тематический сборник, с. 1–2.
2. Энциклопедия Ракетных войск стратегического назначения / Под общ. ред. д-ра воен. наук проф. Н.Е. Соловцова. М.: РВСН; Белгород: Белгородская областная типография, 2009. – 860с.
3. Военный энциклопедический словарь ракетных войск стратегического назначения / Мин-во обороны РФ; гл. ред. И.Д. Сергеев, В.Н. Яковлев, Н.Е. Соловцов и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – 632с.
4. Михайлов Р.Л. Радиоэлектронная борьба в Вооруженных силах США: военно-теоретический труд. – СПб.: Научное издательство «Лань», 2018. – 131 с.
5. Макаренко С.И. Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века. Монография. – СПб.: Научное издательство «Лань», 2017. – 546 с.
6. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

M.A. SHLYANTUNOV

M.A. ШЛЯХТУНОВ

ОБСТАНОВКА ПОД БЛОКАДНЫМ ЛЕНИНГРАДОМ К НАЧАЛУ ЯНВАРЯ 1943 ГОДА

THE SITUATION IN LENINGRAD BY THE BEGINNING OF 1943

В статье рассмотрены особенности тактических действий советских войск во время проведения наступательной операции с целью прорыва вражеской блокады Ленинграда. Автор проанализировал оснащение Ленинградского и Волховского фронтов, раскрыл функции войск Краснознаменного Балтийского фронта. Особое внимание в статье уделено оборонительным действиям фашистской армии, приводится оценка состояния их технической оснащенности. В ходе работы делается вывод о высоком уровне оборонительной системы немецко-фашистских захватчиков и высоком профессионализме, проявленном советскими бойцами. Подробно описываются особенности расстановки советских войск и сил противника. На основе анализа архивных документов становится ясно, что наступательная операция советских войск лишила немецкое командование возможности усилить свои войска на других участках фронта.

The article describes the features of the tactical activities of the Soviet troops during an offensive operation in order to break through the enemy closure of Leningrad.

The author has analyzed the equipment and munition of the Leningrad and Volkhov Fronts and studied the functions of the Baltic Front troops holding the Order of the Red Banner. Special attention is paid to the defensive actions of the fascist army and the evaluation of its material status is given.

During the work we can make a conclusion about the high level of fascists aggressors' defensive system and high professionalism displayed under the Soviet fighters.

The author of the article places the emphasis on the one of the fragments of an important event of the Great Patriotic War – preparation for lifting the the Siege of Leningrad. The main features of the deployment of the Soviet troops and the forces of the enemy in early January 1943 near Leningrad are de- scribed.

The maintaining an operation of an offensive operation to break the Siege of the city was motivated by the need of the alleviating a living conditions situation of city residents who did not stop working and defending the city.

Ключевые слова: наступательная операция, группировка войск, плацдарм, дивизия, автомобильная дорога жизни, Ладожское озеро, Ленинградский фронт, Волховский фронт.

Keywords: Offensive operation, grouping of troops, bridgehead, division, Road of Life, the Siege of Leningrad, Lake Ladoga, Leningrad Front, Volkhov Front.

В последние годы особенно острой становится проблема обсуждения и попыток переписать, переиначить историю Второй мировой войны, исказить ее достоверность. Поэтому столь важным становится пристальное внимание не только историков, документоведов, сотрудников архивов и средств массовой информации, но и потомков тех героев Великой Отечественной войны, которые смогли завоевать победу столь высокой ценой.

Подобные статьи, описывающие отдельные события Великой Отечественной войны, с детальным анализом, с подробным описанием воинских подразделений, вооружения, расста-

новки сил, становятся жизненно необходимыми для предшественников, для достоверного и правдивого описания истории, для правильного воспитания подрастающих поколений. В настоящее время необходимо создавать условия для социализации молодых людей, осознания ими своей принадлежности к российской государственной, культурной, этнонациональной общности и понимания необходимости диалога между событиями прошлого и настоящего [2].

Поднятая в статье тема остается актуальной еще и потому, что в век информационных технологий у ученых и исследователей есть новые способы и источники получения засекреченной

или ранее потерянной информации, что порождает необходимость ее пристального изучения.

Заметим, данная тема не впервые исследуется автором статьи.

В последние десятилетия появилась обширная научная и публицистическая литература, посвященная снятию блокады Ленинграда, раскрывающая сложный драматический процесс с колоссальными жертвами, напряженным изнурительным трудом, патриотизмом, который в конечном итоге и определил исход Ленинградской битвы. Не так давно вышли в свет работы Кутузова А.В. «Блокада Ленинграда в информационной войне», Бутова А. В. «Блокада день за днем», Ежова М. В. «Духовный подвиг защитников Ленинграда», Бешанова В.В. «Ленинградская оборона», Лурье Л.Я. «Ленинградский фронт».

В работе поднимается одна из важных проблем наступательной операции при прорыве блокады Ленинграда: проблема расстановки войск, технической оснащенности как советских войск, так и немецких захватчиков. Сравнительная характеристика дает понять, что стратегическая подготовка Красной армии была выше, что способствовало благополучному исходу проводимой операции. В статье использованы общенаучные теоретические методы и практические, а также частно-научные исторические методы, такие как ретроспективный, хронологический и конкретно-исторический методы.

Широко развернувшееся в начале января 1943 г. наступление советских войск на юге приковало к себе все основные силы и резервы противника, лишило немецко-фашистское командование возможности усилить свои войска на других участках фронта и, в частности, под Ленинградом.

Это значительно облегчало проведение наступательной операции с целью прорыва вражеской блокады Ленинграда.

Активных наступательных действий наших войск под Ленинградом настоятельно требовали также и тяжелые условия жизни городегероя. Связывавшая Ленинград со страной автомобильная дорога по льду Ладожского озера, работая с максимальной нагрузкой, могла обеспечить лишь самые необходимые потребности города и фронта в продовольствии, боеприпасах и горючем. Снабжение Ленинграда в январе

1943 г. по сравнению с зимой 1941–1942 годов хотя значительно и улучшилось, однако население и войска продолжали работать и оборонять город в трудных условиях [9].

Положение и группировка войск Ленинградского и Волховского фронтов к январю 1943 г. были следующими. Ленинградский фронт, под командованием генерал-лейтенанта Говорова Л.А. и начальника штаба генерал-майора Гусева Д.Н., имел в своем составе более двадцати стрелковых дивизий: десять стрелковых, две лыжных и пять танковых бригад и четыре укрепленных района обороняли подступы к Ленинграду с севера на юг. 23-я армия оборонялась на Карельском перешейке против финских войск. Ораниенбаумский плацдарм на южном берегу Финского залива удерживала Приморская оперативная группа. Участок фронта южнее Ленинграда, от Урицкого до Пороги, обороняли 42-я и 55-я армии. На правом берегу Невы – от Пороги до Ладожского озера – оборонялась созданная на базе Невской оперативной группы 67-я армия. Частью сил армия удерживала небольшой плацдарм на левом берегу реки против Невской Дубровки и прикрывала с юга автомобильную дорогу на льду Ладожского озера.

Автомобильная дорога через Ладожское озеро прикрывалась входившей в состав армии 55-й стрелковой бригадой, подразделения которой занимали оборону на льду. В резерве фронта в районе Ленинграда находились одна стрелковая дивизия, одна стрелковая и одна танковая бригады. Войска фронта прикрывались с воздуха зенитной артиллерией и частями 13-й воздушной армии. Автомобильная дорога через Ладожское озеро прикрывалась Ладожским дивизионным районом ПВО [1, с. 240].

Краснознаменный Балтийский флот прикрывал подступы к Ленинграду с моря, обеспечивал фланги наших войск, оборонявшихся севернее и южнее Финского залива. Прикрытие Ленинграда и Кронштадтской военно-морской базы с воздуха осуществлялась Ленинградской армией противозенитной обороны [3].

Войска Волховского фронта, которыми командовал генерал армии Мерещков К.А. и начальник штаба генерал-лейтенант Шарохин М.Н., оборонялись между Ладожским озером и озером Ильмень. Всего в составе имелись тридцать четыре стрелковые дивизии, две лыжные и семь танко-

вых бригад. Прикрытие войск с воздуха обеспечивали две зенитные артиллерийские дивизии и истребительная авиация, входившая в состав 14-й воздушной армии Волховского фронта.

Войска Ленинградского и Волховского фронтов в течение ноября и декабря 1942 г., готовясь к предстоящей наступательной операции, вели разведку противника, совершенствовали занимаемые позиции, доукомплектовывались личным составом и вооружением и проводили напряженную боевую подготовку к наступательным действиям.

Немецко-фашистские и финские войска после провала их планов овладеть городом летом 1942 г. продолжали блокаду Ленинграда в надежде задушить голодом население города и его защитников.

В составе 18-й немецкой армии, занимавшей южные подступы к Ленинграду и оборонявшейся против войск Волховского фронта, имелось девятнадцать пехотных и три авиа полевых дивизии и одна пехотная бригада СС. Их этих 23 соединений противника только две дивизии были выделены в армейский резерв (96-я пехотная – в районе Мга и 13-я авиа полевая – в районе Чудово), а все остальные соединения находились в первой линии. На каждую дивизию приходилось в среднем по 20 км фронта. Для усиления некоторых направлений немецко-фашистское командование вынуждено было привлекать отдельные части из состава двух охранных дивизий, прикрывших тыловые объекты армии. Находясь под Ленинградом в течении 16 месяцев, гитлеровские войска создали против Ленинградского и Волховского фронтов сильно укрепленную оборону, развитую в инженерном отношении и насыщенную большим количеством огневых средств [6, с. 136–140].

Наиболее плотными боевые порядки противника были на шлиссельбургского-синявинском выступе, представлявшем собой один из важнейших участков кольца вражеской блокады Ленинграда. Оборонявшиеся здесь дивизии занимали участки не более 8–12 км по фронту.

По левому берегу реки Невы против 67-й армии Ленинградского фронта оборонялись 328-й пехотный полк дивизии, 170-я пехотная дивизия, 100-й полк 5-й горнострелковой дивизии и 2-й полк полицейской дивизии СС.

Против 2-й ударной армии и правого фланга 8-й армии Волховского фронта на линии Лип-

ка, Гайталово, Поречье оборонялись 227-я пехотная дивизия (без одного полка), 1-я пехотная дивизия, 374-й полк 207-й охранной дивизии и 425-й пехотный полк 223-й пехотной дивизии.

Всего к северу от линии Вороново, Мга, Пороги противник имел три пехотные дивизии и четыре отдельных полка. Кроме того, в резерве в районе Мга находились 96-я пехотная дивизия и 85-й полк 5-й горно-стрелковой дивизии.

Все эти дивизии и части противника были достаточно укомплектованы (численность немецких дивизий достигла 10 тысяч человек) и имели большой опыт ведения боевых действий на данном участке фронта. В составе этих войск противника имелось до 450 орудий разных калибров и 250 минометов, около 50 танков и штурмовых орудий. Средняя плотность артиллерийских средств достигла 27,4 орудия и миномета на 1 км фронта.

Местность в районе мгинско-синявинского выступа создавала выгодные условия для организации обороны противника. Заболоченный район синявинских торфоразработок, изрезанный глубокими канавами, затруднял движение танков и артиллерии. Расположенные вдоль дорог рабочие поселки с каменными постройками были приспособлены противником к обороне и являлись основой для опорных пунктов. Лесные массивы на флангах этого участка с командными высотами в районе Синявино способствовали маскировке, создавали условия для хорошего наблюдения за окружающей местностью и облегчали противнику организацию огня и контратак по флангам наступающего. Сплошной лес к югу от Синявино позволял врагу скрытно подтягивать резервы и части с соседних участков фронта [8].

Все пространство шлиссельбургского-синявинского выступа противник заполнил узлами сопротивления и многочисленными опорными пунктами, связанными между собой траншеями и отсеченными позициями.

Позиция противника, проходившая по левому берегу р. Нева, состояла из сильных узлов сопротивления в Шлиссельбурге, в 1-м и 2-м городках и опорных пунктов в Марьино, Арбузово, Анненское. Между этими узлами и опорными пунктами проходили три сплошные траншеи полного профиля, отдаленные одна от другой на 150 – 250 м.

Оборонительная позиция против 2-й ударной и 8-й армии Волховского фронта состояла

из сильных опорных пунктов в районах Липка, Рабочий поселок № 8, роши «Круглая», Гайтолово, Тортолово и Поречье. Между этими опорными пунктами по переднему краю проходила одна сплошная траншея.

Южное побережье Ладожского озера между Шлиссельбургом и Липкой контролировалось разведывательным отрядом 227-й пехотной дивизии. Здесь были построены огневые точки, а местами имелись проволочные и минные заграждения.

Сильные опорные пункты в Рабочих поселках № 1, № 5 и узел сопротивления в Синявино были соединены двумя линиями траншей, из которых одна была приспособлена к обороне фронтом на запад, а другая — на восток.

К северу от Мустолово, Синявино, Гонтовая Липка были оборудованы отсечные позиции, а южнее указанной линии — построены две тыловые позиции фронтом на восток: одна — на линии Рабочий поселок № 6, поселок Михайловский, Карбусель и вторая — по линии Мустолово, Мга, Сологубовка.

Оборона противника была сильно насыщена огневыми средствами. В среднем на каждый километр фронта приходилось по 20 — 25 огневых точек, каждая из которых имела 1 — 2 пулемета или малокалиберную пушку. Вдоль берега реки Невы, где каждое строение было приспособлено к ведению огня, количество огневых точек доходило до 30 — 40 на километр фронта [4, с. 83–84].

Все огневые точки врага были связаны между собой ходами сообщения и обеспечены большим количеством боеприпасов.

Там, где болотистая, мало промерзшая почва не позволяла производить отрывку окопов и ходов сообщения, противник построил дерево-

земляные и снежно-ледяные валы, приспособив их для ведения огня. На переднем крае с целью маскировки передвижения войск и техники противник установил вертикальные маски-заборы и плетни высотой до двух метров [5, с. 120].

Перед передним краем и перед позициями в глубине обороны противник создал минные поля, проволочные заборы, рогатки, надолбы и рвы. Высокие и крутые скаты левого берега Невы были минированы и местами покрыты льдом. Все препятствия находились под огнем автоматического оружия и минометов.

Таким образом, оборона противника непосредственно южнее Ладожского озера имела очень развитую систему полевых укреплений, была насыщена автоматическим оружием и артиллерией.

Для прорыва этой сильно укрепленной и плотно насыщенной огневыми средствами и живой силой обороны противника требовалось создание значительного превосходства в силах и средствах и особенно тщательная подготовка войск к прорыву.

В данной статье рассмотрена стратегия нападения и расстановки войск советской армии и немецко-фашистских захватчиков, а также изучение технического оснащения Красной Армии и армии противника. Подробный анализ и сравнительная характеристика позволила сделать вывод, что при прорыве блокады Ленинграда советская армия была хорошо подготовлена, имела выгодные огневые позиции. Кроме того, хочется отметить не только военную и техническую подготовку русских солдат, но и черты характера советских воинов — патриотизм, сплоченность, высокий боевой дух, готовность прийти друг к другу на помощь.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бешанов В.В. Ленинградская оборона. М.: ООО «Издательство АСТ», Мн.: Харвест, 2005. — с. 240.
2. Буров А.В. Блокада день за днем. Л.: Лениздат, 1979. с. 45.
3. Глинка В.М. Воспоминания о блокаде. СПб.: Лимбус-Пресс, 2015.
4. Григорьев В.Г. 270 дней и ночей. Ленинград. Блокада. 1941–1942 гг.: Воспоминания, размышления и кое-что из истории. 2-е изд. СПб.: [б. и.], 2013. — с. 83–84.
5. Каратышкин А.В. Операции советских вооруженных сил в период перелома в ходе Великой Отечественной войны, М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1958. с. 136–140.
6. Кутузов А.В. Блокада Ленинграда в информационную войну. СПб.: ГОУ ВПО РПА Минюста России, 2008.
7. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада, СПб.: Нева, 2004.
8. Лурье Л.И. Маляров. Ленинградский фронт, СПб.: БХВ-Петербург, 2012. с. 174.
9. Яров С.В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг., М.: Нестор-История, 2011. — с. 47.

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ

THE HISTORY OF THE ARCHITECTURE OF ORTHODOX CHURCHES OF MILITARY GLORY

Особое отношение к войне и воинской повинности в истории России обусловили традицию строительства храмов воинской славы как объективацию православной духовной парадигмы служения Отечеству. Эта традиция, возникнув в Древней Руси, по существу не прерывалась в российской истории, за исключением советского периода, и в настоящее время играет важную роль в реанимации духовно-нравственных основ развития народов Российской Федерации и обеспечении боеспособности вооруженных сил страны.

The special attitude to war and military service in the history of Russia led to the tradition of building churches of military glory as an objectification of the Orthodox spiritual paradigm of service to the Fatherland. This tradition, having arisen in Ancient Russia, essentially did not interrupt in Russian history, with the exception of the Soviet period, and currently plays an important role in reanimation of the spiritual and moral foundations of the development of the peoples of the Russian Federation and ensuring the combat capability of the country's armed forces.

Ключевые слова: война, духовность, православие, архитектура, храм.

Keywords: war, spirituality, orthodoxy, architecture, temple.

Архитектура православных храмов, воздвигнутых во славу русского оружия и в память доблестных защитников Отечества по-своему отражает военную историю России и являет нам особенности цивилизационных констант российских народов и их воинского духа. Война для России, в отличие от западноевропейских стран, не была промыслом, не преследовала экономических целей материального обогащения, а выступала моментом истины, мгновением исторического выбора между «быть и не быть». По своим смыслам война для русского человека, когда она случалась, была оборонительной и освободительной. Военная победа над вероломным врагом всегда имела особое духовное измерение, означала торжество жизни над смертью, и была делом всего народа, всеобщей воинской повинности, а не только специально отмобилизованных, вооруженных и обученных формирований. Поэтому и праздновалась всем миром.

Как отмечает наш современник, историк В.М. Никонов, срединное положение Руси между Востоком и Западом обрекло ей историческую судьбу евро-азиатского щита, первым принимающего на себя основной удар агрессора, с какой бы стороны он ни шел. И перед русскими народами испокон веков стоял выбор попасть в рабство или принять смерть на миру.

Русский человек выбирал второе, поэтому и защита Отечества была для него личным вкладом во всенародное дело, от которого он себя никогда не отделял [1.С. 235].

Развиваясь в указанном историческом контексте, формировались, укреплялись и утверждались отличительные для русского национального характера культурные архетипы, те самые духовные традиции, которые обрели исторический статус цивилизационных констант и нашли свое выражение в воинской культуре Древней Руси – России. Победы на полях сражений обеспечивались не только и не столько мощью фортификационных сооружений, уровнем вооружений и военной техники, воинским мастерством рядовых ратников и умом полководцев, сколько и прежде всего силой русского духа, массовым героизмом защитников Отечества. «Православное учение о бессмертии личной души, о повиновении высшим властям за совесть, о христианском терпении и об отдаче жизни «за други своя», - писал в своем известном Манифесте русского движения И.А. Ильин, - дало русской армии все источники ее рыцарственного, лично-бесстрашного, беззаветно послушного и всепреодолевающего духа, развернутого в ее исторических войнах и особенно в учении и в практике А.В. Суворова, и не раз признававшегося неприятельскими

полководцами (Фридрихом Великим, Наполеоном и др.)».[2.С. 326–327]

История человечества свидетельствует, что все народы стремились запечатлеть в монументальных образах важнейшие события своей жизни и, прежде всего, военные победы. Традиция такого рода архитектурных сооружений сформировалась в античные времена, и особое значение приобрела в жизни императорского Рима, где был установлен праздничный обряд – триумф полководца.

Исследования показывают, что, по сути, триумф представлял собой языческий обряд инициации, кульминацией которого выступал проход через арку, обращенный к архетипам коллективного бессознательного – восприятию мифологемы «входа», символизирующей преобразование полководца-победителя в божественного героя, и имеющий свои истоки в ритуальных традициях древних охотников. Эффект триумфа как победного торжества славы достигался, в соответствии с практикой античных праздников, путем облачения триумфатора в особый роскошный костюм, подобный одеянию статуи Юпитера Капитолийского.

В России традиция сооружения триумфальных арок, связанных с празднованиями военных побед, была заимствована в Западной Европе и привнесена в начале XVIII века Петром Первым. Многие русские и творившие в России известные зарубежные архитекторы занимались таким зодчеством: И.П. Зарудный, Д. Трезини, А. Монферран, Тома де Томон, Дж. Кваренги, А. Ринальди, К. Росси, Ю.М. Фельген, В.П. Стасов и другие [3]. Достигнув своего пика на рубеже XIX века, возведение триумфальных арок постепенно свелось к созданию памятников военной славы, не привязанных к осуществлению праздничного обряда в ознаменование конкретной победы и не предусматривающего собственно персональный триумф победителя. Триумфальные арки, воспевающие славу русского оружия, как и другие аналогичного назначения архитектурные сооружения – колонны, стелы и обелиски, стали играть роль доминант и композиционных центров в имперской градостроительной архитектуре. Характерным примером служит известное творение архитектора В.П. Стасова – Московские ворота в Петербурге. Большинство триумфальных арок было

построено в честь российских побед в войне 1812 года. В советское время строительство временных триумфальных арок имело место в годы Великой Отечественной войны. Так, в Ленинграде были возведены: арка победы на Московском шоссе, архитектор А. Гегелло, арка победы в Невском районе, архитекторы Д. Гольдгор и И. Фомин, арка победы в Кировском районе, архитектор А. Каменский [4]. Однако в последующем такого рода триумфальное зодчество своего развития не получило.

Можно предположить, что такая метаморфоза обусловлена в том числе непринятием русским православным сознанием и психологией античной праздничной традиции, языческой по своей природе. Если типичный античный храм – это прежде всего объем, воспринимаемый снаружи, своего рода архитектурная скульптура, предназначенная для «божества», мечеть – место молитвы, организованное «скользящим ритмом», который как бы «пробегают» мимо михраба, то христианская церковь организует пространство в качестве места священнодействия, где она собрана вокруг святыни – места совершения Евхаристии, а значит, Присутствия Божия [5.С. 174].

Исторически на Руси знаменательные победы, в соответствии с основами христианской веры, отмечались постройкой мемориальных храмов, которые имели значение триумфальных памятников. Наиболее характерен в этом роде храм Покрова Пресвятой Богородицы «что на Рву» в Москве, ныне широко известный как собор Василия Блаженного, воздвигнутый в качестве памятника победы над Казанским и Астраханским царствами.

Собор Покрова Пресвятой Богородицы «что на Рву» был построен царем Иваном IV в 1555–1561 годах по обету «как ему государю Бог поручил Казанское царство». Храмы, воздвигнутые по обету за одержанную победу, освящались обычно во имя тех святых, в день празднования которых произошло решающее сражение. Особенность собора Покрова на Рву в том, что посвящения его приделов были связаны не только с днем взятия Казани – 2 октября 1552 года, но и с другими днями, которые были отмечены важными событиями Казанского похода.

Помимо предела святых Киприана и Иустины, память которых празднуется 2 октября, то

есть в день взятия Казани, построены пределы святителя Григория Армянского, поминаемого 30 сентября, когда была взорвана Арская башня и одержана победа на Арском поле, а также преподобного Александра Свирского и святителей Александра, Иоанна и Павла Нового, поминаемых 30 августа, когда произошла битва с войсками царевича Епанчи. Посвящения других приделов имеют более общий характер и связаны с представлениями о заступничестве Божией Матери и русских чудотворцев, а также с историей Спасения рода человеческого [6].

Нововведения Петра Первого не только не прервали эту традицию, но и придали ей новое качество. Так, в Петербурге после разгрома шведов под Полтавой сооружается деревянная церковь, на месте которой затем, в 1728–1740 годах, выстраивается каменный Сампсониевский собор, по совпадению дня победы с церковным праздником Святого Сампсония (27 июня).

В память Гангутской победы и славной морской битвы у острова Гренгам в 1735–1736 годах в Петербурге строится Пантелеймоновская церковь. Историческая победа русского народа в Отечественной войне 1812 года отмечается сооружением Казанского собора. Первоначально задуманный как сугубо культовое сооружение, собор в дальнейшем обретает качество воинского мемориала, места погребения великого русского полководца М.И. Кутузова и размещения военных трофеев.

Часто такие храмы возводились на народные деньги. Итоговым памятником военных побед России на рубежах XVIII–XIX веков является собор Христа Спасителя в Москве, разрушенный в годы советской власти и восстановленный в новейшее время как память о героизме русского народа. Воздвигнутый по проекту архитектора К. Тона, храм является коллективным кенотафом воинов Русской императорской армии, погибших в войне с Наполеоном и зарубежных походах 1797–1806 и 1814–1815 годов.

Все многообразие православных храмов воинской славы условно можно разделить на две группы: построенные «по обету» и сооруженные как памятники победы русского духа. Отдельное место в церковном зодчестве занимают капитульные (орденские) храмы, посвященные святому-покровителю государственного ордена, либо имеющие престол с соответствующим

посвящением. В современном понимании такие храмы носили «клубный» характер для кавалеров соответствующих орденов: одним из обычаев орденских храмов было присутствие на обеде в день престольного праздника кавалеров соответствующего ордена в особых костюмах, а затем их совместная трапеза. На фасадах орденских храмов укреплялся знак соответствующего ордена. Всего в Санкт-Петербурге было 8 капитульных храмов, из которых следует выделить храм ордена св. Георгия Победоносца (церковь Рождества святого Иоанна Предтечи «Чесменская»), построенный в ознаменование победы русского флота над турецким в Чесменской бухте Эгейского моря в 1770 году.

Необходимо отметить, что храмовое сооружение осмысляется как модель мироздания, которое, согласно религиозным воззрениям, есть творение Божие. Храм также символизирует другое творение Господа – человека. Бытие человека предстает как исполнение неведомого ему плана Творца. Храм призван проповедовать мысль о небесной награде человеку, следующему наставлениям церкви [8.С. 495–496]. В части воинских храмов, традиция их строительства обуславливается ветхозаветной заповедью «ибо не от множества войска бывает победа на войне, но с неба приходит сила» [9].

Духовная реальность храма выражается в его архитектуре посредством символов. Исходя из догматического учения Православной Церкви о будущем преобразовании неба и земли в Царство Божие, храм в целом символизирует собой Небесное Царство, возвращенный оправданному человечеству Рай. Как отмечает игумен Александр (Федоров), канонические принципы в храмо-строительстве только отчасти сформулированы соборными правилами и отражены в святоотеческих текстах. Для архитекторов, по мимо традиционности, символической или иносказательной значимости форм, важна их функциональная обусловленность, включенность в глобальное стилевое направление. [5.С. 160–161]

Отмеченные принципы храмо-строительства имели свое особое выражение в архитектонике и пластике воинских храмов, решениях их интерьера и экстерьера, определяющих общую символику, архитектурные визуализации которых выводили за пределы обычного восприятия, к глубинам мироздания и места человека в

нем. Определяющую роль в этом играла воинская символика, военные реликвии и трофеи. Именно они, накладываясь на традиционную архитектуру храма, призывались для организации сакрального пространства воинского жертвоприношения.

Примером организации храмового пространства с использованием традиционной для православия символики цвета служит Казанский собор на Красной площади в Москве. Этот храм можно считать символом Церкви Воинствующей. Как отмечает Е.В. Лебедева, уподобление русских воинов ангельской коннице, выраженное цветами парадной военной формы XVII века — «золоченые латы, красные плащи и белые с золотыми концами крылья». Эти цвета соответствуют описанию в Апокалипсисе Христова воинства небесного, сражающегося со Зверем и его «лжепророком». «Царь царей и Господь господствующих» восседает на белом коне и облачен в «одежду, обгаженную кровию». Воинства его в белых одеяниях (виссонах) следуют за ним также на белых конях. Основная цветовая гамма Казанского собора — сочетание красного, белого и золотого цветов — совпадает с цветами одежды русской конницы и апокалипсического Войска Небесного и в данном случае символизирует Воинство Христово.

В византийской православной эстетике цвета имели символический смысл. Золото было символом Божественного сияния, Самого Бога. Красный цвет означал пламень, огонь, карающий и очищающий. Он также являлся символом Крови Христовой, искупающей грехи человечества. Белый цвет — цвет святости и чистоты, отрешенности от мирского, устремленности к духовной простоте и возвышенности. Кокошники символизировали Силы Небесные и пламенную, огненную веру. Глубинность символики соответствует замыслу Казанского собора как воинского храма православной Москвы — «щита и меча» России и всего христианского мира [6.С. 514].

Другой пример, связанный с формообразованием объемов сакральных пространств храмов воинской славы, можно найти в нереализованном проекте храма Христа Спасителя архитектора А.Л. Витберга. По его мысли, храм Христа Спасителя представлял собой человека, нижний храм — это тело и посвящался он, соответствен-

но, Рождеству Христа, который принял на себя смертную оболочку. Форма нижнего храма была решена им в форме гроба с тремя глухими стенами и окном на востоке, через него туда должен был проникать свет. По обеим сторонам этой части сооружения зодчий запроектировал длинные галереи, на их стенах предполагалось поместить всю историю побед 1812 года и главнейшие правительственные распоряжения того времени. Концы галерей завершали два бронзовых монумента, отлитые из захваченных русской армией неприятельских пушек. По мысли архитектора, нижний храм должен был стать усыпальницей погибших русских воинов [6.С. 16].

Средний храм олицетворял собой душу человека и по проекту имел форму равноконечного креста, словно молящийся человек возносит к небу руки, прося Господа о спасении. Храм предполагалось освятить в день Преображения Господня, когда за сорок дней до смерти Христос с учениками взошел для молитвы на гору Фавор. Верхний храм имел форму круга и олицетворял собой духовное начало человека. Бесконечность круга выражала величие духа, а обилие оконных проемов должно было делать храм светлым даже в пасмурную погоду. [10. С. 33–334]

Храм Христа Спасителя «На водах» в Петербурге, который был хранилищем реликвий русско-японской войны 1904–1905 годов, и, к сожалению, утраченный, являет нам подход к организации сакрального пространства с широким использованием воинских символов, атрибутов и реликвий [11]. В интерьере храма размещались небольшие иконы, бывшие на кораблях во время боев и спасенные перед их гибелью, в том числе и икона с легендарного «Варяга», сюда торжественно перенесли знамя бывшего Квантунского экипажа, находившееся в Порт-Артуре во время осады. В экспозиции были представлены также георгиевские кресты и другие военные награды, личные вещи, фотографии погибших моряков, документы и иные свидетельства событий русско-японской войны. В интерьерах храма все напоминало о его мемориальном значении: алтарная завеса в виде военно-морского Андреевского флага, изображения святых — покровителей кораблей. На стенах укрепили бронзовые мемориальные доски с названиями кораблей, с именами всех погибших в боях и умерших от ран моряков — от адмира-

лов до младших чинов. По рисунку академика Н.А. Бруни для алтаря была создана мозаика с изображением Иисуса, шествующего по водам, от которой и пошло народное название собора «Спас на водах». Все это позволило по-особому организовать храмовое пространство, наполнив его духом жертвенного воинского служения.

Одним из самых ярких воплощений идеи храма-памятника воинской славы, как итог развития полковых и судовых церквей, стал Кронштадтский Морской собор, возведенный в 1901–1913 годах в византийской стили по проекту архитектора В.А. Косякова на личные пожертвования моряков. Храм задумывался именно как памятник морякам и военно-морской славе России, о чем прямо указывал в своей записке на имя управляющего Морским министерством П.П. Тыртова главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал Н.И. Канзаков. В храме предлагалось разместить черные мраморные доски с именами всех деятелей флота и корпусов, принесших пользу родному флоту и науке, как на военном, так и на мирном поприще. Вместе с именами славных героев, принимавших участие в сражениях, указать и имена погибших при исполнении своих обязанностей. Планировалось сосредоточить трофеи морских побед, сохранившиеся знаменные флаги экипажей, иконы, как воздвигаемые в память погибших судов, так и пожертвованные в экипажи или на суда. При этом последние предполагалось хранить в особой ризнице при храме, с обозначением принадлежности кораблю или экипажу. А сам храм посвятить по имени Святого Николая Чудотворца, как покровителя моряков [12.С.35–37].

Выбор Святого Николая Чудотворца как одного из самых почитаемых в христианстве святых был не случаен, ибо он считается покровителем мореходства, странствующих и путешествующих. В этой связи, в организации сакральных пространств храма святителю Николаю специально посвящен цикл росписей: восемь больших фресок в нише галерей, изображающих чудеса, связанные с морской стихией: «Святитель Николай спасает от потопления моряков», «Святитель Николай воскрешает моряка», «Святитель Николай спасает от потопления патриарха Афанасия» и другие.

Важнейшую связующую роль в объединении разнотилевых сюжетов в единый ан-

самбль призвана сыграть орнаментика храма. Изобразительные композиции окружены орнаментальной живописью, в которой древние христианские символы соединены с морской тематикой. Наряду с традиционным христологическим значением (корабль – символ церкви, якорь – надежды, рыба – древнейшее олицетворение Христа) она имеет прямое отношение к значению собора как храма-памятника российскому военно-морскому флоту. И корабль, и якорь – атрибуты святителя Николая Чудотворца, покровителя моряков и всех по морю плавающих. [12.С. 270–272].

Как и многие другие храмы воинской славы, Кронштадтский Морской собор в советское время (1929 год) был закрыт и подвергся поруганию. В 2005 году, по инициативе кронштадтского Морского собрания, начались работы по воссозданию военно-морской святыни, после успешного завершения которых собор вновь обрел статус главного военно-морского храма.

В этом ряду следует упомянуть еще один храм-памятник кораблям Русской эскадры, построенный на личные пожертвования русских моряков, первую морскую православную святыню на африканском континенте – церковь во имя святого благоверного князя Александра Невского в г. Бизерта Тунисской Республики [13.С. 152 – 153]. Русская эскадра явила собой уникальный пример организованной эмиграции в Тунис, в то время французскую колонию в Африке. 33 корабля Черноморского флота Российской Империи во главе с линкором «Георгий Победоносец» спасли при последней эвакуации из Крыма около 150 тысяч русских людей.

Небольшой пятиглавый храм, сооруженный по проекту военного инженера Н.С. Сухаржевского в традициях суздальских и вологодских земель, стал единственным памятником Черноморской эскадры российского флота. В храме установлены мемориальные доски с названиями кораблей и именами морских офицеров русской эскадры, судовые иконы, флотские реликвии и документы. В качестве алтарной завесы использован Андреевский флаг, специально сшитый для этих целей женами и вдовами моряков. Подсвечниками первоначально служили снарядные гильзы. Долгое время в церкви хранился исторический Андреевский флаг с линкора «Георгий Победоносец», который в последствии был воз-

вращен в Россию, и в настоящее время находится в Казанском кафедральном соборе в Санкт-Петербурге, рядом с усыпальницей великого русского полководца М.И. Кутузова.

Специальное внимание при строительстве храмов воинской славы уделялось экстерьерам зданий и сооружений и целенаправленной организации прихрамовой территории. Так, в саду перед Николо-Богоявленским Морским собором в Санкт-Петербурге в 1908 году был воздвигнут Цусимский обелиск в память о погибшем в Цусимском сражении экипаже броненосца «Император Александр III». Вокруг Спасо-Преображенского собора сооружена ограда из ста двух трофейных турецких пушек, взятых после падения крепостей Варны, Шумлы, Силистрии и др. Главные ворота увенчали бронзовые медали с надписями «За турецкую войну 1828–1829 годов». Перед Свято-Троицким собором в 1886 году воздвигнут строгий памятник Славы в честь подвигов русских солдат в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Сложенный из 140 трофейных пушек, он завершался крылатой фигурой Победы с лавровым венком и пальмовой ветвью в руках. На семиметровом пьедестале памятника находились бронзовые доски с выбитыми на них наименованиями войсковых частей, участвовавших в войне [14.С. 204].

Необходимо отметить, что высшее военное начальство Российской империи уделяло особое внимание строительству военных церквей, как необходимому условию поднятия религиозно-нравственного воспитания в войсках. В 1900 Военный министр А.Н. Куропаткин в докладе на Высочайшее имя писал «представляется необходимым изыскать средства для постройки церквей при всех частях войск, в которых по штату положены священники, и для расширения существующих войсковых храмов, для чего необходимо разработать тип военной церкви». На подлинном докладе собственною Его Императорского Величества рукою было написано: «Дай Бог в скором времени удовлетворить религиозные нужды войск, что я считаю делом в высокой степени важным. 23 января 1900 года» [15.С.13–14]. Учрежденная по Высочайшему повелению особая комиссия при главном штабе выработала тип военной церкви, образцовой не по роскоши и убранству, а по вместительности и экономичности.

В результате, на период 1913 года, только в Санкт-Петербурге, наряду с уже имевшимися и построенными заново по военному ведомству, было три собора (Спасо-Преображенский всей гвардии, Сергиевский всей артиллерии и Свято-Троицкий лейб-гвардии Измайловского полка) и более 500 церквей (домовых, полковых, госпитальных, при тюрьмах и при военных учреждениях и военных школах). По морскому ведомству – два собора (Адмиралтейский святого Спиридона Тримифунтского и Николаевский-Богоявленский), а также в Кронштадте – Кронштадтский Морской собор с приписными церквями морской Богоявленской и Николаевской в манеже), 6 церквей, включая Церковь-памятник морякам, погибшим в войну с Японией («Спаса на водах») и Церковь Святой Живоначальной Троицы при Адмиралтейских Ижорских заводах в Колпино, а также около 30 судовых церквей на кораблях Балтийского флота (линкорах, броненосных крейсерах, крейсерах, учебных судах, транспортах и заградителях) [15].

Развитие храмового триумфального зодчества в России сформировало уникальную традицию – национальную архитектурно-художественную школу, в соответствие с которой в храме, наряду с прямым культовым назначением, органически сочетались функции музея, памятника и пантеона. К началу XX века в столице Российской империи в виде, по сути единого, кульгово-мемориального комплекса полковых храмов воинской славы была представлена вся доблестная история России. Благодаря своей образной выразительности, она обладала исключительной эмоциональной силой воздействия и воспитывала чувство патриотизма – любовь к Отчизне и гордость за свою страну и ее вооруженные силы. Не случайно в советское время именно эти храмы были в первую очередь уничтожены в основной своей массе (например, Сергиевский всей артиллерии собор, церковь Космы и Дамиана лейб-гвардии Саперного батальона, церковь Священномученика Мирония лейб-гвардии Егерского полка, Благовещенский собор лейб-гвардии Конного полка в Санкт-Петербурге, и другие), а оставшиеся немногие, например, Спасо-Преображенский и Николо-Богоявленский соборы, а также здание Свято-Троицкого собора лейб-гвардии Измайловского полка, были лишены статуса воинских.

Русская традиция храмового триумфального зодчества была восстановлена и получила дальнейшее воплощение в творчестве современных российских архитекторов. Первым храмом-памятником русской воинской славы, сооруженным в Москве в постсоветское время, стала церковь святого Георгия Победоносца, возведенная на Поклонной горе к 50-летию Победы над фашизмом, в том числе и как посвящение небесному покровителю великого полководца Г.К. Жукова, продолжив традицию смыслов русских воинских православных триумфов.

В настоящее время в Москве в парке Патриот возводится обширный храмовый комплекс, спроектированный в монументальном русско-византийском стиле, призванный символизировать духовность русского воинства, поднимающего меч только для защиты своего Отечества. Доминантой комплекса выступает Главный храм Вооруженных сил Российской Федерации. По замыслу создателей, храм воз-

двигается для единения всех православных верующих военнослужащих. Думается, создание такого комплекса имеет не только узкопрофессиональное, но и всенародное значение.

Смыслы строительства храмов воинской славы сегодня трудно переоценить. Россия, как уже бывало не раз, оказалась на перекресте исторических путей. Как тут не вспомнить известную картину В.М. Васнецова «Витязь на распутье». Глобальные вызовы и угрозы требуют мобилизации внутренних резервов страны, актуализации уникального цивилизационного наследия – духовного потенциала народов Российской Федерации. В этой связи Русская Православная Церковь в целом и проекты воинского храмостроительства в парадигме служения Отечеству выступают эффективным средством мобилизации воинского духа народа в качестве превентивной меры обеспечения обороноспособности и национальной безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? – М.: Издательство «Э», 2015. – 672 с.
2. Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию [; Спутник русского христианина-националиста] // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 9–10. – М.: Русская книга, 1999. – 512 с.
3. Пилявский В.И. Русские триумфальные памятники. – Л.: Знание, 1960. – 56 с.
4. Раскин А.Г. Триумфальные арки Ленинграда. Фотоальбом. – Л.: Лениздат, 1985. – 160 с.
5. Игумен Александр (Федоров). Церковное искусство как пространственно-изобразительный комплекс. – М.: Издательство «Статисъ», 2007. – 224 с.
6. Лебедева Е.В. Город храмов и палат. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006. – 704 с.
7. Крук М.П. Архитектура оборонной церкви в Посаде Рыботыцкой // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 86: Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи средневековья. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. – с. 130 – 150.
8. Неаполитанский С.М. Матвеев С.А. Сакральная архитектура мира. Созидательные принципы мировой гармонии. – М.: Амрита, 2013. – 608 с.
9. Библия. Ветхий завет. Первая книга Маккавейская, Глава 3, стих 19 // Электронный ресурс. Доступ: https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/synnew_ru/1ma/3-7
10. Гусаров А.Ю. Памятники в честь победы в Отечественной войне 1812 года. Во славу ратных дел. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2012. – 446 с.
11. Гусаров А.Ю. Памятники воинской славы Петербурга. – СПб.: «Паритет», 2010. – 400 с.
12. Гамлицкий А.В., Завьялова А.Е., Крестьянинов В.Я., Савельев Ю.Р., Соколов А.Р. Кронштадский Морской собор по имя Святого Николая Чудотворца. – СПб.: Фонд «Спас»; «Лики России», 2013. – 320 с.
13. Во имя святого князя: храмы, приделы, часовни и другие молитвенные места во имя святого благоверного великого князя Александра Невского в России и по всему миру: [в 3 кн., кн. 2.] / авт.-сост. Епископ Кронштадский Назарий (Лавриненко). – СПб.: Арт Деко, 2015. – 404 с.
14. Крюковских А.П. Петербургские храмы. – СПб.: «Паритет», 2013. – 432 с.
15. Цитович Г.А. Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание. В двух частях. Пятигорск.: Типо-литография А.П. Нагорова, 1913. – 520+40+XIV с.

E.V. ILINOV,
V.I. DEGTYAREV

Е.В. ИЛЬИНОВ,
В.И. ДЕГТЯРЕВ

ПРИМЕНЕНИЕ АВИАЦИИ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ В АФГАНИСТАНЕ THE USE OF AVIATION IN COMBAT OPERATIONS IN AFGHANISTAN

В статье анализируются задачи, особенности, способы применения авиации в боевых действиях в Афганистане.
The article analyzes the tasks, features and tactics of aviation use in combat operations in Afghanistan.

Ключевые слова: авиация, задачи, особенности, тактика, боевые действия.

Keywords: aviation, tasks, features, tactics, fighting.

Боевые действия на территории Афганистана проходили в сложных географических и климатических условиях. Большие перепады высот, невозможность в полной мере использовать в горах бронетанковую технику, отсутствие достоверных данных о расположении объектов противника, невозможность поражения огнем артиллерии и танков вынуждали войска вести боевые действия в рассредоточенных боевых порядках в пешем строю и с широким привлечением авиации для выполнения поставленных боевых задач. Именно поэтому в ходе войны резко возросли потребности войск в авиации для огневой поддержки наземных сил, воздушной разведки, обеспечения маневра силами и средствами, снабжения всем необходимым подразделений, действовавших нередко в высокогорных и труднодоступных районах. Практически в каждом бою общевойсковых подразделений и частей участвовала авиация. Все это обуславливало необходимость изыскания новых, нестандартных приемов, способов и форм ведения боевых действий войск и авиации [1].

Разгром крупных мятежных группировок на большой площади осуществлялся войсками путем окружения, рассечения и уничтожения противника по частям. По скоплениям мятежников внутри кольца окружения наносились массированные удары фронтовой и армейской авиации. Серьезную сложность для советских войск представляли боевые действия по уничтожению противника в пещерах и кяризах (подземные оросительные каналы). Обязательно проводилась тщательная разведка этих объектов, обнаруживались подходы и колодцы, осуществлялось их блокирование силами

мотострелковых подразделений, вертолетов и артиллерии. В сложных условиях, особенно в горах, применялись обходящие отряды, действовавшие при поддержке вертолетов [2].

Боевые действия в Афганистане велись не только на тактическом, но и на оперативном уровне. За десять лет войны проводилось несколько армейских операций в Панджшерском районе. Неоднократно группировка лидера моджахедов Ахмад-Шаха Масуда одновременно охватывалась с фронта, флангов и тыла. Это становилось возможным во многом благодаря широкому применению маневра по воздуху целыми батальонами и даже полками.

Своеобразный характер боевых действий наземных войск накладывал свой отпечаток на их взаимодействие с авиацией. Здесь важной особенностью являлся рост объема задач по авиационной поддержке войск на поле боя. Она занимала преобладающее положение в огневом поражении противника, особенно в горных районах. В операциях, проводимых сухопутными войсками, авиационная поддержка боевых действий войск организовывалась и осуществлялась по четырем периодам [3]:

- авиационное обеспечение выдвижения войск;
- авиационная подготовка атаки;
- авиационная поддержка атаки;
- авиационное сопровождение наступления войск в глубине.

Авиационное обеспечение выдвижения войск начиналось с их выхода из исходных районов и продолжалось до начала огневой подготовки атаки. Оно осуществлялось нанесением авиаударов по заранее заданным целям в уста-

новленное планом время. По базовым районам в полосе проведения операции наносился массированный авиаудар, а по наиболее важным целям планировался повторный удар. Для обеспечения выдвижения войск привлекалось до 60–70% сил фронтовой авиации и до 50–60% сил армейской авиации.

Авиационная подготовка атаки начиналась в назначенное время и проводилась до перехода войск в атаку. Она осуществлялась нанесением одновременно авиаударов по заранее заданным объектам на глубину задачи дня в установленное планом время в тесном взаимодействии с мотострелковыми и артиллерийскими частями и подразделениями. В ходе авиационной подготовки атаки основные силы фронтовой и армейской авиации, действуя в общем боевом порядке, наносили одновременный групповой удар по нескольким заранее заданным объектам в назначенное время. Основной его особенностью являлось одновременное воздействие по целям, находящимся на различном удалении друг от друга. Уничтожению подлежали как важные объекты, расположенные на переднем крае (огневые и зенитные средства, опорные пункты, крепости), так и в глубине (районы сосредоточения боевиков, штабы, объекты коммуникаций).

Авиационная поддержка атаки начиналась с выходом войск на рубежи перехода в атаку и продолжалась до овладения заданными районами обороны противника на глубину задачи дня. Поддержка атаки выполнялась из положения «дежурство в воздухе» и из положения «дежурство на аэродроме» силами армейской авиации в тесном взаимодействии с артиллерийскими и мотострелковыми частями и подразделениями. На основных направлениях в отведенный период армейская авиация осуществляла поддержку атаки из положения «дежурство в воздухе». После подавления основных огневых точек и средств ПВО авиационная поддержка сухопутных войск выполнялась, главным образом, экипажами вертолетов Ми-24, а в районах с превышением 2500–3000 м и более – экипажами самолетов Су-25. В отдельных случаях привлекались вертолеты Ми-8МТ. При действиях из положения «дежурство в воздухе» экипажам назначались зоны над боевыми порядками наших войск, в которых вертолеты занимали вы-

соты 1500–1800 м, а самолеты – 3000–3500 м над рельефом местности.

Авиационное сопровождение наступления войск проводилось на всю глубину задач, поставленных перед сухопутными частями и подразделениями. Оно осуществлялось поражением противника на основных направлениях, преимущественно нанесением последовательных ударов силами как фронтовой, так и армейской авиации. Боевые задачи решались, главным образом, по вызову. При необходимости осуществлялась высадка тактического воздушного десанта с задачей блокирования отходящих групп противника. Значительный наряд сил армейской авиации привлекался для доставки продовольствия и воды, обеспечения боеприпасами, эвакуации больных и раненых.

Авиационная поддержка атаки и авиационное сопровождение войск осуществлялись с привлечением вертолетов, а в районах с большим превышением (более 3000 м) – самолетов штурмовой авиации. Основными способами применения авиации в периоды авиационной поддержки атаки и авиационного сопровождения войск в глубине являлись последовательные удары по объектам, выявленным в ходе боевых действий, по вызову из положения дежурства на земле и в воздухе.

Боевые действия показали особую значимость огневого взаимодействия авиации с наступающими войсками. Объекты авиации были максимально приближены к атакующим подразделениям. Этим в наибольшей степени обеспечивался успех боя. Кроме того, в ходе боевых действий выявилась необходимость во время огневого поражения противника максимально сокращать временные интервалы между артиллерийскими и авиационными ударами, причем особое значение приобрело обеспечение взаимного опознавания и взаимной безопасности. Обычно в тех ротах и батальонах, где имелись авианаводчики, указанные задачи решались успешно. Без авианаводчиков, как правило, проявлялись несогласованные действия войск и авиации, отсутствовало взаимопонимание между командирами общевойсковых подразделений и экипажами вертолетов (реже – самолетов) [2,3].

Опыт подтвердил также особую важность получения достоверной информации о против-

нике, о его системе огня перед ударом авиации по объектам противника в кишлаках, «зеленых» зонах и особенно в высокогорных районах. Расположение огневых средств противника в пещерах, расщелинах скал, в дотах на склонах гор в значительной степени затрудняло, иногда и исключало, обнаружение огневых точек противника с помощью аэрофоторазведки и визуального наблюдения с воздуха. Отсутствие достоверных данных о системе огня противника являлось главной причиной неудачных действий войск и неоправданных потерь авиации.

Особенности боевых действий войск и авиации в Афганистане обуславливались комплексным влиянием факторов: состоянием, положением, возможностями своих войск и партизанской тактикой ведения войны противником; политическими, национальными, религиозными, природными условиями театра военных действий и его оборудованием в оперативном отношении. В ходе операции командирами авиационных частей и летным составом учитывались следующие особенности видения боевых действий [2,3,4]:

- необходимость четкого и своевременного взаимодействия с сухопутными войсками через авианаводчиков, группу боевого управления, оперативную группу ВВС или командный пункт ВВС;

- быстро меняющаяся тактическая обстановка, сложность воздушной и наземной обстановки в районе боевых действий и на аэродромах;

- сложность обозначения и определения переднего края, боевых порядков мотострелковых и воздушно-десантных подразделений, особенно в горных районах;

- сложность обнаружения целей экипажами, особенно в узких ущельях, каньонах, кяризах, пещерах, под карнизами и сводами;

- высокая напряженность использования авиации, особенно в первые дни проведения операции, требующая большого расхода ресурса, топлива и боеприпасов;

- нанесение авиационных ударов в непосредственной близости своих войск, что создавало опасность поражения их своими огневыми средствами;

- ограниченное применение авиации в узких ущельях и на высоте более 2500–3000 м;

- предельно ограниченное время на подготовку экипажей к боевому вылету. Нередко задачи уточнялись уже непосредственно в воздухе.

Наибольшее количество боевых задач по авиационной поддержке боевых действий сухопутных войск в Афганистане выполняла армейская авиация. Она привлекалась для решения ряда задач, которые по своему характеру подразделялись на три основные группы (формы): огневые, транспортно-десантные и специальные. Важнейшей огневой задачей являлась непосредственная поддержка боевых действий наземных войск. Основными способами боевых действий частей и подразделений армейской авиации при уничтожении противника в ходе авиационной поддержки войск на поле боя являлись последовательные удары подразделений (групп) вертолетов по заранее заданному или выявленному в ходе боевых действий объектам. Они наносились в заранее назначенное время или по вызову авианаводчиков из положения дежурства на аэродроме (площадке) или в воздухе.

Ведение боевых действий в горах накладывало большие ограничения на применение авиацией многих тактических приемов. Например, на высотах более 2500 м заметно снижались маневренные возможности вертолетов, падала точность и эффективность применения средств поражения. В этих условиях для борьбы с противником использовались такие тактические приемы, как полет к цели под прикрытием группы подавления средств ПВО противника, выход на цель с направления, не прикрытого средствами ПВО, выполнение атак с ходу, с максимальных дальностей и в минимальное время. Над полем боя вертолеты выполняли полеты на высотах 1500 м над рельефом местности. Снижение производилось только для проведения атаки, пуска ракет и стрельбы из пушек и пулеметов. В этих условиях хорошо зарекомендовал себя такой тактический прием, как «замкнутый круг» вертолетов. Выход из атаки и повторные заходы на цель в условиях ограниченного пространства осуществлялись боевыми разворотами в горизонтальной плоскости или поворотом на горке. Такой тактический прием выполнялся только летчиками, в совершенстве владеющими техникой пило-

тирования. При этом самыми эффективными средствами поражения были противотанковые управляемые реактивные снаряды в комплексе с залповым огнем неуправляемых ракет. За все время ведения боевых действий в Афганистане частями и подразделениями армейской авиации постоянно велся поиск новых способов и тактических приемов, среди которых [2,3,4]:

- полет по маршруту к цели на высоте 2000 м и более над районами, прикрытыми средствами ПВО;

- полет над районами, где средства ПВО подавлены;

- выход на цель с направлений, не прикрытых средствами ПВО;

- выполнение атак с ходу с максимальных дальностей в минимальное время;

- выполнение ложных атак с различными боевыми курсами;

- применение самолетов фронтовой авиации и боевых вертолетов Ми-24 для прикрытия вертолетов Ми-8МТ и Ми-26 при выполнении ими различных задач;

- тактические приемы: «пика», «обрыв», «горка», «петля», «забор», «каток», «клещи», «вилка», «звезда», «вертушка», «змея», «очки» и другие.

Практически впервые в истории советской армейской авиации в ходе войны в Афганистане возникла необходимость широкого применения воздушных десантов. Поэтому высадка тактических воздушных десантов и обеспечение их действий стала одной из важнейших задач, выполнявшейся вертолетами армейской авиации. Учитывая сложность, как высадки десанта, так и эвакуации его после выполнения боевой задачи, воздушные десанты высаживались на площади, предварительно обработанные авиацией и артиллерией. После высадки они стремительно овладевали господствующими высотами и тем самым обеспечивали своевременный выход к объектам наземных подразделений [2,3,4]. При получении задачи на десантирование командиром вертолетного подразделения оценивалась обстановка и намечались наиболее удобные посадочные площадки, которые затем по фотопланшетам тщательно изучались летным составом. В процессе подготовки особое внимание уделялось расчетам предельного взлетного веса вертолетов, де-

сантажной нагрузки, превышения площадок над уровнем моря и их размерам, заправки топливом. Профиль и маршруты полета на десантирование выбирались с учетом рельефа местности и обхода районов, насыщенных средствами ПВО противника.

Огневая подготовка проводилась самолетами фронтовой авиации и боевыми вертолетами, которые уничтожали и подавляли объекты, живую силу противника, его средства ПВО на маршрутах пролета десанта и непосредственно в районе десантирования. Высадка десанта осуществлялась сразу же после огневой подготовки. При этом боевые вертолеты, барражируя в районе снижения десантной группы, обеспечивали безопасность посадки транспортно-десантных вертолетов на площадки десантирования и уничтожали вновь выявленные и «ожившие» ПВО противника. Если система ПВО противника не была скрыта полностью, то применялись демонстративные полеты вертолетов, которые провоцировали огонь противника и таким образом выявляли его огневые средства [2,3]. Вертолеты этой группы могли действовать на различных высотах с тем, чтобы упреждать огонь противника, находившегося на склонах гор и ущелий. Для усиления группы прикрытия часто применялись самолеты-штурмовики, которые, выполняя полеты в районе десантирования, оказывали сильное психологическое воздействие на душманов и уничтожали его выявленные средства ПВО мощным бомбоштурмовым ударом.

Количество площадок десантирования зависело от размаха операции, наличия войск и выполняемых задач, зачастую они были мало пригодными для посадки вертолетов, имели ограниченные размеры, сильную запыленность и значительные превышения над уровнем моря. Поэтому высадку десанта приходилось осуществлять посадкой вертолетов на одно-два колеса, а также с режима зависания над крутыми склонами гор, рискуя при этом не задеть за них несущим и хвостовым винтами. Точное место высадки не должно было превышать расчетного удаления от ранее намеченной площадки 500–1000 м. Из-за постоянной нехватки вертолетов при десантировании крупного десанта выполнялось несколько рейсов транспортно-десантных вертолетов.

В провинции Лагман в марте 1982 г. применялся массированный воздушный десант (500 человек – шесть советских и шесть афганских рот). В июне 1982 г. в районе ущелья Пандшер, на всю глубину операции, был высажен тактический воздушный десант численностью свыше 4,5 тыс. человек. В районе перевала Саланг в конце августа 1987 г. четырнадцатью вертолетами Ми-8 было десантировано 1700 человек за двенадцать рейсов в течение четырех часов [4]. Нередкими были случаи, когда посадка вертолетов с десантом осуществлялась внезапно на голову оборонявшегося противника. В этом случае вертолеты десантной группы самостоятельно поражали противника пулеметным огнем, а десант вступал в бой сразу же после посадки вертолетов. Уход вертолетов с площадок десантирования осуществлялся каждым экипажем самостоятельно с соблюдением мер безопасности, исключающим столкновение вертолетов в ограниченном районе горной местности. Боевые вертолеты, находясь в районе посадочных площадок, осуществляли огневое прикрытие десанта и руководили безопасным расхождением десантно-транспортных вертолетов. При выполнении десантом поставленной боевой задачи авиация осуществляла его постоянную огневую поддержку и прикрытие со сменой групп вертолетов и воздухе над районом боевых действий. Для этого привлекали боевые вертолеты, самолеты-штурмовики или истребители-бомбардировщики. Десантно-транспортные вертолеты осуществляли маневр силами и средствами, доставляли оружие и боеприпасы, а также эвакуировали раненых и поврежденную технику. Задачи по минированию местности с воздуха выполнялись парой или звеном вертолетов Ми-8. Минные поля, устанавливались на путях движения крупных формирований противника в сложных районах местности. При этом мины устанавливались на самоликвидацию через 2–24 часа. К минированию местности занятой противником иногда привлекались истребители-бомбардировщики. Например, увеличенная боевая нагрузка МиГ-23МЛД позволила им освоить и минирование с воздуха, широко использовавшееся для блокирования базовых районов и путей передвижения моджахедов, особенно в приграничной полосе. На МиГ-

23МЛД подвешивались 2–4 универсальных контейнера малогабаритных грузов [4, 5].

Большой объем задач по авиационной поддержке боевых действий войск, кроме армейской авиации, выполняла истребительная авиация. По численности к началу января 1980 г. она уступала лишь армейской. Первую крупную операцию с участием истребителей провели в провинции Кунар в марте 1980 г., где они поддерживали продвижение советского мотострелкового полка в направлении г. Ада-сабада. Продвижение войск сопровождалось непрерывными обстрелами, а прилетавшие летчики не могли отыскать прячущиеся среди скал и нагромождений камней огневые точки: мешали большая скорость, да и время полета (авиацию вызывали по радио) позволяло противнику сменить позиции. Пилотам, знавшим, что цели должны находиться в этом районе (пользуясь при этом устаревшими картами), приходилось наносить удары по площадям вдоль дороги. Дважды при этом под огонь авиации попадали свои войска; к счастью, обошлось без жертв [6,7].

В первый период боевых действий тактика не отличалась разнообразием: к цели самолеты, ведомые опытным летчиком, шли в строю колонны или пеленга, нанося удар один за другим, а иногда выстраиваясь в круг. Штурмовка цели производилась последовательно поодиночке или парами с пикирования бомбами, неуправляемыми авиационными ракетами и пушечным огнем. Удары наносились группами в 4–8 истребителей: в условиях, когда каждый дувал в кишлаках, скала и расщелина в горах могли служить укрытием для противника, атака меньшими силами была неэффективна. При необходимости на бомбардировку баз и укрепленных районов уходили 12–16 самолетов. Особенностью действий истребительной авиации стала работа по объектам, расположенным в высокогорных районах, где не могли эффективно действовать вертолеты и штурмовики. При этом тактика истребителей имела свои особенности. Для достижения внезапности удар наносился со стороны солнца, слепившего стрелков, выход из атаки истребители выполняли боевым разворотом с энергичным набором высоты и резким отворотом-«крючком» в сторону; при необходимости выполнялся «звезд-

ный налет» («ромашка»), при котором атаки следовали непрерывно с разных направлений, мешая моджахедам вести прицельный огонь. Иногда выделяли демонстрационное звено, имитировавшее налет и отвлекавшее на себя внимание зенитчиков, в то время как ударная группа выходила в атаку с другой стороны. Для защиты от появившихся у противника современных зенитных средств – ПЗРК с ракетами, реагирующими на тепло самолетных двигателей, МиГ-21бис были доработаны с установкой кассет АСО-2В с тепловыми ловушками. Эти кассеты подвешивались на места крепления стартовых ускорителей в нижней части фюзеляжа. Снаряжались кассеты несколькими десятками пиропатронов ППИ-26, которые при отстреле разгорались, высокой температурой отвлекая на себя головки самонаведения ракет, те уходили на ловушки и разрывались в стороне [8].

Истребители участвовали и в проводке транспортных колонн, образуя «внешнее кольцо» охраны. Над самой колонной непосредственное прикрытие вели сопровождавшие ее вертолеты. Для более надежного взаимодействия с авиацией в состав колонн стали включать корректировщиков и авианаводчиков (их назначали из числа летчиков и штурманов, по разным причинам оставивших летную работу). При проведении боевых операций их придавали каждому мотострелковому или десантному батальону [7,8,9].

Большую результативность давало применение такого способа, как разведка, поиск и уничтожение караванов мятежников, особенно при тесном взаимодействии авиации и общевойсковых подразделений. Об эффективности такого взаимодействия говорит следующий пример. Воздушной разведкой в районе ущелья межгорья Ранги и Гулистан была обнаружена колонна в количестве 27 машин. Нанесением авиационного удара силами 665-го иап и 302-й овэ, действиями подразделений сухопутных войск колонна была разгромлена. В результате боя уничтожено 62 мятежника, 11 автомобилей, большое количество боеприпасов. В том же бою захвачено 16 автомобилей, 13 гранатометов, 6 пулеметов, 237 АКМ, 12 минометов, 10 мешков документов, 10 мешков медикаментов, 50 ящиков продовольствия,

большое количество снаряжения и военного имущества [6].

Применение сверхзвуковых истребителей-бомбардировщиков в условиях Афганистана было не всегда эффективно, поскольку они были созданы для европейского ТВД. Им было не развернуться в горных теснинах, а их сложное прицельно-навигационное оборудование оказывалось практически бесполезным при поиске малозаметного противника. Подходящей машиной оказался штурмовик Су-25 – маневренный, послушный в управлении, отлично вооруженный и защищенный. Су-25 приходилось наносить удары прямо по контролируемым душманами кварталам и указанным разведкой домам. Поиск противника отнимал время, и для увеличения продолжительности полета большинству заданий приходилось выполнять с парой подвесных баков ПТБ-800. В горных теснинах особенно пригодилась высокая маневренность Су-25. Перекрестный огонь с высот превращал ущелья в ловушку для вошедших в них солдат, туда не всегда удавалось подтянуть артиллерию и танки, и на помощь приходили штурмовики. Су-25 нырял в узкие каменные мешки, куда не рисковали снижаться другие самолеты, заходя на цель вдоль ущелья или, если позволяла ширина, скатываясь вниз вдоль одного склона и буквально выползая из атаки по другому. В Черных Горах северо-западнее Кандагара одному из летчиков 200-й ошаэ в октябре 1981 г. удалось подавить огневую точку, спрятанную в скалах в конце длинного извилистого ущелья. Попытки бомбить ее сверху успеха не принесли, и Су-25 пришлось войти в темный провал, лавируя, пронестись по нему и, нанеся точный удар, крутым боевым разворотом выбраться наружу. Малый радиус виража Су-25 (450–500 м) помогал летчикам при построении атаки: после обнаружения цели можно было тут же круто повернуть на нее, а при повторных заходах виражить, не упуская противника из виду, и добивать, экономно расходуя боезапас. Пилоты скоростных Су-17 и МиГ-21, разворачиваясь для очередного удара, нередко не могли снова отыскать цель, «лишенную четких демаскирующих признаков». Благодаря большой площади крыла и мощной механизации Су-25 выгодно отличался от других машин хорошими взлетно-посадочными качествами. Штур-

мовикам с максимальной боевой нагрузкой до 4000 кг хватало для разбега 1200–1300 м, в то время как базировавшиеся в Шиндане Су-17 уже с парой бомб отрывались от земли лишь в самом конце полосы. В состав подвешеного вооружения «двадцать пятых» входили НАР, РБК, фугасные и осколочные бомбы. В долинах чаще применялись 100 и 250-кг бомбы, достаточные для разрушения глинобитных строений; в горах, изобилующих естественными укрытиями, становилась необходимой фугасная мощь «пятисоток». Широко использовались осколочно-фугасные НАР С-5М и С-5МО из 32-зарядных блоков УБ-32–57. Одним залпом они накрывали до 200–400 кв. м, лишая противника одного из важнейших преимуществ – умения прятаться и быстро рассредоточиваться на местности. На цель обычно делали 2–3 захода, пуская с пикирования по 8–12 ракет в залпе [3].

Анализ применения авиации в боевых действиях на территории Афганистана (1979–1989 гг.) показал возрастающую роль ВВС, особенно армейской авиации, в обеспечении выполнения задач сухопутных войск в неблагоприятных физико-географических условиях, независимо от времени суток и метеоусловий, по поражению площадных и малоразмерных высокопрочных, неподвижных и подвижных, укрытых и открытых целей. Были выработаны новые, нестандартные приемы и способы ведения боевых действий авиацией применительно к Центрально-Азиатскому театру военных действий [10, 11].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Опыт применения авиации в обеспечении выполнения задач Сухопутных войск в Афганистане (1979–1989 гг.) подтвердил возрастание возможностей ВВС в современных конфликтах, даже носящих контрпартизанский характер. Было выработано много новых и актуальных в современных условиях тактических приемов и способов ведения боевых действий авиацией в условиях горно-пустынных театров военных действий, которые нашли свое применение в последующие локальных войнах и вооруженных конфликтах России на постсо-

ветском пространстве (Чечня, Абхазия, Южная Осетия). Опираясь на опыт ведения боевых действий авиацией в Афганистане, следует изучать и оценивать условия современных ТВД, прогнозировать их влияние на применение ВВС, заблаговременно готовить (структурно, тактически и технически) авиационные группировки, экипажи и технику к будущим боевым действиям.

2. Условия конфликта оказали серьезное влияние на характер применения советской авиации в войне в Афганистане: задачи, формы, способы, методы. В условиях отсутствия у противника собственных ВВС господство в воздухе изначально принадлежало ВВС ОКСВ. Авиационная поддержка войск, разведка, огневое поражение живой силы и укреплений душманов, переброска, снабжение и эвакуация советских подразделений – являлись первоочередными задачами отечественной авиации в обеспечении выполнения задач сухопутных войск в Афганистане.

3. Задачи, стоявшие перед армейской авиацией в ходе боевых действий в Афганистане, в основном выполнялись успешно. Классическими формами ведения боевых действий армейской авиацией являлись: огневая поддержка наземных войск, транспортно-десантные и специальные операции. Сложный горный рельеф, малочисленность аэродромов и удаленность их от районов базирования моджахедов, маневренность и огневая мощь вертолетов, их боевая многофункциональность и адаптивность к действиям общевойсковых подразделений обусловили ведущую роль и место армейской авиации в огневой поддержке Сухопутных войск. Опыт ведения боевых действий в Афганистане показал, что потребность войск в вертолетах армейской авиации из года в год значительно возрастала, росло и боевое напряжение на летный состав.

Итоги и уроки боевых действий ВВС 40-й армии и 73-й ВА (ВВС ОКСВА) в Афганистане позволяют развивать теорию применения военной авиации, прогнозировать варианты, когда от ее действий будет зависеть не только ход боевых действий, но и конечный результат операций и войны в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. А.В.Усиков Г.А. Бурутин В.А., Гаврилов С.Л. Ташлыков. Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Вторая половина XX начало XXI века / Под общей редакцией генерал-полковника А.С. Рукшина. М.: Воениздат., 2008. с. 381–387.
2. Войсковые операции Афганской войны (1979 1989). [Электронный ресурс].URL: <http://kunduz.ru/voyskovyye-operatsii2>. (дата обращения 15.05.2018).
3. Жирохов М.А. Опасное небо Афганистана. Опыт боевого применения советской авиации в локальной войне. 1979–1989. [Электронный ресурс].URL: <http://www.e-reading.club/bookreader.php/1015785/Zhirohov>. (дата обращения 15.05.2018).
4. Рунов В.А. Афганская война. Боевые операции / Валентин Рунов. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 432 с.
5. Гагин В.В. Воздушная война в Афганистане. Воронеж: ИЛДВА, 1998. 104 с.
6. Никитенко Е.Г.Эволюция форм и способов ведения боевых действий. [Электронный ресурс].URL: <http://army.lv/ru/evolyutsiya-form-i-sposobov-vedeniya-boevih-deystviy/90/4323>.(дата обращения 15.05.2018).
7. Марковский В. Истребительная авиация в Афганистане.[Электронныйресурс].URL: <http://www.airwiki.org/history/locwar/afgan/fighers/fighters.html>. (датаобращения 15.05.2018).
8. Марковский В. Выжженное небо Афгана. Боевая авиация в Афганской войне [Электронный ресурс]. URL: (https://bookz.ru/authors/viktor-markovskii/vijjenno_936/page-11-vijjenno_936.html). (дата обращения 15.05.2018).
9. Марковский В. От первого до последнего дня войны. МиГ-21 в Афганистане. Авиация и космонавтика. 2011. № 2. с. 1–26.
10. Афганская компания: невостребованный опыт. Выдержки из журнала боевых действий 40-й армии. // Воздушно-космическая оборона. 2013. № 1. с. 70–78; № 2. с. 75–79; № 3. с. 83–88, 96–103; № 4. с. 78–87, 96–102; № 5. с. 84–91, 98–103.
11. Особенности организации и ведения боевых действий ВВС 40 армии на территории республики Афганистан в 1987 году. Сборник материалов боевых действий в Афганистане. Монино, 2003.Т. 8.С. 638–639.

К ВОПРОСУ О МАСШТАБАХ ВОИНСКИХ МОБИЛИЗАЦИЙ В СИБИРСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

TO THE QUESTION OF THE SCALE OF MILITARY MOBILIZATION IN THE SIBERIAN MILITARY DISTRICT DURING THE SECOND WORLD WAR II

В статье впервые в сибирской историографии рассматривается вопрос о численности и составе мобилизованных в Вооруженные силы СССР в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Географически статья охватывает Сибирский военный округ (СибВО). Привлекая новые, ранее не использованные источники, автор раскрывает такую сложную проблему, как истощение людских ресурсов Сибири, напряженность, сложившуюся в ходе воинских мобилизаций по обеспечению промышленности и сельского хозяйства рабочей силой.

The article considers the question of the number and composition of mobilized in the Armed Forces of the USSR during II World war (1939–1945). Geographically, the article covers the Siberian Military District (Siberian Military District). Attracting new, previously unused sources, author reveals such a complex problem, as the exhaustion of human resources in Siberia, the tension that has arisen during military mobilization to provide industry and agriculture with labor.

Ключевые слова: воинские мобилизации, военнообязанные запаса, призывники, военно-мобилизационный потенциал, людские ресурсы.

Keywords: military mobilization, reservists, conscript men, military mobilization potential, human resources

Воинские мобилизации в период Великой Отечественной войны, несмотря на большое количество литературы по этому вопросу, изучены, по нашему мнению, недостаточно глубоко. Эти проблемы пока сформулированы в самом общем виде. Не определены, в частности, масштабы воинских мобилизаций и в таком крупном регионе страны, как Сибирь. Не менее важно отметить, что хронологические рамки изучения воинских мобилизаций должны быть передвинуты, как минимум, на два года назад. Для их более основательной характеристики требуется исследование двух так называемых «предвоенных» лет. Таким образом, хронологические рамки нашей статьи охватывают 1939–1945 гг. Географически статья охватывает Сибирский военный округ (далее – СибВО), который представлял собой типичный тыловой район СССР. В 1939 г. в составе СибВО находились такие административные территории Западной Сибири, как Алтайский край, Омская и Новосибирская области по административному устройству 1939 г. Помимо этого территориально округ охватывал и часть Восточной Сибири – Красноярский край (также по административно-территориальному устройству 1939 г.). Все последующие преобразования

гражданского административного устройства не внесли существенных изменений в размеры территорий, подведомственных СибВО.

Источниками для исследования послужили, главным образом, материалы так называемых военных отделов, сформированных при областных (краевых), районных, городских комитетах ВКП (б). Военные отделы не только осуществляли партийный контроль над вооруженными силами страны, но и оказывали существенную помощь военным комиссариатам в решении их главной задачи – мобилизации людских ресурсов в Красную армию. Кроме того, в статье использованы документы Госплана СССР, контролировавшего движение людских ресурсов, материалы Центрального статистического управления СССР и Центрального статистического управления РСФСР, данные региональных (областных и краевых) статистических управлений. Значительный объем информации, почерпнут из документов организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП (б).

С целью сбора документальных материалов автор работал в региональных архивах Сибири: в Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО), Государственном архиве Алтайского края (ГААК), Государственном

архива Красноярского края (ГАКК), Центре документации новейшей истории Омской области (ЦДННАО). Эти архивы содержат бесценные исторические документы, характеризующие масштабы воинских мобилизаций в 1939–1945 гг. в восточных районах РСФСР. Важная информация о мобилизации живой силы на защиту Родины хранится в центральных архивах Российской Федерации, а именно: в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). В дальнейшем ссылки на документы, хранящиеся в этих архивах, в тексте статьи не приводятся.

Стартовой точкой массовых воинских мобилизаций, развернувшихся в СССР в особо крупных масштабах, является 1 сентября 1939 г. В этот день войска нацистской Германии вторглись в пределы Польши, а Верховный Совет СССР принял закон «О всеобщей воинской обязанности». Закон закреплял кадровый принцип строительства Вооруженных сил СССР и был нацелен на создание многомиллионной армии и огромного по численности обученного резерва. Реализация закона знаменовала собой развертывание специальных мероприятий, нацеленных на ускоренное увеличение численности советских Вооруженных сил. Практическое применение закона 1939 г. сразу же превратилось из обыденного призыва молодежи в армию мирного времени в беспрецедентную по масштабам, но тщательно скрытую военную операцию. Первыми под действие нового закона попали юноши 1919 г. и частично 1918 г. рождения. Они были призваны в Красную армию осенью 1939 г. Тогда же была организована приписка к призывным участкам молодежи 1920 – 1921 гг. рождения. В сентябре – октябре 1940 г. молодые люди 1920 – 1921 гг. рождения были призваны в армию. С 5 января по 15 февраля 1941 г. приписку к призывным участкам прошли юноши, родившиеся в 1922 г. По планам Генерального штаба РККА они должны были уйти в армию осенью 1941 г. Это была последняя приписная операция перед началом Великой Отечественной войны.

В связи с нарастанием военной напряженности, помимо призыва очередников, практи-

ковались и частичные мобилизации военнообязанных запаса старших возрастов. Так, в сентябре 1939 г. в семи военных округах была развернута частичная мобилизация военнообязанных запаса, замаскированная под Большие учебные сборы (БУС). Всего на БУС, по данным М.И. Мельтюхова, было мобилизовано 2,6 млн человек. Помимо этого, в 1940 г., в ходе советско-финляндской войны, проводился частичный призыв в Красную армию военнообязанных запаса 1910 – 1914 гг. рождения, а также набор добровольцев. И если на 1 января 1938 г. численность Вооруженных сил СССР составляла 1,6 млн человек, то на 1 января 1940 г. – 3,9 млн, а на 22 июня 1941 г. – 5,1 млн человек [1]. В Сибирском военном округе в 1939 – 1940 гг. были сформированы: 52-й и 53-й стрелковые корпуса, 3-я, 5-я, 194-я и 258-я, 119-я, 133-я, 102-я, 166-я, 178-я, 225-я стрелковые дивизии и некоторые другие воинские подразделения.

После 22 июня 1941 г. вскрылись все недостатки советского военного планирования, допущенные в предвоенные годы. Первоначальные прикидки Генерального штаба РККА по использованию людских ресурсов были полностью опрокинуты в ходе непредвиденной катастрофы, которая всей своей огромной тяжестью обрушилась на Красную армию летом и осенью 1941 г. Реальные потери Красной армии превзошли все довоенные предположения. Согласно расчетным данным военных историков, проведенных под руководством генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева, безвозвратные потери Красной армии погибшими, пропавшими без вести, попавшими в плен, расстрелянными по приговорам военных трибуналов, умершими от ран и болезней (включая потери внутренних и пограничных войск НКВД) во второй половине 1941 г. составили 3137,7 тыс. человек. Санитарные потери (ранеными, контужеными, обожженными и больными) достигли – 1336,1 тыс. человек [2]. К этому необходимо прибавить утрату 500 тыс. резервистов, призванных, но еще не зачисленных в штаты воинских частей, погибших, пропавших без вести или дезертировавших по пути в свои подразделения [3].

Разработанные до Великой Отечественной войны планы мобилизации фактически были сорваны. Советскому военному руководству

пришлось отказаться от реализации ранее составленных планов и кардинально пересмотреть всю стратегию мобилизации. Этому в значительной степени способствовал и факт быстрой оккупации западных регионов СССР, что существенно урезало резерв призывников. В западных районах Советского Союза остались несколько миллионов мужчин, которых не успели призвать в армию. Согласно докладу начальника Главупраформа Е.А. Щаденко, представленного в сентябре 1942 г. Сталину, на временно занятой противником территории осталось 5,6 млн потенциальных призывников. Военно-мобилизационный потенциал Казахстана, Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья был ограничен из-за слабого знания местным населением русского языка и особенностей менталитета их жителей. В результате воинская мобилизация всей своей непомерной тяжестью обрушилась, главным образом, на центральные, южные и восточные районы России. Чтобы компенсировать огромные людские потери, они должны были выделить для Красной армии значительно больше людей, чем это предусматривалось первоначально.

В годы Великой Отечественной войны в армию ушли призывники 1922 – 1927 гг. рождения. Молодые люди 1922 и 1923 гг. рождения были призваны в самом тяжелом, 1941 г. Призывники 1924 г. рождения были мобилизованы в 1942 г., 1925 и 1926 гг. рождения – в 1943 г. Юноши 1927 г. рождения ушли в Красную армию в 1944 г. Молодые люди 1928 г. рождения в 1945 г. прошли процедуру приписки и были поставлены на учет в военкоматах. Но война закончилась, и юноши 1928 г. рождения на фронт не попали.

Но в начале Великой Отечественной войны самый многочисленный поток живой силы в Красную армию дала внеочередная мобилизация военнообязанных запаса старших возрастов. Закон о всеобщей воинской обязанности (статья 10) предусматривал в случае необходимости мобилизацию граждан до 50-летнего возраста, которая объявлялась, согласно закону, Указом Президиума Верховного Совета СССР. Военнообязанные запаса учитывались военно-учетными столами: в городах – при отделениях милиции, а в сельских местностях – при сельских и поселковых советах.

Как известно, мобилизация военнообязанных запаса в СССР была развернута сразу же, после начала боевых действий. В первый же день войны, 22 июня 1941 г., был обнародован указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных». Указ предусматривал с 23 июня развернуть мобилизацию военнообязанных запаса 1905 – 1918 гг. рождения по 14 военным округам, в том числе и в СибВО [4]. К 1 июля 1941 г. в Красную армию было направлено 5,3 млн человек [5]. К этому времени численность РККА была доведена до 9,6 млн красноармейцев и командиров, из которых 3,5 млн находились в действующей армии [6]. Однако к 1 августа 1941 г., согласно данным Оперативного управления Генерального штаба, фактическая численность Красной армии понизилась до 6,7 млн человек. Из них на фронте находились 3,2 млн человек [7].

В этой связи, 10 августа 1941 г. Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял постановление «О мобилизации военнообязанных 1890 – 1904 гг. рождения и призывников 1922 – 1923 гг. рождения». Вторая волна мобилизации должна была возместить огромные боевые потери, понесенные Красной армией в ужасное лето 1941 г. По сведениям С.Н. Михалева, в целом за первые шесть месяцев войны в Вооруженные силы было направлено почти 12 млн человек [8]. По данным Госплана СССР, контролировавшего движение людских ресурсов и вследствие этого получавшего сведения о числе мобилизованных, к 1 декабря 1941 г. только по центральному и восточным районам страны в Красную армию было призвано свыше 16 млн человек. Кроме того, часть военнообязанных запаса успели призвать в западных регионах СССР до того, как они были оккупированы врагом. Так, в западных областях Украины и Белоруссии в армию ушло свыше 613 тыс. мужчин, в Латвии, Литве и Эстонии – 317 тыс., в Молдавии – 131 тыс., в Карело-Финской ССР – 28 тыс. мужчин. В городах Орловской области, до момента ее оккупации, военкоматы успели призвать 16 тыс. человек, в городах Смоленской области – почти 11 тыс. человек.

В результате двух волн спешно организованных массовых воинских мобилизаций, резерв военнообязанных в тыловых районах СССР был в значительной степени исчерпан. Воен-

ная экономика лишалась миллионов рабочих рук. Очень важно, что в армии оказались не менее миллиона высококвалифицированных инженеров, техников, рабочих и управленцев, без которых промышленность, и, в значительной степени, сельское хозяйство испытывали очень большие сложности. Секретарь Новосибирского обкома ВКП (б) М.В. Кулагин 19 октября 1941 г. информировал секретаря ЦК ВКП (б) А.А. Андреева, что во многих районах области 70 – 80% председателей колхозов, членов правления и бригадиров ушли в Красную армию. Кадровый голод после проведения мобилизации испытывали даже предприятия оборонной промышленности. В армию были призваны и студенты первых курсов вузов и техникумов. Это был серьезный стратегический просчет советского руководства. Позднее тех специалистов, которые остались в живых, приходилось возвращать в тыл.

На этом столь масштабные мобилизации в Вооруженные силы Советского Союза пришлось прекратить. Теперь в армию призывалась молодежь, по мере взросления вступающая в призывной возраст. Проводились также частичные мобилизации военнообязанных запаса старших возрастов. Так, в сентябре – октябре 1941 г. частичная мобилизация военнообязанных запаса была организована в Алтайском крае, Новосибирской и Омской областях. В целом по СССР за период с 1 января по 1 марта 1942 г. было призвано дополнительно 700 тыс. человек, а всего с начала войны до 1 сентября 1942 г., по расчетам Главупраформа, «было изъято из страны» свыше 18 млн человек.

Сибирь, где накануне Великой Отечественной войны (в границах СибВО на 1 января 1941 г.) проживало свыше 11 млн человек, а

сельские жители составляли большинство населения, рассматривалась советским руководством как важный источник людских ресурсов, необходимых для укомплектования Красной армии живой силой. Мобилизационные телеграммы пришли в Сибирь вечером 22 июня, а уже на следующий день на призывные участки прибыли первые тысячи мужчин. За пять месяцев после начала Великой Отечественной войны, к 1 декабря 1941 г., на территориях, подведомственных СибВО, в Красную армию было мобилизовано свыше 1,3 млн человек. Таким образом, в войска было направлено 67% мужчин призывного возраста. В городских поселениях в Красную армию ушло почти 50% мужского населения призывного возраста, а в сельской местности, где бронирование военнообязанных использовалось в ограниченном масштабе – свыше 76% мужского населения. К концу 1941 г. в тылу оставались мужчины, непригодные к службе в армии по состоянию здоровья, забронированные за отраслями экономики, имеющими оборонное значение или сумевшие уклониться от призыва.

Но фронт требовал все больше людей. На запад уходили сотни тысяч необученных бойцов, которые закрывали своими телами бреши в линии фронта, пробитые немецкими танковыми клиньями. Военные потери 1942 г. превысили потери 1941 г. В целом за 1942 г. Красная армия потеряла убитыми, ранеными, контуженными, пленными, пропавшими без вести и больными, по данным статистического исследования «Гриф секретности снят», около 8 млн человек. Безвозвратные потери превысили 3,5 млн человек [9].

В кровавых сражениях, в окружении и в плену погибал цвет нации, лучшие из лучших – молодые, здоровые, полные сил мужчины.

Таблица 1

**Мобилизация мужской части населения Сибирского военного округа*
(на 1 декабря 1941 г.). Тys. человек.**

Регион	Всего мужчин призывного возраста 18–45 лет	Не призвано по состоянию здоровья	Забронировано в экономике	Призвано в армию	Прочие
Всего	1968,1	196,8	256,5	1318,0	196,8
Городские поселения	696,9	69,6	195,1	347,2	85,0
Сельская местность	1271,2	127,2	61,4	970,8	111,8

* Сибирский военный округ в составе Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской и Омской областей по административно-территориальному устройству 1941 г.

Но на место убитых, искалеченных, пленных, пропавших без вести, вставляли новые тысячи бойцов, прибывавших из тыловых районов. В 1941 г. вермахтом было разгромлено и уничтожено 186 советских расчетных дивизий (под расчетной дивизией понимается суммарное количество дивизий и бригад, при этом две бригады условно приравниваются к одной дивизии), однако в глубоком тылу было сформировано дополнительно 526 дивизий. В 1942 г. противник уничтожил почти 130 советских расчетных дивизий. Но тыл, напрягая все силы, выделил бойцов для укомплектования 270 дивизий [10].

В СибВО с самого начала войны велась большая работа по формированию новых воинских подразделений и по подготовке маршевого пополнения для действующей армии. В июне 1941 г. на территории СибВО была сформирована 24-я армия. В ноябре 1941 г. на базе людских ресурсов СибВО были созданы 58-я и 59-я армии [11]. Кроме того, к концу 1941 г. в Сибири были сформированы 14 стрелковых и 3 кавалерийских дивизии, 5 отдельных лыжных и морских стрелковых бригад. Среди них 362-я дивизия омичей, 370-я дивизия новосибирцев, 376-я дивизия кузбассовцев, 380-я дивизия алтайцев и другие. В Красноярском крае в 1941 г. были сформированы 374-я, 382-я, 451-я, 447-я, 309-я стрелковые дивизии [12]. В 1942 г. в Омской области были созданы 308-я (позднее 120-я гвардейская), 229-я, 282-я стрелковые дивизии, на Алтае – 312-я и 315-я дивизии. В Новосибирской области были сформированы 235-я, 150-я и 140-я стрелковые дивизии, 278-я истребительная авиадивизия, в Кузбассе – 237-я и 303-я дивизии, в районе Томска – 284-я (позднее 79-я гвардейская) дивизия [13]. Из Красноярского края в 1942 г. на фронт ушли 451-я, 447-я, 449-я стрелковые дивизии [14].

Помимо этого на пополнение боевых частей россыпью уходили многочисленные маршевые батальоны и роты. Для укомплектования и военной подготовки необученных резервов создавались запасные стрелковые бригады. В СибВО были развернуты 23-я (бердские военные лагеря Новосибирской области), 39-я (Омская область), 43-я (Красноярский край) запасные стрелковые бригады. В Алтайском крае в бийских лагерях размещалась 26-я запасная стрелковая бригада. Бригады были очень крупными

воинскими подразделениями. Так, на укомплектование одной только 23-й стрелковой бригады к 12 июля 1941 г. прибыло 25 471 человек. Численность личного состава 39-й запасной стрелковой бригады превышала 22 тыс. человек. Помимо бригад, были сформированы и укомплектованы личным составом запасные полки и батальоны – артиллерийские, кавалерийские, связи и другие.

Запасные бригады, полки и батальоны направляли на фронт маршевые подразделения. Так, 23-я запасная стрелковая бригада СибВО в течение первых месяцев войны отправила на фронт 58 маршевых батальонов и рот. Всего же за год своего существования она послала в действующую армию 706 маршевых батальонов и рот, в составе которых находились почти 300 тыс. рядовых и около 6,5 тыс. командиров [15]. 39-я запасная стрелковая бригада СибВО в течение первого года Великой Отечественной войны подготовила и направила на фронт 1000 маршевых рот [16]. Запасная 29-я стрелковая бригада с 15 сентября 1941 г. по 1 января 1944 г. обучила и отправила в действующую армию 1103 маршевые роты. Командующий войсками СибВО генерал-лейтенант Медведев и член военного совета СибВО корпусной комиссар Колобяков 25 ноября 1943 г. информировали секретаря Красноярского крайкома ВКП (б) Голубева, что расположенная на территории края 43-я запасная стрелковая бригада с начала войны «подготовила сотни тысяч бойцов».

Всего за первые пять месяцев Великой Отечественной войны фронт получил из тыловых районов СССР свыше 326 дивизий и 110 бригад, из них 194 дивизии и 94 бригады были укомплектованы в военное время [17]. В сущности, выдержать страшные удары вермахта в 1941 – 1942 гг. и выиграть драгоценное время Советский Союз смог только благодаря миллионам спешно мобилизованных, на скорую руку вооруженных, подготовленных по сокращенной месячной программе и быстро переброшенных на фронт военнообязанных запаса. Из них многие остались в живых.

Демографическая подсистема советского тыла испытывала огромное перенапряжение. Отбить первую, самую страшную атаку вермахта удалось ценой неимоверного напряжения

сил. Всего за четыре года Великой Отечественной войны в СССР было мобилизовано (за вычетом повторно призывавшихся) 29,6 млн человек. Вместе с кадровым составом, уже находившимся к 22 июня 1941 г. на действительной военной службе, надевали шинели 34,5 млн человек [18]. Это свидетельствует о колоссальных по своей численности и значимости воинских мобилизациях, охвативших нашу страну в военные годы.

В Алтайском крае к октябрю 1942 г. было мобилизовано 279 508 человек из них 250 400 рядовых, 9215 человек начсостава и 19 893 младших командиров. Было призвано также 66 053 призывника 1922, 1923 и 1924 г. рождения. Кроме того, военкоматы края призвали в рабочие колонны 53 913 человек. На 1 февраля 1943 г. ресурсы военнообязанных до 50 лет, годных к строевой и нестроевой службе в Красной армии, составляли в Алтайском крае всего 11 187 человек. Призывников 1922, 1923, 1924 и 1925 гг. рождения, пользующихся отсрочками, осталось 2300 человек, а военнообязанных, забронированных за предприятиями и учреждениями края — 34 694 человека. Всего Алтайский край к февралю 1943 г. располагал запасами живой силы, пригодной к службе в армии, в объеме 48 181 человек. Заведующий организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП (б) Шамберг 17 мая 1943 г., докладывая секретарю ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкову по вопросу о формировании добровольческой сталинской бригады алтайцев-сибиряков, говорил, что «пополнение можно производить за счет разбронирования военнообязанных сверх нарядов». Это был, в сущности, основной источник пополнений, который был задействован полностью. В результате к 10 июня 1943 г. число мобилизованных в армию жителей Алтайского края достигло 459 784 человек.

В первом полугодии 1944 г. в Алтайском крае в Красную армию дополнительно было призвано 20 660 человек, в том числе, 155 человек офицерского, 19 928 человек сержантского и рядового состава (с февраля 1943 г., с введением погон, в Красной армии появился сержантский и офицерский состав), 582 женщины. За период с 1 июля по 1 октября 1944 г. в Красную армию было направлено 11 264 человека, из них 108 офицеров, 9 110 сержантов. Таким образом, за 3 года и 4 месяца Великой Отечественной

войны Алтайский край отдал фронту почти 500 тыс. человек. Вследствие столь масштабных мобилизаций Алтайский край к середине — концу 1944 г. передал Красной армии практически всех мужчин призывного возраста.

В Новосибирской области за период с 22 июня 1941 г. по 1 октября 1942 г. было мобилизовано 15 815 человек начсостава, 44 829 человек младшего начсостава, 373 817 человек рядовых. Кроме того, в порядке очередных и досрочных призывов в Красную армию ушли 56 555 юношей 1922 г. рождения, 31 183 юношей 1923 г. рождения, 38 228 юношей 1924 г. рождения. На укомплектование военных училищ область выделила 28 301 человека. Таким образом, к 1 октября 1942 г. Новосибирская область направила в Красную армию 558 758 человек. Это составляло 75% от числа мужчин в возрасте 18—45 лет.

Ресурсы мужчин в области были практически исчерпаны. Заведующий военным отделом Ленинск-Кузнецкого горкома ВКП (б) Н. Андреев 3 сентября 1942 г. докладывал в военный отдел Новосибирского обкома, что «свободных ресурсов до 50 лет, годных к строевой 447 чел., не строевой — 787 чел.». В Кемерово, согласно донесению начальника горвоенкомата подполковника Бакланова и начальника 1-й части горвоенкомата, старшего лейтенанта административной службы Зозули, к 28 июня 1943 г. свободных ресурсов, пригодных для службы в Красной армии, осталось 972 человека.

Но особенно сложной была ситуация в сельской местности. В качестве примера приведем телеграмму, отправленную в обком ВКП (б) 7 июля 1943 г. секретарем Венгеровского райкома ВКП (б) Силенюком. Он телеграфировал: «На протяжении двух лет войны райвоенкомат прикладывает усилия выполнению нарядов облвоенкомата и облисполкома посылки людей как в армию так заводы большим напряжением мы выполнили наряды облвоенкомата забрав в колхозах председателей колхозов и даже последних кузнецов плотников и других людей требуемых ресурсов в районе нет отправить же последних кузнецов плотников председателей колхозов заведующих ферм не возможно дальнейшем прошу учесть напряженное положение людьми районе» (орфография и пунктуация оригинала).

Несмотря на катастрофическое положение с людскими ресурсами, в первом полугодии 1943 г.

Генеральный штаб РККА и Главупраформ потребовали призвать дополнительно в Новосибирской области 86 081 человека. Выполняя мобилизационные задания, военкоматы области с 1 января по 1 июля 1943 г. призвали 4054 человека младшего начсостава, 41 427 человек рядового состава и 37 181 человек призывников 1922 – 1925 г. рождения. Кроме того, за этот же период в области были призваны и направлены в войска 343 человека старшего начсостава. Всего, следовательно, в первом полугодии 1943 г. в Новосибирской области было мобилизовано 83 005 человек. С огромным перенапряжением, но наряды были, в основном, выполнены, за исключением набора в военные училища.

Дополнительно для укомплектования специальных частей в армию были призваны «особо проверенные» коммунисты и комсомольцы: для пополнения Сталинской дивизии добровольцев-сибиряков – 1335 человек, для 4-го гвардейского минометного полка – 120 человек, для укомплектования новосибирского батальона добровольцев-сибиряков – 300 человек, в Сталинский гвардейский корпус добровольцев – 546 человек.

Данные табл. 2 свидетельствуют, что в результате крупномасштабных изъятий людей, к 1 июля 1943 г. на воинском учете в Новосибирской области осталось 148 697 человек. Однако из этого числа призвать в действующую

армию можно было только 487 человек, годных к строевой службе, и 7446 человек, годных к нестроевой. Таким образом, людской потенциал области, казавшийся в начале войны неисчерпаемым, к середине 1943 г. был истощен почти полностью.

Тем не менее, во втором полугодии 1943 г. Главупраформ потребовал призвать дополнительно 57,4 тыс. человек. Путем перенапряжения всех сил, проведя разбронирование, призвав в армию ранее отсеянных по политическим мотивам и национальным признакам, организовав медицинские переосвидетельствования и перерегистрации военнообязанных, направив в Вооруженные силы призывников 1926 г. рождения и женщин, область сумела в основном выполнить мобилизационное задание. За период с 1 июля по 31 декабря 1943 г. в Новосибирской области для укомплектования воинских частей и военных училищ было призвано 2676 человек сержантского состава, 33 220 человек рядовых, 18 898 призывников 1922 – 1926 г. рождения. Кроме того, было мобилизовано и направлено в войска 482 офицера запаса. Мобилизационное задание было невыполнено всего на 3,7%. Но, сверх того, область выделила людей для укомплектования специальных частей. В гвардейскую Сталинскую дивизию добровольцев-сибиряков было направлено 150 человек, для 4-го минометного полка – 45 человек.

Таблица 2

Людские ресурсы Новосибирской области * на 1 июля 1943 г. (число лиц, стоящих на воинском учете)

Категория учета	Человек
1. Военнообязанные общего учета	11205
В том числе:	
а) строевые	487
б) нестроевые	7446
в) годные к физическому труду	707
г) получившие отсрочки по болезни	873
д) отсеянные по ПМС	1692
2. Военнообязанные специального учета (забронированные)	73495
3. Военнообязанные, переданные для работы в промышленность	16170
4. Призывники, 1922 – 1925 г. рождения, пользующиеся отсрочками как учащиеся и работающие в военной промышленности	9345
5. Военнообязанные – женщины	3540
Всего военнообязанных	113755
Военнослужащие в отпусках по болезни и ранению	181
Негодные к службе в армии со снятием с учета	34761
Всего людских ресурсов	148697

* По административно-территориальному устройству 1942 г.

Всего в 1943 г. Новосибирская область направила в Красную армию более 142 тыс. человек, в том числе свыше 6 тыс. человек младшего начсостава, почти 71 тыс. рядовых и 53 тыс. призывников 1922 – 1926 гг. рождения, а также большое число «особо проверенных» добровольцев, коммунистов и комсомольцев для специальных формирований. Таким образом, с начала войны до конца 1943 г. Новосибирская область передала в РККА около 742 тыс. бойцов. Сверх мобилизационных заданий с 1 января по 1 декабря 1943 г. Новосибирская область (без Кемеровской области, но, включая территорию современной Томской области) дополнительно выделила для Красной армии 47 тыс. человек, а для рабочих колонн – почти 55 тыс. человек.

В Омской области к июлю 1944 г. в Красную армию было направлено 476 тыс. человек, из них около 11 тыс. женщин. Весь запас мужских ресурсов области в середине 1944 г. определялся мизерной цифрой – 118 тыс. человек. Из них нестроевых и годных к физическому труду насчитывалось 12 тыс. человек, военнообязанных, получивших отсрочку от призыва и красноармейцев-отпускников – 630 человек, отсеянных по политико-моральному состоянию (ПМС) и национальным признакам – 2675 человек, негодных со снятием с военного учета – 44 тыс. человек. Число забронированных за сельским хозяйством составляло 6,8 тыс., за промышленностью – 52 тыс. человек. Кроме того, в области проживало 21 тыс. мужчин, инвалидов войны, из них 287 инвалидов I группы.

Красноярский край в 1941 г. направил в Красную армию 158 257 человек, в 1942 г. – 23 856 человек. Сверх того, в Красноярске в июне 1942 г. было сформирована добровольческая стрелковая бригада сибиряков-сталинцев численностью 5000 человек. Бригада в течение всей войны пополнялась людьми и техникой за счет людских резервов Красноярского края. Так, только в 1942 г., в бригаду для компенсации боевых потерь было направлено 1000 человек. В 1943 г. по решению бюро Красноярского крайкома ВКП (б) в крае был сформирован добровольческий батальон автоматчиков. Но из-за нехватки живой силы батальон был расформирован и направлен на фронт по частям.

Однако центр требовал продолжать мобилизацию, и край в 1943 г. отправил в Красную армию дополнительно 52 942 военнообязанных запаса. Мобилизационный ресурс огромного по территории, но малонаселенного Красноярского края был исчерпан. Из красноярского крайкома ВКП (б) в управление кадров ЦК ВКП (б) сигнализировали: «Выполнение нарядов по мобилизации людских ресурсов для войсковых частей и промышленности в I полугодии 1944 г., в основном, происходило за счет систематического переосвидетельствования раненых и больных, лиц, находящихся в отпусках по болезни, правильности бронирования и замены забронированных строевых нестроевыми».

Но война продолжалась. Фронтовые части требовали пополнений живой силой. И в течение десяти месяцев 1944 г. (с 1 января по 1 ноября) в армию было дополнительно направлено 20 994 красноярца. Помимо этого край отдал фронту 80 918 юношей-призывников 1923 – 1927 гг. рождения. Эвакогоспитали, расположенные на территории края, направили в Красную армию 34 043 бойцов и офицеров.

Ситуация с людскими ресурсами день ото дня становилось напряженной. В конце 1944 г. в управление кадров ЦК ВКП (б) ушла очередная докладная записка о работе военного отдела Красноярского краевого комитета ВКП (б) за второе полугодие 1944 г. В записке говорилось: «Выполнение нарядов по мобилизации людских ресурсов для воинских частей и промышленности, как и в первом полугодии в основном происходило за счет систематического переосвидетельствования инвалидов Отечественной войны, лиц находящихся в отпусках по болезни, пересмотра правильности бронирования и замены военнообязанных, строевых нестроевыми». Всего за период с 22 июня 1941 г. по 1 ноября 1944 г. Красноярский край отмобилизовал для Красной армии 561 902 человека.

Людской потенциал Сибири к концу войны был ослаблен настолько, что свободных ресурсов, годных к службе в армии, по существу, не осталось. Вследствие крупномасштабных мобилизаций, численность и удельный вес мужчин активного возраста (и без того низкий) в тыловых регионах страны сократились до минимальных величин. По сути дела, Сибирь от-

дала фронту все, что могла. Так, на территории, подведомственной СибВО, по оценке Госплана СССР на 1 января 1941 г., численность мужчин, годных для строевой службы (в возрасте 18 – 45 лет), составляла приблизительно 1968 тыс. человек, в том числе в сельской местности – 1271 тыс. человек. Единовременная отчетность сельсоветов засвидетельствовала, что к 1 января 1943 г. их осталось всего 304 тыс., а к 1 января 1945 г. – немногим более 245 тыс. человек. Но многие из этих мужчин, оставшихся в тылу, являлись инвалидами войны. Другие не могли быть призваны по состоянию здоровья или имели бронь как особо ценные специалисты, без которых был невозможен выпуск вооружения и иной военной продукции.

О почти полной мобилизации мужчин в Красную армию свидетельствует грубое нарушение половозрастного баланса. В 1943 г. в возрастной группе 25 – 49 лет на каждые 100 женщин приходилось в тыловых районах РСФСР всего 38 мужчин, в том числе в Алтайском крае – 20, в Новосибирской области – 32, в Омской области – 25 мужчин. По состоянию на 1 января 1945 г. в сельской местности, территориально подведомственной СибВО, в диапазоне возрастов от 19 до 49 лет на 100 женщин приходилось 28 мужчин.

Не менее сложной была ситуация в городах. По результатам статистической разработки сотрудниками ЦСУ СССР списков избирателей по выборам в Верховный совет СССР по состоянию на 10 февраля 1946 г., в городах Сибири, расположенных на территории, подведомственной СибВО, на 100 женщин приходилось всего 63 мужчины в возрасте 18 лет и старше. Самый грубый дисбаланс полов был характерен для городских поселений Алтайского края, где на 100 женщин старше 18 лет приходилось 50 мужчин, в Томской области – 52 мужчины и Новосибирской области (без Новосибирска) – 55 мужчин. Несколько лучшим было соотношение полов в Кемеровской области. Здесь на 100 женщин приходилось 78 мужчин, в Новосибирске – 60 мужчин, Омской области – 59 мужчин и Красноярском крае – 58 мужчин. Надо, однако, иметь в виду, что к февралю 1946 г. развернулись процессы демобилизации военнослужащих, что несколько сгладило дисбаланс полов.

Миф о неисчерпаемости людских ресурсов развеялся как дым. Армия и экономика испытывали острейший дефицит людей, многократно усиленный их неэффективным использованием. Отныне главной заботой тыловых властей стал лихорадочный поиск мужчин, годных к военной службе, а также тех, кто мог трудиться в военных отраслях промышленности, на транспорте и стройках, в колхозах и совхозах. Командующий войсками СибВО генерал-лейтенант Курдюмов и член военного совета СибВО генерал-майор Колобьяков 15 мая 1944 г. отмечали: «Из месяца в месяц военкоматы... не выполняют план мобилизации людских резервов по комплектованию частей округа. Это привело к чрезвычайно большому недокомплекту в учебных и запасных частях и училищах округа и поставило под угрозу срыв отправки пополнения фронта». В Красноярском крае в 1943 г. наряды на мобилизацию людской силы для воинских частей, по признанию заведующего военным отделом крайкома ВКП (б), были выполнены на 86%. Были также сорваны задания по мобилизации в феврале и марте 1944 г. В первом полугодии 1944 г. наряды на мобилизацию по Красноярску были выполнены на 80%, в том числе, по Сталинскому району города на 63%, по Кагановическому – на 80, по Ленинскому – на 83, по Кировскому району – на 93%. Даже из отдаленного Эвенкийского округа в январе 1945 г. в Красноярский крайком пришло сообщение: «Свободных ресурсов для призыва в армию, кроме 1927 года – нет».

Чтобы восполнить бреши, пробитые мобилизациями в толще мужчин призывного возраста, властям пришлось обратиться к женской части населения. Деятельность государственных органов по изысканию живой силы для Красной армии оказалась столь масштабной, а гребенка военкоматов столь частой, что тыловые районы страны превратились в женские регионы, где взрослый мужчина стал большой редкостью. Между тем запасы женских людских ресурсов были весьма значительны. Тыловые районы России в военные годы являли собой «бабье царство». Женщины занимали на производстве места мужчин, ушедших на фронт. Тем не менее, на плечи женщин легла еще одна обязанность – их призывали в армию,

главным образом, на вспомогательные должности, для замены мужчин, направлявшихся на передовую. Таким образом, женское население рассматривалось как один из источников укомплектования вооруженных сил.

Массовые воинские мобилизации среди женщин начались в соответствии с постановлениями ГКО от 25 марта и 13 апреля 1942 г. Тогда было принято решение о призыве 170 тыс. женщин для замены бойцов в войсках ПВО, в войсках связи и в тыловых частях сухопутных войск и военно-воздушных сил. Мобилизации, согласно этим постановлениям, подлежали девушки в возрасте от 19 до 25 лет. 17 апреля 1942 г. СНК СССР утвердил инструкцию «О порядке мобилизации женщин для службы во фронтовых армейских и запасных частях связи и тыловых узлах связи Красной Армии». Согласно инструкции, мобилизации в войска связи подлежали молодые женщины, имеющие соответствующие специальности или обучавшиеся на различных курсах и в техникумах. В войсках связи женщины служили бодистами, этистами, морзистами, телефонистами, радистами, радиомастерами, телеграфными техниками. От мобилизации освобождались беременные женщины, женщины, имеющие детей или нетрудоспособных иждивенцев. После утверждения инструкции, в 1942 г. в Алтайском крае, Омской и Новосибирской областях в войска связи было призвано почти 3 тыс. девушек.

Создавались также женские стрелковые бригады. В феврале 1943 г. увидело свет постановление ГКО «О формировании 50 отдельных женских стрелковых бригад». Численность каждой была установлена в 2600 человек. В СибВО в 1943 г. для отдельных женских бригад было мобилизовано свыше 20 тыс. женщин, из них для доукомплектования стрелковых бригад — более 17 тыс., запасных бригад — свыше 3 тыс., для военных училищ — 600 девушек. Женские бригады не направлялись на фронт. В тылу они занимались охраной объектов военно-промышленного значения, борьбой с диверсантами, сопровождением грузов.

Женщины служили и в авиации, где они в основной массе выполняли обязанности парашютоукладчиц, вооруженцев, трактористов, фотолaborантов, телеграфистов. В Красной

армии имелись несколько бомбардировочных авиаполков, укомплектованные женским летным составом. Много женщин было занято в войсках ПВО. Часть женщин попадала и на передовую, где они служили снайперами и санитарструкторами. Так, в Кемерово в июне 1943 г. была проведена мобилизация девушек-снайперов, прошедших подготовку в подразделениях всеобуча. Многие женщины служили врачами, медсестрами, санитарками во фронтовых воинских частях, госпитальных поездах и в тыловых эвакуогоспиталях. В 1943 г. регионы Сибири получили от Главупраформа крупный наряд на мобилизацию женщин в железнодорожные войска на должности связистов, писарей, санитаров и поваров.

Многие девушки уходили на фронт добровольно, главным образом, по нарядам комсомольских организаций. Так, осенью 1942 г. Омский обком ВЛКСМ принял решение о мобилизации девушек-добровольцев в стрелковую бригаду, формируемую по постановлению ГКО № 1488 от 17 сентября 1942 г. К 24 ноября к месту формирования бригады было отправлено 2456 человек. Согласно докладу секретаря Красноярского крайкома ВЛКСМ по военной работе заведующему военным отделом крайкома ВКП (б) Лупинину, по заданиям ЦК ВЛКСМ весной и летом 1942 г. в части связи были направлены 169 девушек, в части ПВО — 1456, в ВМФ — 1100 девушек. В январе 1943 г. по решению Новосибирского обкома ВЛКСМ на укомплектование женской стрелковой бригады было направлено 670 девушек-добровольцев. Дополнительно в 1943 г. Новосибирский обком ВЛКСМ распределил 450 девушек в гвардейскую Сталинскую дивизию добровольцев-сибиряков, 1270 девушек на Волховский фронт и в Московскую добровольческую женскую стрелковую бригаду, 55 — в Омское интендантское военное училище, 900 — в войска ПВО, 125 девушек на Северный флот. В Омской области в 1944 г. в армию было мобилизовано 1066 женщин, а в Красноярском крае в июне 1944 г. в войсковые части было отобрано 600 добровольцев — женщин. Всего за годы Великой Отечественной войны, по данным военных историков, в армию и на флот, в пограничные и внутренние войска было призвано 570 тыс. женщин [19].

Итак, до предела истощенные людские ресурсы в тыловых районах страны с конца 1942 г. – начала 1943 г. приходилось выявлять в ходе особых мероприятий. В СибВО за четы-

ре года войны в армию ушли 2621,3 тыс. человек [20]. Это свидетельствует о том, что сибирский регион отдал фронту все накопленные до войны людские ресурсы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939 – 1941 гг. (Документы, факты, суждения). М., 2002 С. 292, 294 – 295
2. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Стат. исследование. М., 1993 С. 143
3. Известия. 1998 25 июня.
4. Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М. 1941 С. 40 – 41
5. 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968 С. 257
6. Мохоров Г.А. Защищая Родину (создание стратегических резервов на территории Российской Федерации в годы войны 1941 – 1945 гг.). СПб., 1995 С. 63
7. Михалев С.Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Статистическое исследование. Красноярск, 2000 С. 98
8. Там же. С. 99
9. Гриф секретности снят. С. 143
10. Военно-исторический журнал. 1995 № 3 С. 56
11. Ростов Н.Д. Идем мы в решительный бой... Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 2007 С. 467 – 468
12. Там же. С. 471 – 472
13. Верховцева З.П. Солдаты Сибири. 1941 – 1945 Кемерово, 1978 С. 38; Молочаев И.П. Боевой путь сибирских дивизий в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Новосибирск, 2005 С. 13, 31, 50, 58, 74, 81, 91, 106, 114, 124, 127, 157, 165, 199, 207, 214, 221, 228, 234, 247, 260, 276, 279, 283
14. Ростов Н.Д. Идем мы в решительный бой... С. 473
15. Верховцева З.П. Солдаты Сибири. С. 26
16. Мохоров Г.А. Защищая Родину. С. 75
17. Великая Отечественная война 1941 – 1945 Военно-исторические очерки. Кн. 4 Народ и война. М., 1999 С. 62
18. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009 С. 36
19. Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2 1940 – 1959 М. 2001 С. 32
20. Там же.

V.V. KULAKOV,
YU.N. PONOMAREV,
E.I. KASHIRINA

В.В. КУЛАКОВ,
Ю.Н. ПОНОМАРЕВ,
Е.И. КАШИРИНА

НАГРАДЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1914–1918 гг.)

AWARDS of the RUSSIAN EMPIRE IN the FIRST WORLD WAR (1914–1918)

Статья освещает вопросы стимулирования службы гражданских чинов и боевой деятельности войск армии и флота Российской империи. Как одним из важных методов побуждения военнослужащих к образцовому исполнению воинского долга выступает награждение орденами, медалями и почетными знаками. Кроме людей военных в той или иной мере способствовали успешному выполнению боевых задач различные гражданские чины армии и флота. Для них предусматривались специальные знаки отличия. Кавалером любого ордена или медали в царской России было весьма почетно. Кроме того, для кавалеров императорских орденов и знаков отличия ордена Святого Георгия полагались значительные преференции. Процедура награждения орденом предусматривала двухсторонние материальные обязанности. При награждении тем или иным орденом будущий кавалер вносил установленную сумму в Капитул орденов. Эти средства шли на «призрение» малоимущих кавалеров, инвалидов и членов их семей, а также на выплату «пенсий» по «кавалерскому списку». В России существовало восемь орденов, кроме них отличившихся военнослужащих и чинов армии и флота награждали иностранными знаками отличия, в разное время вошедшими в наградную систему России. Эта система была гибкой и многоуровневой и на протяжении двух веков успешно выполняла возложенные на нее задачи.

The article highlights the issues relating to service of civil orders and combat activity of troops of the army and Navy of the Russian Empire. As one of the important methods of motivation of soldiers to the exemplary performance of military duty is the awarding orders, medals and honorary signs. In addition to the men of war in one way or another contributed to the successful execution of combat tasks of various civil ranks of the army and Navy. They provided special insignias. A knight of any order or medal in tsarist Russia was very honorable. In addition, for the knights of the Imperial orders and decorations the order of St. George was supposed to large benefits. The procedure of awarding the order provided for two-way responsibilities. When awarding a particular order, the future knight contributed a fixed amount to the Chapter of orders. These funds were spent on «charity» to the poor knights, the disabled and members of their families, and also for the payment of «pensions» for «cavalier's list». In Russia there were eight orders, besides them distinguished soldiers and officials of the army and Navy awarded a foreign insignia, at different times included in the award system of Russia. This system was flexible and tiered and for two centuries successfully fulfilled its tasks.

Ключевые слова: орден, медаль, знак отличия, Капитул, приказ, офицер, низший чин, классный чин, Табель о рангах, пожалование.

Keywords: order, medal, badge, Chapter, order, officer, lower rank, class rank, ranking, award.

В средние века в Европе существовали военно-религиозные организации (ордена) крестоносцев, призванные защищать христианскую веру, утверждать католические ценности на цивилизованном пространстве Европы и Северной Африки. Тамплиеры, францисканцы, иониты, тевтонцы, доминиканцы — далеко не полный перечень таких союзов. Большинство данных организаций к XVI веку было распущено, уничтожено или они перешли под светскую власть королей и стали закрытыми обществами, во многом определяющими политику государей. Члены орденов носили специальные орденские знаки и одежды, свидетельствовавшие о принадлежности к организации. Во второй половине XVII века орденские знаки стали выдаваться как высшая

награда государства, жалуемая за особые заслуги.

Именно в этот период Петр I обращает внимание на европейские ордена как наградные знаки и отмечают их несомненную пользу для государства. В России практика награждений «государевых людей» существовала едва ли не раньше, чем в Европе. Гривны, золотые рубли, кубки, шубы, холодное оружие в свое время были прекрасным средством побуждения сильных стать еще сильнее, а робких — встать рядом с сильными. В 1698 году Петр I учредил орден Андрея Первозванного в качестве почетной награды [1]. Затем появились другие ордена — Святого Александра Невского, Георгия, Владимира и другие. Некоторые из них стали разделяться на степени.

Ордена, имеющие несколько степеней, вручались в строгой последовательности — от низшей степени к высшей. За особые военные заслуги допускались и отдельные случаи вручения ордена «через степень». Так, например, А.В. Суворов был кавалером I-й, II-й и III-й степеней ордена Св. Георгия, но полным кавалером (в отличие, например, от М.И. Кутузова) не являлся. Это произошло потому, что к моменту награждения полководец имел генеральский чин, по которому полагалась уже высшая степень.

Ордена, которыми поощрялись за боевые подвиги, отличались наличием перекрещенных мечей. Орден Святого Георгия составлял исключение и мечей не имел, так как изначально учреждался для награждения только за военные подвиги. Знак ордена младшей степени при получении их обладателем следующей, длительное время должны были сниматься. Исключением являлись знаки, врученные за боевые достижения. Во второй половине XIX века этот принцип был отменен. Повторное вручение награды одной и той же степени не предусматривалось. Это же касалось и наград, не имеющих степеней, правда, к ним могли быть дополнительно пожалованы мечи, короны или бриллианты.

Каждый орден имел свою кавалерскую думу и орденский праздник, что подчеркивало принадлежность награжденного к определенному сообществу и отличало эту награду от других видов поощрений: денежных выплат, подарков и медалей.

К первым степеням орденов и орденам Святого Георгия и Владимира полагались звезды. Сначала они вышивались на кожаной подложке, затем пришивались к одежде. Позже, в XIX веке, они стали изготавливаться из серебра или золота. Все знаки ордена (как правило, кресты) были сделаны из золота, лишь в 1916 году появились золоченные бронзовые орденские знаки.

Лицам нехристианского вероисповедания выдавались орденские знаки с гербом России (двуглавым орлом) вместо изображения святых [2].

Порядок пожалования и старшинство орденов были определены в Своде государственных учреждений, а для военных орденов — в Своде военных постановлений. Согласно указанных документов, старшинство (от высшего к низшему) орденов устанавливалось в следующем порядке:

1. Орден Андрея Первозванного;
2. Орден Святого Владимира;
3. Орден Святого Александра Невского;
4. Орден Белого орла;
5. Орден Святой Анны;
6. Орден Святого Станислава.

Кроме приведенных выше Орден Святой Екатерины был предназначен для награждения женских особ, по статусу его можно соотнести с орденом Андрея Первозванного.

Орден Святого Георгия не входил в общую иерархию орденов. По статусу его можно рассматривать наравне с орденом Владимира.

Орденами награждали от низшего к высшему по степеням:

1. Святого Станислава III степени,
2. Святой Анны III степени,
3. Святого Станислава II степени,
4. Святой Анны II степени,
5. Святого Владимира IV степени,
6. Святого Владимира III степени,
7. Святого Станислава I степени,
8. Святой Анны I степени,
9. Святого Владимира II степени,
10. Белого Орла,
11. Святого Александра Невского,
12. Святого Александра Невского с бриллиантовыми украшениями.

Орден Андрея Первозванного являлся высшей наградой в императорской России. До учреждения ордена Святой Екатерины он оставался единственным орденом в наградной системе. Девиз ордена: «За Веру и верность» [3].

Всего орденом Андрея Первозванного было награждено до 1100 человек. Первым награду получил дипломат Ф. Головин в 1699 году. Петр I был седьмым кавалером этой высокой награды. Орденом отмечались и иностранцы. К ним предъявлялись такие же требования, как и к отечественным кавалерам: высокое звание, благородное происхождение, отсутствие «телесных недостатков» [4].

Орден Святой Екатерины был вторым по старшинству в Российской империи и состоял из двух степеней. Он учрежден Петром I в 1713 году, после Прутского похода 1711 года. Тогда императрица подарила свои драгоценности турецкому главнокомандующему, что позволило вывести армию из окружения. Орденом награждали Великих княгинь и придворных дам.

Девиз ордена: «За любовь и отечество». Всего было произведено 724 награждения [5].

Орден Александра Невского был задуман Петром I для награждения за военные подвиги. Но учредить он его не успел. В наградную систему орден ввела Екатерина I в 1725 году. Первые ордена были пожалованы 21 мая 1725 года. В этот день были награждены 18 высокопоставленных чинов, среди которых – военные, гражданские чины, государственные деятели и один бригадир (промежуточный чин между генералом и полковником). В дальнейшем орденом награждались чины, по Табели о рангах соответствовавшие званию не ниже генерал-лейтенанта, а к знакам ордена, выдаваемым за военные заслуги, добавлялись скрещенные мечи. Девиз ордена: «За труды и Отечество». К ордену полагалась звезда. Знаки изготавливались из золота, звезда ордена из серебра и золота. Всего было произведено 3674 награждения [6].

Орден Святого Спасителя и Великомученика Георгия был учрежден 7 декабря 1769 года. Он стал высшей военной наградой государства. Орден состоял из четырех степеней. До 1855 года ордена Св. Георгия IV степени выдавались за выслугу лет. При этом на флоте необходимо было участвовать в 18 морских кампаниях, а в армии отслужить не менее 25 лет (кампания предполагала морской поход в 6 месяцев). Звезда и орден изготавливались из золота. Звезда давалась к I-й и II-й степени ордена. Девиз ордена «За службу и храбрость».

За 150 лет существования ордена его полными кавалерами стали всего четыре человека: М.И. Кутузов, М.Б. Барклай-де-Толли, И.Ф. Паскевич, И.И. Дибич. Орденом I степени награждено 25 человек, II степенью отмечено 125 человек, III степенью – 625, IV степенью произведено свыше 10 000 награждений [7].

В 1782 году Екатерина II учредила свой второй орден – Святого Равноапостольного Князя Владимира. Он был приурочен к 20-летию царствования императрицы. Орден был разделен на четыре степени. Низшую степень ордена мог получить военный служащий в чине не менее подполковника. За военные заслуги выдавались знаки ордена с перекрещенными мечами. С 1855 года IV степень ордена могла вручаться за выслугу лет. За 35 лет безупречной службы им мог быть удостоен гражданский чиновник, а

военные получали этот высокий орден за 25 лет службы (при положительной аттестации). Девиз ордена: «Польза, Честь и Слава». Знак ордена изготавливался из золота. Звезда серебряная, в виде двух ромбовидных пластин, развернутых на 45 градусов. Звезда полагалась к I-й и II-й степени ордена. Одна пластина звезды золоченая – символ Запада, другая серебряная – символ Востока [8].

Орден Святой Анны пришел в наградную систему России из Германии. Он был основан в 1735 году супругом дочери Петра I Анны голштейн-готторпским герцогом Карлом Фридрихом [9]. Долгое время орден был династическим. Павел I ввел его в систему российских орденов. Сначала орден Св. Анны был разделен на три степени, потом появилась четвертая. Ее носили на холодном оружии в виде накладки на эфесе. К ордену I степени полагалась звезда. Девиз ордена: «Любящим правду, благочестие и верность». Кресты высших степеней ордена украшались алмазами, бриллиантами. Позже к ордену жаловалась корона как особый знак отличия. Ордена, выдаваемые за военные заслуги, имели перекрещенные мечи (кроме знака ордена Св. Анны IV степени) [10].

В 1815 году Польша вошла в состав Российской империи. Николай I повелел ввести три польских ордена в систему наград Российской империи. Ими оказались орден Белого орла, Святого Станислава и орден Военного достоинства – За воинскую доблесть (*Virtuti Militari*). Орденом Военного достоинства награждали военнослужащих, отличившихся в подавлении польского мятежа. Орден был разделен на пять степеней и стал самым младшим орденом по старшинству наград. При этом император Николай I повелел считать IV и V степень ордена медалями. Скорей всего, это было обусловлено тем, что Польша вошла в состав России после проигранной войны с Наполеоном. Польская армия воевала на стороне Франции. Император использовал свое право победителя, указав место польских наград в иерархии орденов России. Это было массовое награждение русских военнослужащих, только нижние чины получили около 100 тысяч крестов V степени. Позже, тем более во время Первой мировой войны, орденом *Virtuti Militari* никого не награждали [11].

Орден Белого орла был установлен саксонским курфюрстом Фридрихом Августом I в 1705 году. В 1831 году, после польского восстания, он был введен в наградную систему России. В иерархии русских орденов орден Белого орла занял высокое место, сразу после ордена Святого Александра Невского. Дизайн ордена был изменен. Белый польский орел был наложен на большого черного Российского орла. Орденский знак и звезда изготавливались из золота. Орден степеней не имел. Девиз ордена: «За веру, царя и закон». Всего орденом было отмечено 4018 человек [12].

Третий польский орден – Святого Станислава появился в Польше в 1765 году, с 1831 года, как и орден Белого орла, утвердился в наградной системе России как самый младший орден. В отличие от ордена *Virtuti Militari* им награждали чиновников и военных на протяжении всего времени существования наградной системы императорской России. К знакам, выдаваемым за военные подвиги, предусматривались мечи. Орден был разделен на четыре степени. К первой степени полагалась звезда. Орден Святого Станислава изготавливался из золота, звезда из серебра. Сначала орден делился на 4 степени, но в 1839 году IV степень ордена была упразднена. Девиз ордена: «награждая, поощряет». Орден стал самой массовой наградой в России. Кавалером ордена I степени стало около 20 000 человек. II степенью ордена было отмечено свыше 92 000 человек. III степень ордена вручалась свыше 750 000 раз [13].

В 1807 году Александром I был учрежден Знак отличия Военного ордена для награждения нижних чинов, проявивших «неустранимую храбрость». Он изготавливался из серебра. Первоначально знак ордена не разделялся по степеням. Это был очень почетный и престижный знак отличия, по мере заслуг им могли награждать каждого военнослужащего неоднократно. С 1856 года были введены четыре степени награды. Знаки первой и второй степени были золотыми, третьей и четвертой – серебряными. Правила награждения знаками отличия были такие же, как при награждении орденами – последовательно от младшей к старшей степени.

В 1913 году был принят новый статут Георгиевских наград. Изменения коснулись только знака отличия ордена Святого Георгия и Георгиевской медали «За храбрость». В соответ-

ствии с новым статутом знак стал называться Георгиевским крестом, а нумерация награды начиналась заново. Первая и вторая степень изготавливалась из золота, но оно уже было более низкой пробы (60%). Георгиевским крестом было награждено свыше 1,5 млн человек, в том числе: 1-й степени – 33 000 человек, 2-й степени – 65 000 человек, 3-й степени – 289 000 человек, 4-й степени – 1 200 000 человек [14].

После февральской революции, в июне 1917 года, Временным Правительством статус Георгиевского креста был изменен. Теперь его смогли получать и офицеры по «приговору» солдатского собрания.

Каждый российский орден имел свою администрацию и регламент. Наградное законодательство по всем орденам появилось 5 апреля 1797 года. В этот день Павел I подписал «Уставление о российских орденах». Этот документ устанавливал старшинство орденов и определял функции и задачи орденской канцелярии при «Кавалерском обществе», управляющей наградным производством. С 1798 года на ее основе был создан «Капитул орденов», а в 1832 году он был преобразован в «Капитул Императорских и Царских орденов» [15].

До 1826 года награждение любым императорским орденом давало право на потомственное дворянство. Со временем это условие ужесточалось. В 1845 году такое право получали только кавалеры орденов первой степени или кавалеры орденов Святого Георгия и Святого Владимира любой степени. Остальные награжденные имели право только на личное дворянство. А с 1828 года награждение орденом Св. Владимира IV степени давало права только на личное дворянство.

Изготовление наград – орденов, звезд, медалей, знаков отличия, наградного оружия, а также удостоверений к ним осуществлял Капитул Российских Императорских и Царских орденов. При нем работали Кавалерские думы, которые состояли из собрания авторитетных кавалеров различных орденов (по каждому ордену отдельно), они рассматривали дела о награждении низшими степенями орденов. Гроссмейстером (Верховным руководителем) всех российских орденов являлся император.

Капитул Российских Императорских и Царских орденов распоряжался финансами для распределения их на выплаты кавалерам орде-

нов. Деньги выделялись из казны, а также поступали от награжденных. Взносы взыскивались со всех, исключая кавалеров ордена Св. Георгия (любой степени) и ордена Св. Владимира 4-й степени (только за выслугу лет), кроме того, кавалеры боевых орденов (с мечами) выплачивали только половину суммы.

С 1860 года при пожаловании ордена Андрея Первозванного размер взноса составлял 500 руб., Св. Владимира I-й степени – 450 рублей, Св. Александра Невского – 400 рублей, Белого Орла – 300 рублей, Св. Анны I-й степени – 150 рублей, Св. Станислава I-й степени – 120 рублей [16].

Нижние чины, отмеченные знаком отличия ордена Святого Георгия (Георгиевским крестом), никаких взносов в Капитул не вносили.

Часть этих средств направлялась на «Богородные цели», а основные предназначались для выплат (пенсий) кавалерам орденов, определенных по каждому ордену и степени в соответствии со статутом. Это были пожизненные пенсии. Кроме выплат кавалеры имели право на медицинское обеспечение, бесплатный проезд, лечение и другие преференции.

Таким образом, во время Первой мировой войны производились награждения орденами: Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Белого орла, Св. Георгия, Св. Владимира, Св. Анны, Св. Станислава. Нижних чинов награждали Георгиевскими крестами и медалями, в соответствии с изменившимся в 1913 году статутом Георгиевского ордена.

К XX веку в России сложилась стройная многоуровневая наградная система, которая учитывала интересы всех классов общества. Ордена разделялись по степеням, что позволяло расширить спектр возможных награждений по положению претендентов в обществе. Нижние чины орденами не награждались, их отмечали знаками отличия ордена Святого Георгия (Георгиевским крестом). Преференции по данной награде были существенными, что стимулировало боевую деятельность войск. В связи с тяжелым экономическим положением знаки орденов с 1916 года стали изготавливать из бронзы, а Георгиевские кресты – из желтого и белого металла, знаки отличия для иноверцев упразднены [17]. Тем не менее, значимость любой императорской награды не утрачивалась.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. В.А. Дуров. Русские и советские боевые награды. – М., 1989, с. 4.
2. Г.А. Мурашев. Титулы, чины, награды. – СПб., 2001, с. 160.
3. Валерий Дуров. Ордена Российской Империи. – М., 2002, с. 13.
4. Валерий Дуров. Ордена Российской Империи. – М., 2002, с. 13, https://ru.wikipedia.org/wiki/Орден_Святого_апостола_Андрея_Первозванного, Кому и за что вручают орден апостола Андрея Первозванного. // Аргументы и факты. 20 марта 2014.
5. https://ru.wikipedia.org/wiki/Орден_Святой_Екатерины. С.С. Левин. Орден Святой Екатерины. // Ордена Императорской России. №№ 1–12/2012.
6. С. Шишков. Награды России. 1698–1917 гг. Т. 1, – Роллфильм, 2003, с. 61, Н.Н. Гладков. История государства Российского в наградах и знаках. Т. 1. – М. – СПб, 2004, с. 38.
7. https://ru.wikipedia.org/wiki/Орден_Святого_Георгия. Валерий Дуров. Ордена Российской Империи. – М., 2002, с. 67, 72.
8. В.А. Дуров. Русские и советские боевые награды. – М., 1989, с. 4,5., С.Р. Серков. Орден Святого равноапостольного князя Владимира // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 3. – С. 93–95.
9. В.А. Дуров. Русские и советские боевые награды. – М., 1989, с. 5.
10. И.Г. Спасский. Иностранные и русские ордена до 1917 года. СПб., 1993, с. 19, <http://ordenrf.ru/statiy-rossiya/nagrazhdeniya-ordenom-svyatoy-anny.php>, <http://medalirus.ru/rus-ordena/orden-svyatoy-anny.php>.
11. Н.Н. Гладков. История государства Российского в наградах и знаках. Т. 1. – М. – СПб, 2004, с. 75.
12. С.В. Потрашков. Ордена и медали стран мира. – М., 2007, с. 19, И.Г. Спасский. Иностранные и русские ордена до 1917 года. СПб., 1993, с. 20.
13. С.Р. Серков. Орден Святого Станислава // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 6. – С. 90–91.
14. В.А. Дуров. Русские награды XVIII – начала XX века. М., – 1997, с., Дуров В.А. Георгиевский крест в годы Первой мировой войны. // Военная быль. № 4, 1993.
15. С. Шишков. Награды России. 1698 – 1917 гг. Т. 1, – Роллфильм, 2003, с. 10.
16. С. Шишков. Награды России. 1698 – 1917 гг. Т. 1, – Роллфильм, 2003, с. 12.
17. «Статут Императорского Военного Ордена Святого Великомученика и Поб доносца Георгия, принадлежащего к сему Ордену Георгиевского Креста и причисляемых к тому же Ордену Георгиевского Оружия и Георгиевской Медали». 1913 г. статья 64.

V.V. BASKAKOV,
V.A. RYABOSHAPKO,

V.V. БАСКАКОВ,
В.А. РЯБОШАПКО,

ЗАСЛУЖЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ НАУКИ НЕСПРАВЕДЛИВО ЗАБЫТЫ HONORED SCIENTISTS UNFAIRLY FORGOTTEN

Поставлен вопрос о несправедливом отношении к заслуженным деятелям наук, проживающим в Москве в социальном обеспечении по сравнению с артистами. Проведена оценка деятельности заслуженных работников науки и вклада их в дело укрепления суверенитета и обороноспособности страны.

The question was raised about the unfair treatment of honored workers of science living in Moscow in social security in comparison with artists. The evaluation of the activities of honored workers of science and their contribution to the strengthening of the sovereignty and defense capability of the country was carried out.

Ключевые слова: заслуженный деятель науки, заслуженный артист, народный артист, пенсионеры, культура, искусство, доктор наук, профессор.

Keywords: honored worker of science, honored artist, folk artist, pensioners, culture, art, ph.d, professor.

С 1 января 2018 г. решением президиума столичной мэрии г. Москвы заслуженным и народным артистам РФ, проживающим в Москве, установлена добавка к пенсии 30 тысяч рублей ежемесячно. Приходится только порадоваться за них. Но возникает вопрос: почему только артистам?

А разве заслуженные деятели науки РФ такового не заслуживают?

Как отмечает писатель и публицист Анатолий Самуилович Слуцкий: «В России базовая, фундаментальная черта менталитета – это жажда справедливости. Она заложена в нас, на генетическом уровне. Во многих других странах этого нет...а для нас это главное». Но Московская власть, к сожалению, эту российскую особенность не учитывает. Более того, иногда, как в выше приведенном случае, создает ситуацию, когда несправедливость возмущает.

Если положить на чаши весов результат деятельности заслуженных деятелей науки и заслуженных деятелей театра и кино, для существования и развития государства, то большой вопрос что перевесит.

Иногда артисты получают заслуженного деятеля, мастерски рассказывая со сцены анек-

доты, различные байки и пародии. Смешно, с одной стороны, а с другой – является ли это уж таким значительным вкладом в развитие национальной культуры и искусства? Такие критерии не установлены, все субъективно и сомнительно.

Здесь необходимо отметить, что материальное состояние многих заслуженных и народных артистов пенсионеров не идет, не в какое сравнение с пенсионерами заслуженными деятелями науки. Не случайно в наших СМИ отмечается, что после смерти или в результате развода многих заслуженных и народных артистов делится многомиллионное или даже миллиардное состояние между наследниками или бывшими супругами. Могут заметить, что некоторые знаменитости еще советского театра и кино умирают почти в нищете. Но ведь «столичная» надбавка к пенсии предназначена всем, даже тем, у кого имеются многомиллионные счета в банках и дорогие коттеджи, виллы или дворцы.

Необходимо также отметить, что многие заслуженные и народные артисты пенсионеры отдают свою пенсию на благотворительность, значит, они в ней не нуждаются.

Однако что-то незаметно, чтобы СМИ писали о многомиллионных состояниях заслуженных деятелей науки. Да и состояниям этим неоткуда взяться. Например, еще несколько лет назад должностной оклад доктора наук, профессора в государственном вузе был такой же, как оклад московского дворника. Необходимо отметить, что у нас очень много заслуженных и народных артистов в области эстрадного искусства, или, как теперь принято говорить, в области «Шоу бизнеса». Если сравнить влияние «Шоу бизнеса» и науки на жизнь и развитие страны, то приоритет естественно будет за наукой. Наука будет просто иметь подавляющее значение. И даже если представить, что эстрадного искусства «Шоу бизнеса» вообще бы не было, это не очень сказалось бы на жизни и развитии страны. Мы здесь не затрагиваем другие весьма важные виды искусств: оперу, оперетту, балет и т.п., которые все же влияют лишь на духовную сферу развития человеческого общества. В то время как научная деятельность влияет на все сферы жизни и развития человеческого общества.

Между тем результат работы многих заслуженных деятелей науки позволил не уйти России в небытие, способствовал продолжению ее истории. Вклад от деятельности многих заслу-

женных деятелей науки способствовал становлению России как великой мировой державы, укреплению ее суверенитета и обороноспособности.

Здесь необходимо привести слова недавно ушедшего от нас лауреата нобелевской премии академика Жореса Ивановича Алферова. «Все, чем располагает человечество на планете – это результат научной работы». И еще: «Младший научный сотрудник, работающий в лаборатории в области естественных наук, – фигура, значительно, более великая, чем президент любой страны. Так как президент решает проблемы своей страны и некоторых соседних стран, а младший научный сотрудник проблемы всего человечества».

Это справедливо за исключением деятельности президентов Великих держав, от результатов деятельности которых, может зависеть судьба многих государств и даже в некоторых случаях всего человечества.

Таким образом, по нашему мнению, было бы справедливо и очень по государственному, со стороны московских властей, учредить такую же ежемесячную надбавку к пенсии – 30 тысяч рублей. А может быть и большую, заслуженным деятелям науки РФ, проживающим в Москве.

**СПИСОК АВТОРОВ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК» № 2 (67)-2019**

Герасимов Валерий Васильевич, начальник Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации – первый заместитель министра обороны Российской Федерации, член Совета Безопасности Российской Федерации, генерал армии, Герой Российской Федерации.

Гареев Махмут Ахметович, доктор военных и доктор исторических наук, профессор, президент АВН, генерал армии.

Цыганков Алексей Михайлович, первый заместитель начальника Главного военно-политического управления Вооружённых Сил Российской Федерации, генерал-майор.

Корабельников Александр Андреевич, заслуженный деятель науки РФ, доктор военных наук, профессор, полковник.

Казаков Владимир Геннадиевич, кандидат военных наук, доцент, заместитель начальника ВУНЦ – «ВВА им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, генерал-майор.

Васильев Алексей Валентинович, кандидат политических наук, доцент кафедры систематического богословия и патрологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, полковник запаса.

Кокошин Андрей Афанасьевич, академик РАН, декан факультета мировой политики МГУ им. Ломоносова.

Останков Владимир Иванович, ведущий научник ВАГШ ВС РФ, генерал-лейтенант.

Цырендоржиев Самбу Рабданович, ведущий научный сотрудник 46 ЦНИИ Минобороны России.

Дербин Евгений Анатольевич, начальник отдела дирекции Академии военных наук, генерал-майор.

Гореславский Сергей Степанович, директор по особым поручениям АО «Рособоронэкспорт».

Козин Владимир Петрович, ведущий эксперт Центра военно-политических исследований МГИМО(У) МИД России, член-корреспондент АВН.

Баранов Валерий Петрович, научный руководитель научного отделения АВН, генерал-полковник.

Аксенов Сергей Владимирович, заместитель руководителя отделения АВН.

Дегтярева Екатерина Андреевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга Российского университета дружбы народов.

Потапов Владимир Иванович, профессор кафедры тактики (ВМФ) ВУНЦ ВМФ «Военно-морская

академия», доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ, руководитель северо-западного регионального отделения АВН, контр-адмирал в отставке.

Алексеев Алексей Сергеевич, кандидат военных наук, профессор АВН, начальник военной кафедры при Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова», капитан 1 ранга.

Рахманов Александр Алексеевич, лауреат Государственной премии Российской Федерации имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор технических наук, профессор, вице-президент РАН, действительный член АВН, заместитель генерального директора ПАО МАК Вымпел по научно-техническому развитию, генерал-лейтенант в отставке.

Ягольников Сергей Васильевич, лауреат премии Правительства Российской Федерации имени Ю.А.Гагарина в области космической деятельности, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор технических наук, профессор, действительный член АВН, начальник ЦНИИ ВВКО Минобороны России, генерал-майор запаса.

Сташков Виктор Борисович, кандидат технических наук, доцент, полковник запаса, старший научный сотрудник НИЦ Краснодарского высшего военного училища.

Димонов Дмитрий Александрович, начальник лаборатории НИЦ Краснодарского высшего военного училища, майор.

Юмашева Елена Всеволодовна, кандидат экономических наук, доцент, профессор РАЕ, старший научный сотрудник НИЦ Краснодарского высшего военного училища.

Суховацкая Елена Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент, профессор АВН, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации.

Виноградов Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, заместитель начальника кафедры

гуманитарных и социальных наук Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации.

Снигирев Александр Леонидович, кандидат педагогических наук, доцент, профессор АВН, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации.

Лата Василий Филиппович, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Военной академии РВСН им. Петра Великого, доктор военных наук, профессор, лауреат государственной премии им. Г.К. Жукова, руководитель отделения Академии военных наук, действительный член АВН, генерал-лейтенант в отставке.

Анненков Владимир Иванович, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела научно-исследовательского центра Военной академии РВСН им. Петра Великого, доктор военных наук, профессор, почетный работник науки и техники Российской Федерации, полковник в отставке.

Моисеев Василий Федорович, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Военной академии РВСН им. Петра Великого, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, почетный работник науки и техники Российской Федерации, почетный изобретатель города Москвы, полковник в отставке.

Новиков Владимир Кузьмич, кандидат военных наук, доцент, полковник в отставке.

Голубчиков Сергей Викторович, кандидат технических наук, доцент, подполковник запаса.

Шляхтунов Михаил Андреевич, аспирант, соискатель ученой степени кандидата исторических наук, майор.

Бундин Юрий Иванович, кандидат юридических наук, действительный государственный совет-

ник Российской Федерации 3 класса, член Союза писателей России и Ассоциации искусствоведов (АИС), член-корреспондент АВН, доцент Центра инновационных образовательных проектов Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А.Л.Штиглица.

Ильинов Евгений Владимирович, кандидат военных наук, доцент, профессор академии АВН, начальник научно-исследовательского центра (проблем применения, обеспечения и управления авиацией ВВС) Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», полковник.

Дегтярев Владимир Иванович, кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник отдела научно-исследовательского управления научно-исследовательского центра (проблем применения, обеспечения и управления авиацией ВВС) Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», полковник в отставке.

Исупов В.А., доктор исторических наук, профессор, действительный член АВН, главный научный сотрудник Института истории СО РАН, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Рябшапко Виталий Андреевич, доктор военных наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, вице-президент АВН.

Марков Алексей Сергеевич, доктор технических наук, старший научный сотрудник, полковник запаса, президент АО «НПО «Эшелон»,

Шерemet Игорь Анатольевич, член-корреспондент РАН, вице-президент АВН, доктор технических наук, профессор, генерал-майор запаса, заместитель директора РФФИ по науке.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, предоставляемых для публикации в научном редактируемом журнале «Вестник Академии военных наук»

Общие положения

Критериями работ, принимаемых для публикации в журнале, являются актуальность, новизна материала и его ценность в теоретическом и/или прикладном аспектах. Принимаются материалы, которые не были опубликованы в других периодических изданиях.

Тематическая направленность журнала «Вестник Академии военных наук» predeterminedлена закрепленным за ним перечнем отраслей науки и групп специальностей в соответствии с Номенклатурой специальностей, в том числе: 20.01.01 – Общие основы военной науки, военное строительство, строительство Вооруженных Сил, военные науки; 20.01.02 – Стратегия. Военные аспекты безопасности государства, военная политология, политические науки; 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, политические науки; 20.01.07 – Военная экономика, оборонно-промышленный потенциал, экономические науки; 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, экономические науки.

К статье должны прилагаться сопроводительное письмо – заявление автора и направление от отделения АВН (секции), где выполнялось исследование по тематике. К письму прилагается экспертное заключение о допустимости публикации материала статьи в открытой печати, экспертное заключение специалистов о сущности и качестве работы.

Редакция обеспечивает экспертную оценку (рецензирование, заключение) рукописей, привлекая для этого независимых рецензентов. На основании письменных рецензий и заключения редколлегии рукопись принимается к печати, отклоняется или высылается автору (авторам) на доработку.

Редакция оставляет за собой право публиковать принятые к печати статьи в том номере и в такой последовательности, которые представляются оптимальными для журнала.

Присланная статья должна включать.

Общие сведения о статье

На титульном листе (сверху):

название статьи на русском и английском языках (жирный шрифт, заглавными буквами);

имя, отчество (инициалы) и фамилии авторов на русском и английском языках (полностью) (полужирный шрифт, заглавными буквами).

В конце статьи – сведения об авторах.

Аннотация и ключевые слова

Аннотация на русском и английском языках должна:

описывать основные цели исследования;

объяснять, как было проведено исследование;

суммировать наиболее важные результаты исследования и их значение.

Объем аннотации от 50 до 100 слов (слово «Аннотация» не используется).

Ключевые слова на русском и английском языках должны:

отражать основное содержание статьи;

по-возможности, не повторять термины заглавия и аннотации;

использовать термины статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволяют облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы.

Ключевых слов должно быть не менее 5 (слов или словосочетаний).

Текст статьи

Текст статьи представляется в распечатанном виде (1 экз.) и на CD-RW в текстовом редакторе Microsoft Word 6, 7, 97 или 2000 через 1,5 интервала шрифтом Times New Roman (размер шрифта 12 пт) на стандартных листах А4 (поля слева – 3 см, справа – 1 см, сверху и снизу – по 2,5 см).

Объем статьи (вместе с таблицами, иллюстрациями и библиографией) не должен превышать 12 – 15 страниц.

Примечания (литература)

Примечания (список использованной литературы) оформляются в соответствии с действующими требованиями. Не допускаются ссылки на неопубликованные работы и на авторефераты диссертаций.

Рукописи, оформленные не по правилам, не рассматриваются.

Редакция просит возвращать исправленные после рецензирования и перепечатанные заново рукописи не позднее двух месяцев от времени их получения. Превышение этих сроков замедлит публикацию рукописи.

Авторский гонорар и оплата труда по рецензированию рукописей не предусмотрены.

Рукописи авторам не возвращаются.

Корректурa авторам не высылается.

Образец заполнения титульного листа статьи

I.I. IVANOV,
P.P. PETROV

И.И. ИВАНОВ,
П.П. ПЕТРОВ

...

{Название статьи по-русски}
{Название статьи по-английски}
{Аннотация по-русски}
{Аннотация по-английски}
Ключевые слова: {Ключевые слова по-русски}
Keywords: {Ключевые слова по-английски}

Повторение в статье одних и тех же данных в тексте, таблицах и графиках не допускается. Таблицы и рисунки должны быть пронумерованы; в тексте статьи обязательна ссылка на таблицы и рисунки. Таблицы должны иметь заголовки, а рисунки – подрисуночную подпись. Принимаются только черно-белые рисунки.

К графикам и диаграммам желательно прилагать цифровые данные (представленные в табличном виде), на основе которых они построены (для облегчения работы с ними при подготовке статьи к изданию). Отсканированные иллюстрации (рисунки и фотографии) необходимо предоставлять отдельно от текста в формате TIF или JPG.

Следует ограничиваться общепринятыми сокращениями и избегать введения новых сокращений без достаточных на то оснований. Вновь введенные сокращения необходимо расшифровывать.

Ссылки на литературу в тексте статьи приводятся в квадратных скобках, например: [2] или [5-7].

В списке литературы (примечаниях) приводятся только источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Список формируется в соответствии с последовательностью приведения ссылок в тексте статьи. В списке литературы должны быть указаны:

для книг: Фамилии и инициалы авторов (прямой шрифт). Название книги. – Место издания. Название издательства. Год издания;

для статей из неперидических изданий (сборников): Фамилии и инициалы авторов (прямой), название статьи, //название книги (сборника). Место издания. Название издательства (без кавычек). Год издания. Страницы начала-конца статьи;

для статей из периодических изданий: Фамилии и инициалы авторов (прямой). Название статьи//Название журнала. Место издания. Год издания. Том или номер журнала. Страницы начала-конца статьи.

Литература (примечания) размещается после основного текста статьи.

Примечания:

1. Бонд В.В. Сравнительная клеточная и видовая радиочувствительность. – М.: Атомиздат, 1974.
2. Капустина Г.Ю. Рейтинговая система контроля знаний // Тезисы международной научно-практической конференции «Профессиональное образование: опыт, проблемы, перспективы». – М., 1996.

Статья должна быть подписана всеми авторами (на последней странице).

В сведениях об авторах указывается

Фамилия, имя и отчество авторов, ученая степень, звание, в том числе почетное и воинское, отношение к АВН, название организации (место работы) авторов и ее структурного подразделения, почтовый адрес автора (улица, № дома, город, страна, почтовый индекс) на русском и английском языках; номер рабочего и домашнего телефона.

В конце статьи необходимо указать фамилию, имя и отчество автора, с которым наиболее целесообразно контактировать по вопросам подготовки статьи к опубликованию (для уточнений), и его координаты (e-mail, номер домашнего и рабочего телефона).

Форма заявления на публикацию

Главному редактору
журнала «Вестник АВН»
Гарееву М.А.
от члена АВН(указывается
название научного или регионального отделения,
фамилия И.О.

Заявление

Прошу опубликовать мою (нашу) статью под названием: (Название статьи) в номере «Вестника АВН».

Разрешаю использовать полный текст публикации для некоммерческого информационного обслуживания читателей «Вестника АВН».

Разрешаю передачу полного текста публикации и персональных данных ООО «НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА (eLIBRARY.RU)» в целях осуществления поисковых операций в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения их до всеобщего сведения.

Дата

Подписи авторов с расшифровкой

По решению редколлегии допускается публикация статей авторов, не являющихся членами АВН, при ответственности содержания тематической направленности журнала.

СТАТЬИ, ОФОРМЛЕННЫЕ БЕЗ УЧЕТА ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ, НЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ.